

ББК 66.62

К 682

УДК 9С 17

УДК 9(Крм) 9С1

Рецензенты

Тимошук А. В., доктор исторических наук, профессор

Катунин Ю. А., доктор исторических наук, профессор

Шинкаренко И. Р., кандидат юридических наук, профессор

Королёв В. И.

К 682 Действовать энергично и по закону. История политической полиции Крыма. — Симферополь: АнтикВА. 2007. — 196 с.

Книга доктора исторических наук, профессора В. И. Королева написана на основе новых и разнообразных источников, открывает новую страницу крымской истории, показывает организацию, направления, формы и методы, специфику деятельности органов жандармерии и политического сыска Крыма в борьбе с революционным движением в конце XIX — начале XX в. Монография имеет не только научную, познавательную, но и практическую значимость. Она поможет в педагогической практике при подготовке специальных кадров в высших учебных заведениях системы МВД, СБУ и вузов юридического профиля, а также пополнит багаж исторических знаний сегодняшних и будущих сотрудников этих ведомств. Данное историческое исследование будет интересно и широкому кругу читателей, интересующихся историей нашего края.

ISBN 978-966-2930-34-4

ISBN 978-966-2930-34-4

© Королёв В. И., текст, 2007.

© Предприятие «АнтикВА»,
оригинал-макет, 2007.

Р. Г. ТУРЧЕНКО

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I Кадровый состав политической полиции и правовые основы ее деятельности	18
1. Численность и качественные характеристики сотрудников, их условия службы.....	18
2. Нормативно-правовая база.....	39
ГЛАВА II Жандармские управления и охранные отделения в условиях политической конфронтации	59
1. Деятельность полицейских органов накануне политического противостояния.....	59
2. Борьба с революционным движением в 1905 году.....	74
ГЛАВА III Роль политической полиции в сохранении и укреплении политической стабильности (1906-1917)	108
1. Политическая полиция на сломе революции.....	108
2. Борьба с терроризмом в 1906-1908 гг.....	126
3. Пресечение антигосударственной деятельности в межреволюционный период.....	141
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	174
ЛИТЕРАТУРА	177
ПРИЛОЖЕНИЯ	182

ВВЕДЕНИЕ

Во многих историко-правовых исследованиях царскую Россию, в состав которой входили и девять украинских губерний, называли полицейским государством, однако история самой полиции в украинской научной литературе остается практически неразработанной. Между тем она приобретает актуальность и представляет научный интерес, особенно сегодня, когда в ходе становления и развития Украины как независимого и демократического государства совершенствуется система деятельности органов национальной милиции, изменяются ее нормативно-правовая база и требования к личному составу. Поэтому правомерным и полезным является проведение анализа деятельности полицейских органов Российской империи на украинских землях, начиная с переломного периода «великих реформ» середины XIX столетия и заканчивая ее упразднением в 1917 году. Именно в данный исторический промежуток времени создавались и преобразовывались организационные основы полиции, разрабатывалась новая нормативная база, которая регулировала деятельность существующей полиции и ее новообразованных подразделений, изменялись требования к кадровому отбору, совершенствовались штаты, увеличивалось финансирование и т. п.

Изучение исторического опыта борьбы органов политической полиции с революционным движением, деятельности по

сохранению политической стабильности, общественного порядка и гражданского спокойствия полезен и потому, что в политической жизни независимой Украины ныне имеют место проявления экстремизма и радикализма.

Особого, на наш взгляд, внимания заслуживает исследование деятельности правоохранительных органов прошлого на региональном уровне. Тем более в Крыму, где развитие исторического процесса в конце XIX — начале XX в. имело (как впрочем, и ныне) ярко выраженные особенности.

Здесь происходили события, имевшие резонанс не только у всероссийской, но и мировой общественности: к примеру, акт воинского неповиновения на броненосце «Потемкин Таврический» в июне, массовые еврейские погромы в октябре, бунт «очаковцев» в ноябре 1905 г. и др. До 1912 г. Крым являлся ссыльным краем, куда до и после первой российской революции отправлялись лидеры и функционеры различных оппозиционных и национальных партий как регионального, так и всероссийского уровня. Не случайно в Крыму в двух городах были учреждены в числе немногих регионов, наряду с крупными промышленными центрами страны органы политического сыска. Сюда стекались, особенно в курортное время, не только уголовные элементы, но и партийные функционеры. По данным первой Всероссийской переписи 1897 г. Таврическая губерния занимала одно из лидирующих мест в империи по национальной песноте своего населения, что добавляло сложностей в работу правоохранительных органов. Портовые города Крыма и Северной Таврии служили каналами поступления революционной литературы, оружия для революционной борьбы, всевозможной контрабандной продукции. Наличие такой крупной боевой единицы царской армии, каковой являлся Черноморский флот и таких прибрежных сухопутных частей, которые всегда находились в прицеле работы революционных формирований, требовало определенного профессионального опыта и напряжения сил органов политической и общей полиции.

Изучение истории полиции Крыма приобретает определенную актуальность и в связи с тем, что наш край в начале про-

шлого века относился к числу наиболее нестабильных в политическом отношении в стране. И сейчас, как и в начале XX столетия, здесь неоднократно возникает социально-политическая напряженность. Насыщенные важными событиями годы на рубеже позапрошлого и прошлого веков, которые по праву относятся учеными к числу переломных, представляют особый интерес с точки зрения, что каждый период истории Крыма приобретает самоценность как объект исследования, так и со стороны необходимости углубленного изучения отдельных исторических «отраслей», в данном случае — истории правоохранительных органов.

Исследование предусматривает выполнение триединой задачи: проанализировать кадровый состав сотрудников политической и, в определенной мере общей полиции, достаточность его для выполнения обязанностей по сохранению политической стабильности на основе действующего законодательства; изучить изменение тактики деятельности органов политической полиции на разных стадиях развития политического процесса в регионе; определить эффективность используемых методов и средств для борьбы с революционным движением и адекватность действий сотрудников жандармерии и охранных отделений в условиях резко меняющейся политической ситуации в крае.

Теоретико-методологической основой нашего исследования явились системный и комплексный подходы, которые основываются на диалектических принципах историзма, объективности и научности. Принцип историзма заключается во всесторонней оценке событий и фактов с учетом сложности политических процессов, проистекавших в Крыму и Северной Таврии в конце XIX — начале XX в., эволюции практической деятельности органов политической полиции в борьбе с революционным движением. Принцип объективности предусматривает рассмотрение исторического прошлого таким, каким оно было в действительности, без субъективности оценок автора. Принцип научности означает то, что лишь на основе обобщения теоретического и фактического материала автор может делать выводы по результатам исследования.

Реализация указанных принципов и подходов осуществлялась параллельно с применением общенаучных и специальных методов научного познания исторической действительности. Среди них следует выделить индукцию и дедукцию, анализ и синтез, сравнение, обобщение, исключение, аналогию, ретроспективный, хронологический и др. Использование указанных методов дало возможность автору рассмотреть деятельность органов политической полиции в динамике на фоне разных периодов политического противостояния, открытой конфронтации и сохранения политической стабильности в регионе. С помощью логического анализа нами были выделены особенности и специфика деятельности жандармерии и охранных отделений Таврической губернии.

Среди использованных специальных методов исторического исследования следует указать на описательный, статистический, проблемно-хронологический и др. Указанные выше подходы и принципы позволили достигнуть цели и разрешить поставленные научные задачи.

Анализируя состояние изучения проблемы деятельности административно-полицейского аппарата царизма можно выделить следующие этапы: первый — с 70-х г. XIX в. до 1917 г.; второй — с 1917 г. по 1991 г. С провозглашением независимости Украины начался современный — третий этап изучения данной проблемы.

Первые работы по истории полицейских органов появились еще до 1917 г. Небольшие исторические очерки были написаны Е. Анучиным, С. Белецким и П. Руткевичем¹.

---

¹Анучин Е. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с 1775 г. — СПб., 1872; Белецкий С., Руткевич П. Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. — СПб., 1913). В то же время появились работы правоведческого характера И. Андриевского, Н. Н. Белявского, В. Ф. Дерюжинского, И. Т. Тарасова: Андриевский. Полицейское право. — СПб., 1871; Белявский Н. Н. Лекции по полицейскому праву. — Юрьев, 1904; Дерюжинский В. Ф. Полицейское право. Пособие. — М., 1903; И. Т. Тарасов. Очерк науки полицейского права. — М., 1897; Тарасов И. Т. Учебник науки полицейского права. — М., 1891).

Советская историография также не богата работами по истории правоохранительных органов царизма. К этой проблеме обращались в основном специалисты по истории государства и права: Е. П. Бровцинова, Н. П. Ерощкин, А. А. Зайнчковский, А. П. Кознов, Е. А. Скрипилев и др.²

В советской исторической литературе действия Таврической губернской администрации, общей и политической полиции косвенно попадали в описание революционного времени, но всегда в негативном плане. Пролетарские историки в оценке административно-полицейского аппарата самодержавия придерживались взглядов своих предшественников — собратьев по перу, которые в листовках 1905 г. называли блюстителей общественного порядка не иначе как «жандармско-полицейской сволочью», «царскими коршунами», «прислужниками всероссийского трона» и т. п. Со временем поколение историков-мемуаристов сменилось основательно заидеологизованными профессионалами, «уличные» эпитеты исчезли, а пренебрежительное отношение к органам правопорядка империи осталось.

Крымские исследователи также показывали работу полицейских учреждений тенденциозно и искаженно. Приведем несколько примеров. Кандидат исторических наук Ф. Кунцевич так описывал события 1905 г. в Крыму: «18 октября в Симферополе... вооруженные банды черносотенцев напали на митинг (еврейских революционеров. — В. К.) и стали избивать безоружных людей. Боевая рабочая дружина попыталась отразить нападение черносотенцев, но на помощь бандитам пришла полиция... 20 октября в Феодосии в здании городской управы происходило собрание представителей революционного населения. Черносотенные

---

² Бровцинова Е. П. Карательное законодательство царизма в борьбе с революцией 1905–1907 гг. // История СССР. — 1975. — № 5. — С. 110–117; Ерощкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. — М., 1983; Зайнчковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. (Политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). — М., 1970; Зайнчковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. — М., 1978.

банды при помощи полиции окружили здание и подожгли его. В результате много участников сгорело заживо. Вслед за этим черносотенцы и полиция устроили погром... В те дни в Севастополе была создана народная милиция, которая взяла охрану порядка в городе в свои руки» (выделено нами. — В. К.)³.

В приведенном отрывке просматриваются установки сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)». Следуя утверждениям революционных прокламаций того времени, историки 20–50-х гг. также перекладывали вину за организацию погромов на полицию и ярых приверженцев старого режима. В действительности и в Симферополе, и в Феодосии полицейские не занимали сторону монархически настроенных сограждан, а черносотенные организации в то время в Крыму еще не оформились. И в том, и в другом случае полиция встала на защиту революционного меньшинства, и если бы не оперативные и слаженные действия феодосийского наряда полицейских и воинской команды, то группа революционеров сгорела бы заживо в здании управы, но такой развязки конфликта силовые формирования не допустили.

Справедливости ради следует отметить, что в Феодосии несколько чинов полиции по собственной инициативе, исходя из своих убеждений в те дни пытались создать боевую дружину для противодействия революционерам. Вопреки устоявшемуся в литературе мнению, на основе многочисленных, изученных нами архивных материалов, можно утверждать, что такой факт провокационных действий и потворства погромщикам был редкостью. Неслучайно 11 из 21 полицейского за содействие погрому на следующий день были уволены со службы, остальные наказаны в служебном порядке. Очевидно, ни о каком «союзе» бандитов или ярых черносотенцев и полицейских не может идти и речи.

Одновременно в приведенном описании преувеличена роль народной милиции, которая просуществовала всего 2–3 дня. Кандидат исторических наук Н. Г. Губенко писала о том, что ее

---

³ Кунцевич Ф., Губенко Г. Н. Революционное движение в Таврической губернии в 1905–1907 гг. — Симферополь, 1955. — С. 18.

создание вызвало «большой отклик в стране и за рубежом». Вряд ли несколько рабочих патрулей смогли бы навести порядок в городе, где тысячи людей вышли на улицы⁴.

Некоторый всплеск изучению истории административно-полицейского аппарата царизма дала перестройка в СССР. Только в 1988 году были защищены диссертации А. А. Миролюбовым, З. И. Перегудовой, Л. И. Тютюник⁵. Эти работы содержат обширный исторический материал с отдельными фактами из истории полицейских органов девяти украинских губерний.

В 90-е годы интерес к нашей проблеме заметно снижается. Можно выделить лишь отдельные публикации: Н. Н. Анисимова, М. Н. Вязьмятипова, Ю. Ф. Овченко, И. Л. Петрухина, М. В. Сидоровой⁶. Некоторые поднимаемые ими вопросы имели принципиальное разрешение. Так, М. Н. Вязьмятипов, дискутируя с авторами советского времени, утверждал, что провокаторство было распространено главным образом у эсеров, а социал-демократов оно только коснулось. Мы соглашаемся с историком и наше исследование также показывает, что широкая агентурная деятельность была развернута органами политического сыска Крыма и Северной Таврии и в рядах эсдеков.

⁴ Губенко Г. Н. Революционное движение в Таврической губернии в 1905–1907 гг. — Симферополь, 1955. — С. 12.

⁵ Миролюбов Л. А. Политический сыск России в 1914–1917 гг. — М., 1988; Перегудова З. И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением (годы реакции и нового революционного подъема). — М., 1988; Тютюник Л. И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже XIX–XX вв. (1880–1904 гг.). — М., 1988.

⁶ Анисимов Н. И. Охранные отделения и местные власти России в начале XX в. // Советское государство и право. — 1991. — № 5. — С. 119–125; Вязьмятипов М. Н. Жандармы и армия: политический сыск и вооруженные силы России в революции 1905–1907 гг. // Военно-исторический журнал. — 1995. — № 1. — С. 89–93; Овченко Ю. Ф. Московская «охранка» на рубеже веков // Отечественная история. — 1993. — № 3. — С. 193–201; Петрухин П. Л. Меры пресечения в дореволюционной России // Советское государство и право. — 1988. — № 7. — С. 199–125; Сидорова М. В. Использование документов архивов политического сыска в середине XIX — начале XX вв. // Советские архивы. — 1991. — № 6. — С. 20–26.

Мы солидарны и с выводом М. Н. Вязьмятипова⁷ о том, что в ряде работ советских историков, освещающих работу боевых военных организаций, очень сдержанно упоминается об их провалах. Наше исследование убедительно демонстрирует об удачных внедрениях секретных сотрудников политической полиции в ряд революционных формирований, за которым последовала полная их ликвидация. Например, провалы с. д. и с. р. организаций в декабре 1905 — марте 1906 гг., «дело Рыбакова» в 1908 г. в Севастополе и др.

В современной украинской историографии к изучению истории политической полиции обращались лишь А. Н. Ярмыш, А. С. Чайковский, Н. Г. Щербак и А. Пиджаренко, В. И. Королев⁸.

Особое место в скудной литературе по истории правоохранительных органов Украины занимает монография А. Н. Ярмыша, раскрывающая организацию, основные направления, формы и методы деятельности административно-полицейского аппарата царизма и органов политического сыска в Украине в конце XIX — начале XX вв. К сожалению, в ней содержатся, лишь редкие сведения о работе органов политической полиции исследуемого нами региона. Так, автор упоминает о наличии в Севастополе и Керчи крепостных жандармских команд, о прикреплении к Севастопольскому городскому жандармскому управлению двух прикомандированных жандармских офицеров из других регионов империи, о выделении по смете 1897 г. на «агентурно-розыскные надобности» 1 тысячи рублей, создании в октябре 1902 г. Симферопольского охранного отделения, о ликвидации статуса самостоятельной организации Севастопольского охранного отделения.

⁷ Вязьмятипов М. Н. Жандармы и армия: политический сыск и вооруженные силы России в революции 1905–1907 гг. // Военно-исторический журнал. — 1995. — № 1. — С. 92.

⁸ Ярмыш А. Н. Политическая полиция Российской империи (1880–1904). — Харьков, 1978; Чайковский А. С., Щербак Я. Г. Вне закона и над законом. — К., 1996; Пиджаренко А. Полицейский сыск // Именем закона. — 1999, 22 января; 29 января).

Говоря о создании в 1901 г. Севастопольского жандармского управления, автор неверно утверждает, что это было лишь одно единственное значительное изменение в структуре полицейских органов Крыма и Северной Таврии начала XX в. Однако административно-полицейский аппарат губернии и в дальнейшем претерпевал заметные изменения. К примеру 2 июля 1902 года появилось Таврическое губернское охранное отделение, в том же году были учреждены отделения Портового жандармского полицейского управления в Феодосийской, Евпаторийском, Ялтинском, Бердянском и Геническом портах, в декабре 1910 г. при Севастопольском охранном отделении было создано единственный в Украине специализированный орган политического розыска — так называемое «Регистрационное бюро», производившее слежку за временным прибывающими в Крым гражданами. Следует согласиться с известным украинским исследователем, что в сферу деятельности севастопольских жандармов помимо Севастопольского градоначальства входили Балаклава, Ялтинский и Евпаторийский уезды⁹.

Автором этого исследования разработана политическая история Крыма и Северной Таврии конца XIX в. и до середины 1918 г.¹⁰, в которой лишь косвенно просматривалась деятельность органов политической полиции в революционных собы-

⁹ Ярмыш А. Н. Наблюдать недоступно. Административно-полицейский аппарат царизма и органы политического сыска в Украине в конце XIX — начале XX веков. — Харьков, 1992. — 186 с.

¹⁰ Королев В. И. Бунт на коленах. Политические партии в Таврической губернии. 1905-1907 гг. — Симферополь, 1993. — 72 с.; Его же. Возникновение политических партий в Таврической губернии. — Симферополь, 1993. — 42 с. Его же. Таврическая губерния в революциях 1917 года (Политические партии и власть). — Симферополь, 1993. — 86 с.; Его же. Деятельность политических партий в Таврической губернии в 1917 — начале 1918 гг. — Симферополь, 1994. — 186 с.; Его же. Крым и Северная Таврия в 1907-1917 гг. Страницы политической истории. — Симферополь, 1995. — 72 с.

тиях этого периода. Впоследствии была подготовлена серия статей по нашей проблеме¹¹.

Единичные работы предназначались для учебных целей¹². В них публиковались без какого-либо анализа только документы и материалы к проведению практических занятий с курсантами высших учебных заведений Министерства внутренних дел.

Как и в российской, так и украинской литературе история полицейских органов на региональном уровне не разрабатывалась.

Таким образом, в исторической литературе отсутствуют исследования по выделенной нами проблеме и существует необходимость в научном исследовании, которое откроет новую страницу крымской истории, а научная новизна и актуальность его не вызывает никаких сомнений.

Источниковую базу настоящей работы составляют архивные документы, опубликованные материалы, мемуарная литература, периодика, справочная литература.

Наиболее многочисленной является первая группа, которую можно в свою очередь подразделить на: а) источники законодательного характера и ведомственные нормативные

¹¹ Королев В. И. Административно-полицейские органы Таврической губернии (численность, состав и размещение) // Вестник Харьковского университета внутренних дел. — Вып. 7 — Харьков, 1999. — С. 68-82; Его же. История полиции Крыма. Постановка проблемы // Культура народов Причерноморья. — 2004. — № 55. — С. 55-57; Его же. Общая полиция Крыма в начале XX века (Численность, размещение и условия службы) // Историческое наследие Крыма. — 2004. — № 3-4. — С. 74-80; Его же. Деятельность административно-полицейских органов Крыма и Северной Таврии в 1905 г. / Материалы научно-практической конференции Запорожского национального университета. — 2007. — С. 147-153; Его же. Крымские жандармы. Кто они? // Историческое наследие Крыма. — 2007. — № 17. — С. 56-61; Его же. Органы политической полиции Крыма и Северной Таврии в борьбе с революционным движением. Историография проблемы // Историческое наследие Крыма. — 2007. — № 20. — С. 72-75.

¹² История органов внутренних дел. В 2-х частях. Учебные материалы для спецкурса. — Харьков, 1999; История органов внутренних дел. Научно-библиографический справочник. — Харьков, 2000.

акты; б) материалы делопроизводства полицейских учреждений (справки, итоги ревизий, разнообразная служебная переписка и т. д.); в) сведения, собираемые Департаментом полиции России о революционном движении в империи, в том числе в Крыму и Северной Таврии.

Основу этой монографии составляют архивные документы, впервые вводимые в научный оборот — прежде всего, Государственного архива в Автономной Республике Крым. Организация и деятельность городской полиции в значительной мере регламентировалась ведомственными нормативными актами, среди которых наиболее важными являются циркуляры Министерства внутренних дел, которые в большом количестве отложились в местном архивохранилище и которые мы проанализировали в параграфе 2 главы II нашего исследования.

К материалам официального делопроизводства, в частности, относятся: переписка МВД с таврическими губернаторами, начальниками ТЖГУ, их отчеты (к сожалению, не все отчеты за этот период сохранились), которые содержат оценки деятельности местных структур подведомственной политической полиции. Все эти документы в большом количестве содержатся в фондах органов общей и политической полиции крымского архивохранилища, в частности: фонд № 706 «Таврическое губернское жандармское управление», № 555 «Керченское жандармское управление», № 556 «Севастопольское жандармское управление». № 770 «Таврическое губернское охранное отделение». № 816 «Севастопольское охранное отделение» и др. Кроме того, некоторые данные по нашей теме содержат фонды органов общей полиции: № 197 «Симферопольское городское полицейское управление». № 200 «Ялтинское городское полицейское управление» и др. Нельзя было обойти стороной два таких ценных фонда, как № 26 «Канцелярия Таврического губернатора» и № 27 «Таврическое губернское управление», так как губернаторы были подчинены непосредственно императору и министру внутренних дел. держали отчет перед ними за свою работу во вверенном регионе по сохранению «общественного спокойствия». В главном крымском архивохранилище были обнаружены и систематизированы мно-

гочисленные факты деятельности политической полиции в различные периоды рассматриваемого времени. Бесценны документы, показывающие роль сотрудников жандармерии и охранных отделений в бурных событиях революции 1905–1907 гг.

Однако имеющийся в Государственном архиве АРК багаж документов для всестороннего раскрытия нашей проблемы был недостаточен, поэтому нами использованы материалы одного из самых объемных и ценных собраний документов — фонд № 1791 «Главное управление по делам полиции МВД» Государственного исторического архива Российской Федерации (бывший Центральный государственный архив Великой Октябрьской социалистической революции (ЦГАОР, Москва). Здесь хранятся не только все циркуляры и распоряжения полицейского ведомства, но и систематизированные им сведения с мест, позволяющие сделать выводы о деятельности крымских полицейских органов и к тому же в сравнении с подобными подразделениями других регионов государства. Тем более что Департамент полиции жестко требовал, как можно точнее давать информацию не только о политических настроениях населения и проявлениях работы оппозиционных режиму организаций, но и о состоянии дел в низовых подведомственных органах, о выполнении мер по повышению эффективности их работы.

Часть документов, к сожалению, небольшую, но все же мы получили из фондов Центрального государственного исторического архива Украины, в частности в фонде № 268 «Южное районное охранное отделение» и № 705 «Юго-Восточное районное охранное отделение» и др. Поскольку в военном отношении крымские органы полиции, как и командование Черноморским флотом и сухопутных частей, включались в сферу Одесского военного округа, то некоторые интересующие нас материалы мы встретили в фондах: № 41 «Одесское жандармское управление». № 347 «Одесский военно-окружной суд», № 419 «Прокурор Одесской судебной палаты».

Для написания работы были привлечены материалы ранее опубликованных в разные годы сборников документов и материалов, таких как «Революционное движение в Крыму (1880–

1907 г.) (Симферополь. 1940), «Революционное движение в Таврической губернии в 1905-1907 гг.» (Симферополь, 1955) и др., в которых присутствуют некоторые сведения о работе полицейских органов в нашем крае. В библиотеке «Таврика» Крымского республиканского краеведческого музея хранятся «Справочные книга Таврической губернии» за несколько лет начала XX в. Из них была почерпнута информация не только о количестве руководящего состава, но и о размещении в крае полицейских органов.

С мемуарной литературой дело обстоит хуже. Всего несколько сотрудников полиции оставили свои воспоминания. К примеру, служивший в Крыму штабс-ротмистр, а впоследствии известный в стране жандармский генерал А. И. Спиридович приводит немного сведений о своей службе на полуострове, но его книга «Записки жандарма» хорошо передает обстановку и условия работы органов политического сыска в тот период. Большой интерес представил для нас такой забытый источник как публикация воспоминаний и писем 1905-1907 г.¹³

Ценным первоисточником для изучения политической и криминальной ситуации в крае являются периодические издания. К большому сожалению, в Крыму в фондах государственного архива, республиканского краеведческого музея и в музейных собраниях городов полуострова их сохранилось мало. Солидными коллекциями крымских газет и журналов рассматриваемого периода обладают государственная библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге и газетный фонд Государственной Российской Федерации (бывшая им. В. И. Ленина), газетный фонд которой находится в г. Химки.

Использовалась также разнообразная справочная литература, в частности, памятные книжки Таврической губернии и отдельных городов за 1908-1916 годы. Из них был получен, в частности, ценный материал о пофамильном составе полицейских формирований региона.

Таким образом, использование всего комплекса исторических источников позволило нам, опираясь в основном на новые архивно-документальные материалы, впервые осветить организационно-правовые основы, направления, формы и методы деятельности, механизм взаимодействия формирований местной политической полиции Крыма и Северной Таврии с другими ведомствами и местными властями, их роль в политических событиях такого специфического региона Российской империи начала XX в., каковым являлся Крым.

Данное исследование может быть использовано для написания обобщающих научных трудов по истории правоохранительных органов Украины. Такие изыскания должны способствовать пониманию ныне происходящего совершенствования правоохранительных органов. Несомненную пользу монография принесет при подготовке специальных кадров в высших учебных заведениях системы Министерства внутренних дел. Службы безопасности Украины и вузов юридического профиля, а также пополнит багаж исторических знаний сегодняшних и будущих сотрудников этого ведомства. Данная работа имеет научную, познавательную и практическую значимость.

¹³ Революционное движение в Черноморском флоте в 1905-1907 гг. / Воспоминания и письма. — М., 1956. — 313 с.

ГЛАВА I

Кадровый состав политической полиции и правовые основы ее деятельности

7. Численность и качественные характеристики сотрудников, их условия службы

Во второй половине XIX — начале XX в. в Таврической губернии действовали органы отлаженной административно-полицейской системы империи: губернская, городские и уездные администрации, жандармские управления, судебные учреждения, розыскные (охранные) и полицейские управления, органы прокуратуры, тюрьмы и др. Особую роль в этой структуре играли полицейские органы, охранявшие на местах государственный порядок и общественное спокойствие. Главной задачей политической полиции являлось выявление и пресечение деятельности антиправительственных организаций и сообществ, наблюдение за политическими настроениями населения.

На вершине административно-полицейской пирамиды края стоял губернатор. На этой должности со времени образования губернии и до Февральской революции (1802–1917 гг.) находилось 23 представителя царской власти на местах, т. е. в среднем один губернатор занимал этот пост 5 лет. В начале XX века сменяемость первых лиц губернии стала чаще и зави-

села от политической стабильности в крае: П. М. Лазарев служил в 1899–1901 гг., В. Ф. Трепов — 1902–1905, Е. Н. Волков — 1905–1907, В. В. Новицкий — 1907–1911, П. Н. Апраксин — 1911–1914, Н. Н. Лавриновский — 1914–1915, Н. А. Княжевич — 1915–1917 гг. Все они были потомственными дворянами, причем граф П. Н. Апраксин относился к титулованным.

Губернатору был подчинен полицейский аппарат, состоявший из общей и политической полиции. Последнюю возглавляло Таврическое губернское жандармское управление (ГЖУ), созданное в 1867 году. В Керчь-Еникальском и Севастопольском градоначальствах соответственно в 1884 и 1901 гг. были созданы городские управления. Первыми лицами Корпуса жандармов в Таврии были с 1893 г. полковник Н. М. Курьянов, с 1895 г. — полковник, позже генерал-майор С. В. Трубников, с 1908 — полковник К. П. Немирович-Данченко, Е. Г. Фон-Плато и др.

Нами составлена таблица, демонстрирующая поименный состав всех сотрудников Корпуса жандармов в Крыму и Северной Таврии:

Старший офицерский состав Таврического ГЖУ
в конце XIX — начале XX в.

Должность	к. XIX — н. XX в.	1901- 1904 г.	1905- 1907 г.	1907- 1914 г.	1914- 1917 г.
Начальник ГЖУ	Полковник Н. М. Курьянов (с 1893 г.) Полковник С. В. Трубников (с 1895 г.)	Генерал С. В. Трубников (до 1904 г.) Полковник Загоскин	Полковник Н. А. Немирович- Данченко (с 1906 г.)	Полковник К. П. Немирович- Данченко (с 1908 г.) Полковник Е. Г. Фон- Плато	Полковник Е. Г. Фон- Плато
Пом. нач. ГЖУ в Се- вастополь- ском порту	Ротмистр Н. И. Крюгер (с 1892 г.) Подполковник П. Д. Каневцов (с 1895 г.)	ЛИКВИДИРОВАНА В НАЧАЛЕ 1901 г.			

Помощник в Керченском градоначальстве и в порту	Н. Д. Самоквасов		Ротмистр А. А. Молчанов (с 1905 г.)	Полковник Д. А. Кременецкий п-к А. Е. Стеблин-Каменский (с 1911 г.)	Полковник А. Е. Стеблин-Каменский
Помощник в Керченском градоначальстве и Феодосийском уезде	Подполковник А. А. Мацкевич (с 1891 г.)	Ротмистр Шухомов	ЛИКВИДИРОВАНА		
Пом. в Ялте и Ялтинском уезде	П/п В. К. Конради (с 1895 г.) Ротмистр А. Н. Корешиев (с 1897 г.)	Ротмистр А. Н. Корешиев	Полковник А. Н. Корешиев Полковник Гвоздевич	Полковник Гвоздевич	
Пом. в Симферопольском и Перекопском уездах	Учреждена в начале 1908 г.			Ротм., п /п Д. Д. Леус	п-к Д. Д. Леус
Пом. в Перекопском и Днепровском уездах	Ротмистр Н. А. Бураго (с 1894 г.) Штабс-ротмистр В. Л. Гамреклиоз (с 1894 г.) В. А. Проффен (с 1895 г.) Подполковник Д. А. Яковлев (с 1898 г.)	Ротмистр Д. Д. Леус	Ротмистр Д. Д. Леус	Ликвидирована в связи с передачей Днепровского уезда в ведение Херсонского ГЖУ	
Пом. в Бердянском и Мелитопольском уездах	Ротмистр Д. С. Байковский (с 1894 г.) Подполковник Доброжанский (с 1898 г.)	Подполковник Веласовский	Подполковник Кравченко П. (с 1906 г.) Ротмистр Сошальский (с 1907 г.)	Подполковник С. Г. Плец (с 1908 г.) Ротмистр Надгородский	

Пом. в Феодосийском уезде	Учреждена в начале 1906 г.		Ротмистр В. Я. Тимковский (1906 г.)	Ротмистр В. Я. Тимковский	Ротмистр В. Я. Тимковский
Нач. Сев. жанд. Креп. команды	Ротмистр Н. С. Палхис (с 1892 г.)	Ротмистр Гангардт	Ротмистр Н. А. Васильев	Подполковник П. К. Полянский	
Нач. Керч. жанд. Креп. Команды	Ротмистр А. В. Воскресенский (с 1894 г.) Ротмистр Г. Н. Ребиндер (с 1894 г.) Ротмистр В. Б. Арндт (с 1896 г.)	Ротмистр Д. А. Кременецкий	Подполковник Кременецкий (до 1910 г.)	Расформирована в 1910 г.	
Адъютант	Штабс-ротмистр Д. Н. Вишневецкий (с 1890 г.) И. М. Абрамов (с 1894 г.) Поручик Д. А. Цысс (с 1896 г.)		Поручик Р. Сошальский	Штабс-ротмистр Ф. Г. Кузуб Ротмистр Корф (с 1906 г.)	Поручик Ф. А. Кудрицкий (с 1913 г.)
<i>Источники:</i>	ГА АРК. — Ф. 706., Оп. 1., Д. 11., Л. 1-8	ГА АРК. — Ф. 706., Оп. 1., Д. 147 Л. 173.	ГА АРК. — Ф. 706., Оп. 1., Д. 303., Л. 1-5.	ГА АРК. — Ф. 556., Оп. 3., Д. 41., Л. 8: ГА АРК. — Ф. 706., Оп. 1., Д. 147., Л. 31; ГА АРК. — Ф. 706., Оп. 1., Д. 401., Л. 25.	ГА АРК. — Ф. 706., Оп. 1., Д. 147., Л. 31.

Размещение и количественный состав сотрудников жандармерии демонстрирует следующая таблица:

Подразделения	Всего	Начальники или руководители	Помощники начальников	Альтернативы	Вакансии	Унтер-офицеры	Пользы
Управление ГЖУ	6	1	-	1	1	1	2
Севастопольское ЖУ	9	1	5	1	1	-	1
Керченское ЖУ	6	1	2	1	-	1	1
Ялта и уезд	6	1	1	-	1	1	1
Симферопольский и Перекопский уезды	7	1	2	-	1	1	1
Мелитопольский и Бердянский уезды	5	1	2	-	1	1	1
Севастопольский порт	5	1	-	-	4	-	-
Керченский порт	6	1	-	-	5	-	-
Севастопольская жандармская команда	20	1	-	-	1	18	-
Керченская жандармская команда	12	1	-	-	1	10	-
Итого:	83	10	12	3	16	35	7

Источники: ГААРК. — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 147. — Л. 18, 23, 34, 108, 112, 118, 141, 173, 182; Д. 303. — Л. 1-5; Д. 401. — Л. 11, 25; Д. 402. — Л. 1; Ф. 555. — Оп. 2. — Д. 220. — Л. 235; Ф. 556. — Оп. 3. — Д. 41. — Л. 36; Справочная книга Таврической губернии за 1914 г. — С. 11.

Наиболее крупным образованием в структуре политической полиции было Севастопольское:

Личный состав Севастопольского городского жандармского управления в начале XX в.

Должность	1901-1907	1907-1914	1914-1917
Начальник	Полковник Загоскин, Подполковник А. П. Бельский (с 1.1905), Полковник В. Э. Зейдлиц	Полковник К. И. Глобачев	Полковник К. И. Глобачев, Полковник Редров (с 1915)
Пом. нач. в Севастоп. град-ве	Ротмистр Н. П. Николаевский	Подполковник М. А. Подгоричани-Петрович	Подполковник М. А. Подгоричани-Петрович
Пом. нач. в Севастопол. порту	Ротмистр А. В. Крапивин	Ротмистр Н. Н. Третьяков	Ротмистр Н. Н. Третьяков
Пом. нач. в Евпаторийск. у. и Балаклаве	Ротмистр Н. П. Николаевский	Полковник А. В. Крапивин	Должность сокращена
Пом. нач. в Ялте и Ялтинском уезде	Ротмистр В. М. Зеленко	Полковник В. В. Троицкий-Сенютович	Сокращена
Начальник жанд. крепостной команды	Ротмистр Гангардт Ротмистр П. К. Полянский	Полковник П. К. Полянский	Полковник П. К. Полянский
Адъютант	Вакансия	Поручик Н. В. Мавродин	Штабс-ротмистр Н. В. Мавродин, Ротмистр А. П. Автомонов
Прикомандированные	-	Ротмистр А. П. Автомонов	-
Нач. Севастоп. отд. Харьков. ЖПУЖД	Ротмистр Чероков	Подполковник Чероков	Подполковник Чероков
Источники:	Сб. док. — С., 1957. — С. 90.	Справочная книга. 1914. — С. 11.	ГААРК. — Ф. 556. — Оп. 3. — Д. 1. — Л. 8, 36.

Приведенные в таблицах данные позволяют утверждать, что количественный состав политической полиции Крыма и Северной Таврии был небольшим, несмотря на то, что регион в начале XX в. представлял одну из «горячих точек» империи.

Мы располагаем подробными сведениями о 29 старших офицерах Таврического ГЖУ, служивших в 1890–1913 гг. (См. приложение № 1). Собранные нами данные показывают, что:

1. Все они были зрелого возраста (средний — 40 лет: до 30 — 4; до 40 — 12; до 50 — 9; до 60 — 4 чел.);

2. Высшие чины жандармерии были представителями различных национальностей и вероисповедания, но в абсолютном большинстве русскими и православными.

3. Большинство жандармских офицеров закончило высшие военные училища, остальные — военные гимназии (2), кадетские корпуса (2) и лишь один получил частное образование.

4. По происхождению большинство жандармов были дворянами, только трое вышли из семей священников, трое — из мещан и один — из семьи сотника Области Войска Донского.

5. Все сотрудники Таврического ГЖУ не имели собственного жилья и недвижимости.

6. Жалованье жандармских офицеров было приличным (за исключением начальников Таврического ГЖУ, получавших от 3235 до 3629 рублей, включая денежные средства, выделяемые на наем квартир и питание). Материальное содержание помощников начальников ГЖУ составляло от 1166 до 2380 руб. (в среднем 1350 руб.), адъютантов — 630–968 руб., начальников крепостных жандармских команд — от 989 до 1186 рублей (об этом подробнее — далее).

7. Все, кроме двоих, были женаты и имели 1–2 детей.

8. На момент поступления на службу в Таврическое ГЖУ все, за исключением четверых, были награждены орденами и медалями (в сумме — 47 орденов и 34 медалей).

9. Все, кроме двоих, к моменту назначения на должности в Таврическое ГЖУ имели стаж службы в жандармерии и были переведены из Вологды, Кутаиси, Харькова, Владимира, Саратова, Чернигова, Финляндии, Уфы, Томска, Подольска, Сама-

ры, Твери, Бессарабии. Санкт-Петербурга и др. мест. Как видим, функции и условия службы определяли частое перемещение жандармских офицеров по различным регионам империи.

10. Из них 6 офицеров были участниками русско-турецкой войны 1877–1878 гг., один участвовал в подавлении польского восстания 1863 г.

Таким образом, личный состав таврической жандармерии был укомплектован опытными сотрудниками, способными выполнять особые задачи, возложенные царизмом на политическую полицию.

Качественный состав местных жандармских органов улучшала практика прикомандирования к ним столичных офицеров Корпуса жандармов. Например, в Севастопольское управление были направлены два офицера из Санкт-Петербурга; в дополнительном штате Севастопольского городского управления находилось 9, в Керченском — 5 прикомандированных сотрудников.

2 октября 1902 г. циркуляром Департамента полиции № 6211 было учреждено Таврическое губернское розыскное управление (подчеркнем, одновременно с отделениями в Киеве, Харькове, Одессе и Екатеринославе). В том же году создано Севастопольское сыскное отделение. В январе 1903 г. они были переименованы в охранные отделения. Главной задачей этих органов являлся политический розыск. При этом сотрудникам местных «охранок» запрещалось выполнение каких-либо поручений, выходящих из круга их прямых обязанностей. Отныне аресты, политическое наблюдение производились только с разрешения и согласования начальников отделений политического сыска. К району розыскной деятельности губернского органа относились Симферополь, Севастополь и Керчь, а в случаях оживления революционной работы сотрудники охраны могли быть откомандированы в Феодосию, Ялту и Мелитополь. Днепропетровский уезд относился к ведению Херсонского ГЖУ

Штат сыскных отделений не превышал 10 сотрудников. В Таврическом губернском охранном отделении по штату числилось 20 агентов, в Севастопольском — 18 филеров, получавших

50 руб. в месяц. Таким образом, политическим сыском в губернии занимались немногим более 50 сотрудников¹.

На службу в охранные отделения направлялись опытные полицейские кадры. Достаточно сказать, что начальником Таврической «охранки» был назначен известный в системе политической полиции империи штабс-ротмистр А. И. Спиридович, оставивший интересные воспоминания о своей службе в органах, в том числе и в крымском охранном отделении. Не проработав и года в этой должности, он был назначен начальником Киевского охранного отделения.

Обнаруженные нами архивные документы позволяют проанализировать качественный состав сотрудников севастопольской политической полиции. Известно, что в 1917 г. распоряжением Временного правительства в центре и на местах создавались комиссии, которые занимались розыском и арестом сотрудников ликвидированной в ходе Февральской революции царской политической полиции. Этой мерой тогда пытались предотвратить самосуды (в силу действия закона «О запрещении внесудебных арестов») и привлечь к ответственности лиц, нахождение которых на свободе «явно угрожало новому строю».

В ходе расследования образованная в Севастополе комиссия по имеющимся документам местного жандармского управления составила список о секретных сотрудниках и агентах наружного наблюдения, которые проходили службу с 1905 по 1911 г. и с 1914 по 1917 г. В этом списке числилось 107 штатных работников и филеров.

На службе в жандармском управлении и охранном отделении Севастополя, в основном, находились мужчины молодого возраста: до 20 лет — 1 чел.; 20-30 лет — 20 чел.; 30-40 лет — 8 чел.; 40-50 лет — 2 чел. К сожалению, возраст остальных неизвестен. Секретным сотрудником по наблюдению за общественным движением и революционной деятельностью явля-

¹ Государственный архив Автономной Республики Крым (Далее — ГА-АРК). — Ф. 770. — Оп. 2. — Д. 1, 6, 9, 12; Д. 6. — Л. 70.

лась лишь одна женщина — сорокатрехлетняя М. В. Сазонова. В рядах политической полиции служило абсолютное большинство русских и украинцев, из представителей национальных меньшинств сотрудничали с севастопольскими органами политического сыска 6 евреев, 3 татарина, 3 немца и 1 поляк. За небольшим исключением почти все работники и агенты были православного вероисповедания. Все внештатные сотрудники имели различные профессии, поэтому они могли информировать о политических настроениях различных слоев и категорий населения. В различное время сотрудничали с охранным отделением 16 запасных унтер-офицеров, 13 крестьян, 5 матросов Черноморского флота, 5 солдат прибрежных сухопутных частей, 3 студента, 2 бухгалтера, 2 работника почты и телеграфа, печатник, журналист, ветеринар, садовник и др. Обращает на себя внимание незначительное представительство в политическом сыске интеллигенции и рабочих: за 10 лет работы указанных органов были задействованы соответственно 7 и 2 человека. В эти годы побывало в штате 20 сотрудников, преимущественно бывших военных. Характер профессии требовал частого перемещения кадров. На службу в Севастополь в разное время прибыли 5 работников сыска Одессы, по 3 — из Ялты, Харькова и Варшавы, по 2 — из Киева, Москвы и Тифлиса, по 1 — из Ташкента, Архангельска, Нижнего Новгорода, Гродно, Кронштадта, Владимира и других городов. В то же время убыли в Симферополь 19 человек, в Москву — 6 чел., по 3 человека в Харьков и Ялту, 2 — в Одессу, по 1 — в Екатеринослав, Туапсе, Батуми и др. города. Причем многие тайные агенты пополнили штат полицейской стражи Симферополя, состав которой в эти годы неуклонно увеличивался.

По неполным сведениям, по одному агенту охранного отделения было внедрено в группу монархистов и «Союза черноморских моряков торгового флота», 5 человек — в организации меньшевиков и 18 — социалистов-революционеров. Такой интерес к партии эсеров был вызван массовостью и влиятельностью этой организации, а также широким применением ею тактики индивидуального политического террора. Примечательно, что один

из тайных сотрудников являлся членом ЦК ПСР, а другой выполнял функции палача. Некоторые агенты, к примеру А. Н. Бобков и К. Сычугов, из монархических убеждений оказывали охранному отделению услуги без денежного вознаграждения.

Сотрудники политического сыска Севастополя проявляли различное усердие в службе. Василий Жук и Андрей Мищенко добыли ценные сведения, с помощью которых в сентябре 1907 г. был предупрежден бунт в Брестском пехотном полку, а в мае 1912 г. — на линкоре «Иоанн Златоуст». Благодаря Роману Шостаку были обнаружены 2 пулемета и 27 винтовок, похищенных революционерами с миноносца «Зоркий». Иногда среди кадрового состава охранных отделений наблюдалась преемственность: в 1908–1913 гг. на службе состоял Евстигней Федорович Корольков, а в 1913–1915 гг. его сын Михаил. Напротив, ряд сотрудников был уволен за профессиональную непригодность и систематическое пьянство.

В севастопольском регионе, к которому в полицейском отношении тогда относились Ялта, Евпатория и Бахчисарай штатное расписание позволяло одновременно работать 5 штатным агентам и стольким же филерам. Однако по сведениям севастопольской комиссии Временного правительства, на территории Крыма, преимущественно в Ялте, был арестован 21 бывший сотрудник Севастопольского охранного отделения².

Сотрудники политического сыска отличались образовательным уровнем, профессиями, вероисповеданием, национальностями, профессиональной подготовкой и социальным положением, но при этом были преимущественно молодого возраста и однородных политических убеждений. Благодаря контролируемой расстановке кадров, охранные отделения постоянно располагали информацией о политических настроениях различных слоев населения. Несмотря на необходимую сменяемость сотрудников, не всегда достаточное материальное обеспечение, политическая полиция все же успешно справлялась со своими задачами как в дореволюционный, так и в межреволюционный период.

² ГААРК. — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 12. 95.

В 1902 г. в Феодосийском, Евпаторийском, Ялтинском, Бердянском и Геническом портах были учреждены отделения Портового жандармского полицейского управления, которые подчинялись «в строевом, хозяйственном, инспекторском и военно-судебном отношениях — штабу Корпуса жандармов и Командиру Корпуса, а по исполнению общеполлицейских обязанностей — Губернатору и Министерству внутренних дел». Портовая полиция состояла из начальника, одного-двух его помощников, адъютанта, писаря и трех (Ялта, Геническ) или шести (Бердянск, Феодосия) нижних чинов. 24 марта 1903 г. состав портовых жандармских отделений был переподчинен местным портовым управлениям, а в Бердянске, Феодосии и Ялте, хотя и незначительно, но пополнен. Такое решение ликвидировало подчиненность портовых жандармских команд городским полицейским управлениям, которые часто меняли состав портовых полицейских и направляли на службу в порт «лиц довольно преклонного возраста, мало толковых»³.

Железные дороги Таврической губернии находились в поле деятельности Екатеринославского жандармского управления железных дорог, которое направляло в Крым значительные силы и особенно в связи с неоднократным пребыванием на отдых в Ливадию императора и царской семьи.

Кроме того, в подчинении Таврического ГЖУ имелись две крепостные жандармские команды в Севастополе (20 чел., из них один обер-офицер, вахмистр и 18 унтер-офицеров) и Керчи (12 чел., из них соответственно 1, 1, 10)⁴.

В соответствии с законом от 6 июля 1908 г. «для производства розыска по делам общеуголовного характера» в составе полицейских управлений были созданы сыскные отделения III разряда в Симферополе и Керчи, в которых служили около 20 сотрудников.

Отдельный Корпус жандармов имел военную организацию, числился по военному ведомству, содержался за счет средств военного бюджета. Командир корпуса одновременно являлся заместителем министра внутренних дел, ему же подчинялся департамент поли-

³ Там же. — Ф. 27. — Оп. 3. — Д. 208. — Л. 8, 21–22; Д. 619. — Л. 1, 15; 28–31.

⁴ ГААРК. — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 13. — Л. 143; Д. 147. — Л. 18.

ции. Военная организация Корпуса жандармов становилась причиной относительной независимости жандармерии от Департамента полиции, а отсутствие прямых указаний в законе на подчинение ОКЖ последнему, что порождало между ними постоянные трения.

С началом революции жандармерия и полиция одновременно были как бы над армией. Начальники ГЖУ и охранных отделений снабжали департамент полиции сведениями о состоянии воинских частей, а оттуда через министерство внутренних дел информация попадала к царю и военному министру.

Главными задачами немногочисленных губернских управлений был политический сыск и следствие по государственным преступлениям. Общая полиция не только собирала сведения политического характера и осуществляла надзор. Она обязана была также выполнять все предписания руководителей политического сыска и оказывать им всяческое содействие.

В деле политического сыска и наблюдения за настроениями населения рука об руку с сотрудниками политической полиции действовал личный состав общей полиции. В Таврической губернии имелось 15 городских и 8 уездных полицейских управлений. Штатное расписание и численность сотрудников в них были различными, что демонстрируют следующие таблицы, систематизирующие собранные нами данные за 1905 г.

Городские

Должность	Симферополь	Евпатория	Феодосия	Бахчисарай	Ялта
Полицеймейстер	1	1	1	1	1
Помощник полицмейстера	1	1	-	-	-
Пристав	-	1	1	-	3
Помощник пристава	2	2	1	1	4
Полицейский надзиратель	4	1	-	1	6

Продолжение таблицы

Городовой старший	12	6	4	3	3
Городовой младший	48	26	19	И	33
Секретарь	1	-	1	1	-
ИТОГО	69	38	27	18	50

Сельские (по штату и в наличии)

Должность	Симферопольский уезд	Феодосийский уезд	Евпаторийский уезд	Ялтинский уезд	Перекопский уезд	Мелитопольский уезд
Исправник	1/1	1/1	1/1	1/1	1/1	1/1
Помощник исправника	1/1	1/1	1/1	1/1	1/1	1/1
Пристав	4/4	5/4	4/3	3/3	3/3	11/8
Помощник пристава	1/1	-	1/1	-	-	-
Секретарь	1/1	1А	1/1	1/-	1/1	1/1
Столоначальник	2/2	2/2	2/2	2/-	2/-	2/-
Регистратор	1/1	1/-	1/-	1/-	1/-	1/1
Бухгалтер	-	-	-	1/1	-	-
ИТОГО	11/11	11/8	11/9	10/6	9/6	17/12

Располагая обнаруженными нами архивными данными, по косвенным подсчетам можно заключить, что количественный состав управленческий аппарат общей полиции насчитывал около 700 сотрудников.

Штат общей полиции губернии во второй половине XIX — начале XX в. оставался практически неизменным, хотя многократно с мест высказывались настойчивые просьбы об его увеличении. Только в марте 1905 г. в Алуште появилась полицейская команда из 5 человек, а до этого отсутствовала. В октябре 1913 г. симферопольский пристав Падейский обращал внимание командования, что с 1863 г. численность полицейских дополнялась считанными единицами, а население увеличилось почти в 7 раз⁵. Пожалуй, единственным крупным нововведением, повлиявшим на количественный состав полиции, явилось учреждение в ноябре 1905 г. уездной стражи. Во исполнение закона от 5 мая 1903 г. в каждой волости вводились должности одного урядника и нескольких стражников из расчета: один полицейский на 2,5 тыс. жителей. Усиливалась конная полиция: каждый четвертый стражник приобретал и должен был содержать собственную лошадь. Кроме шашек, уездные полицейские обеспечивались винтовками. Одновременно упразднились должности сотских. В связи с усилением политической конфронтации в крае укомплектование проводилось ускоренными темпами, что не могло не сказаться на качественном составе нового звена административно-полицейской структуры⁶.

Численность уездной полицейской стражи демонстрирует следующая таблица (по штату и в наличии):

Уезды	Население (данные 1904 г.)	Урядники	Конные стражники	Пешие стражники старшие	Пешие стражники младшие	ВСЕГО
Симферопольский	66647	7/7	7/7	3/3	24/24	41/41
Феодосийский	82845	8/8	8/9	3/3	30/32	49/52
Ялтинский	54666	5/5	5/6	2/2	20/22	32/35
Евпаторийский	42646	7/7	4/5	2/2	15/18	28/32

⁵ ГААРК. — Ф. 27. — По. 3. — Д. 703. — Л. 2; Д. 12003. — Л. 122.

⁶ Там же.

Перекопский	43098	7/7	4/4	2/2	15/16	28/29
Днепровский	253684	17/17	26/21	10/9	91/77	144/124
Мелитопольский	422131	20/20	42/37	17/15	152/132	231/204
Бердянский	339468	24/24	34/27	13/10	123/97	194/158
ИТОГО	1305185	95/95	130/116	52/46	470/418	747/675

Как видим, наибольший недокомплект отмечался лишь среди младших стражников, что объяснялось низкими окладами.

Численность полицейских чинов как общей, так и политической полиции в исследуемый период не претерпела существенных изменений. Несколько она сократилась в результате волны политического террора, поднятой леворадикалами после поражения первой российской революции (о чем далее в главе III). Причем, от рук революционеров погибли наиболее опытные, профессионально исполнявшие свой долг сотрудники.

Заметно ухудшился качественный состав как политической, так и общей полиции с началом первой мировой войны. В 1916 г. полицмейстер Бердянска И. Спичак сетовал, что с трудом находятся кандидаты на должности городских, в полицейские служители и рассыльные вообще никто не идет. Он так описывал кадровые проблемы: «В последнее время кандидатами (на полицейские должности. — В. К.) являются белобилетники непризывных ещё лет. Предпочтительно принимаю уволенных вовсе со службы раненых солдат, но они положительно не выносят тяжести полицейской службы. Некоторые с трудом выслуживают 2-3 месяца, а большею частью увольняются после первого же месяца службы. Вводимые оклады для городских очень малы сравнительно

с окладами тех должностей частной службы, которые могут быть заняты городовыми или кандидатами. Можно предполагать, что с прекращением военных действий, если не все городовые, то большая часть из них оставят службу в полиции и уйдут на частную службу или полевые работы. В настоящее время находятся желающие занять должность городского и немногие из старых городских остаются на службе из-за того, что должность городского освобождает от призыва на военную службу, хотя некоторые оставляют службу в полиции, не беспокоясь о призыве»⁷.

Суммы, отпускаемые на деятельность органов политической полиции государством нельзя назвать солидными. К примеру, в 1916 г. Таврическое жандармское управление получило ассигнования в размере 13 440 рублей, из них на командировочные расходы — 1440, наем конспиративных квартир — 780, жалованье 8 вольнонаемным филерам — 4800, на содержание секретных агентов — 4200 рублей. Заметим, что бюджет организации не зависел от политической ситуации в крае и оставался почти стабильным. Для сравнения скажем, что в 1905 г. на внутреннюю агентуру выделялось всего лишь 3900 рублей. Даже в 1916 г., когда отмечался заметный рост цен, финансирование продолжало оставаться на прежнем уровне. Отметим, что денежное содержание внутренней агентуры распределялось по уровню активности революционного движения в регионах губернии. Так, в 1904 г. полученный единовременный кредит в 325 рублей был распределен следующим образом: севастопольскому подразделению — 100 рублей, симферопольскому — 75, керченскому, ялтинскому и бердянскому — по 50 рублей, а в 1916 г. годовые расходы составили для: Севастополя — 1200, Керчи — 900, Симферополя. Ялте и Бердянску — по 600 рублей.

Жалованье жандармских офицеров было высоким, о чем свидетельствует следующая таблица:

⁷ ГААРК. — Ф. 27. — Оп. 3. — Д. 1810. — Л. 25.

Денежное содержание офицерского состава
Таврического губернского жандармского управления
в конце XIX — начале XX вв.

Ф. И. О., должность	Почтату	Дополнительные	Квартирные	Столовые	Содержание экипажа и кучера	Содержание писаря	Содержание прислуги	Всего жалованье
Н. М. Куртьянов нач. ТГЖУ	687	1800	350	600	-	-	192	3235
С. В. Трубников нач. ТГЖУ	687	1000	650	600	-	-	298	3235
В. К. Конради пом. ГЖУ в Ялте и Ялт. у.	531	100	150	-	300	120	192	1393
А. А. Мацкевич пом. в Керч. град. и Феод. у.	531	700	200	-	-	-	192	1623
В. А. Профен пом. в Днепр. и Перекоп. у.	531	700	150	-	300	120	194	1995
П. Д. Каневцов пом. в Севасто- пол. порту	531	700	400	-	-	120	199	1950
О. К. Доброжан- ский, пом. в Ме- литопол. и Бер- Дянск. уездах	531	700	200	-	300	120	192	2043
Д. А. Яковлев пом. в Днепр. и Перекоп. у.	531	700	-	-	300	120	192	1843

Продолжение таблицы

Н. Д. Самоквасов, пом. в Керч. град-ве	431	700	200	-	-	120	128	1579
Д. С. Байковский, пом. в Берд. и Мел. у.	366	700	130	-	300	120	%	1712

Начальники Таврического ГЖУ получали по 3235 рублей, включая денежные средства, выделяемые на наем квартир и питание. Материальное содержание помощников начальников ГЖУ составляло от 1600-2000 руб. (в среднем 1350 руб.). адъютантов — 630-968 руб., начальников крепостных жандармских команд — от 989 до 1186 рублей.

При этом большинство высших жандармских чинов получало дополнительные суммы на наем квартир, содержание прислуги, некоторые — на питание. Работавшие вне городских жандармских управлений обеспечивались транспортом и личными писарями. Однако никто из жандармских офицеров не имел недвижимого имущества, за исключением одного, чья супруга владела наследственным домом в Москве.

Неменьшие средства выделялись на работу охранных отделений, иногда большие, чем жандармским органам. На 1903 г. Таврическому сыскному отделению было отпущено 19370 рублей, из них — 12 000 — на жалованье 20 секретным сотрудникам, на агентурные расходы — 3300, содержание канцелярии — 3170 (заработная плата письмоводителя — 1200, наем помещения с отоплением и освещением — 420, наем писарей и служителя — 1200, канцелярские расходы — 350 рубля). Кроме того, начальник Таврического ОО А. И. Спиридович сумел увеличить фонд заработной платы на 2800 рублей за счет сметы в (енного ведомства и изыскал 700 рублей на оплату услуг телефонной и телеграфной служб. Как говорилось в одном из циркуляров, Департамент полиции решил поставить начальников

розыскных отделений «в положение, в материальном отношении вполне соответствующее трудности и ответственности возложенной на них задачи». Как и у жандармских офицеров, жалование у сотрудников политического сыска было довольно высоким. Оклад подполковника составлял 1080, а ротмистра — 900 рублей, плюс дополнительные: 1500 — старшим и 1300 — младшим офицерам. Также как и в жандармерии, платились квартирные от 381 до 702 руб. в зависимости от занимаемой должности, выделялись средства на содержание прислуги: такие же, как офицерам ГЖУ — от 96 до 192 руб.

Нижние чины политического сыска в материальном отношении можно отнести к людям среднего достатка. Младшие агенты, находившиеся в штате, получали 50 рублей, а заведующий филерами и наружным наблюдением — 100 рублей (для сравнения, жалование городских составляло 20 рублей, околоточных надзирателей, приставов — 65 рублей, а начальников городских полицейских управлений — 125 рублей). Нештатные работники получали от 5 до 70 рублей, в зависимости от «приносимой пользы». За особо ценную информацию филеры могли получить разовую оплату. К примеру, Виталий Валицкий за свои агентурные сведения получил 300 рублей (форменные полицейские брюки стояли 5 рублей, а мундир или шинель — 10 рублей. Сотрудник с жалованием 50 рублей мог приобрести мягкий диван с двумя креслами или 4 настольные лампы).

Как правило, секретные сотрудники и филеры получали от 25 до 50 рублей в месяц (для сравнения: квалифицированные рабочие-металлисты — 45-60 рублей). Много это или мало, можно также судить по такому факту. Помощник начальника Таврического губернского жандармского управления в Бердянском и Мелитопольском уездах предлагал приобрести своим унтер-офицерам летнюю гражданскую одежду для тайных встреч с агентурными работниками и просил выделить для этой цели сумму по 10 рублей каждому сотруднику. На эти деньги в 1904 г. можно было купить пиджак, брюки, жилет и фуражку. «Штучные» услуги агентов и сведения случайных осведомителей стоили 10-20 рублей. В годы русско-японской войны были задержки с выплатой жалования, и аген-

там приходилось «служить в доле», то есть в долг. Когда нужные сведения не добывались, агентам отказывали в зарплате, как это было, например, с секретным сотрудником Севастопольского жандармского управления Рябых. Специальным циркуляром Департамента полиции указывалось, что в случае провала секретного сотрудника сыскные органы могли в течение 1-3 месяцев продолжать выплату жалования в зависимости «от ценности оказанных услуг» и причин провала, а также выдавать пособие и денежные средства на переезд в другое место.

Архивные источники свидетельствуют, что условия службы в органах политической полиции были нелегкими, как упоминалось ранее, сотрудники политического сыска не имели собственного недвижимого имущества и вынуждены были по долгу службы часто менять место жительства. Те же неудобства испытывали и сотрудники других рангов. Например, К. Ф. Макеев в 1903–1904 гг. служил филером в Ростове, в 1905 г. — в Москве, в 1906 г. — во Владимире и Харькове, в 1907 г. — Севастополе, а в 1908 г. переведен в Тифлис.

Жизнь сотрудников политического сыска находилась в постоянной опасности. Агент Ю. А. Войтневич неоднократно разоблачался революционерами и вынужден был скрываться. После провала в январе 1905 г. секретный сотрудник Зайцев получил удар от эсера камнем в голову и выехал из Севастополя. 15 июля 1907 г. боевиками ПСР был произведен взрыв в охранном отделении, от которого пострадали Даниил Ветлугин и Виктор Калачев. Иван Успенский, внедренный в городскую организацию эсеров, отказался совершить по ее приказу террористический акт и вынужден был скрываться в Москве. Некоторые сотрудники попали в прицел политического террора, против которого полиция приняла чрезвычайные меры, а власти ввели военно-полевые суды.

Многочисленные документы свидетельствуют о том, что на местах жандармские начальники постоянно сетовали на малочисленность состава их подразделений. К примеру, на пике революции, в 1905 г. начальник Севастопольского городского жандармского управления А. П. Бельский настоятельно просил Департамент полиции об увеличении штатов как офицерских

кадров, так и вспомогательного персонала. В это время служебная переписка возросла настолько, что один писарь управления с ней не справлялся. К тому же управление не имело помещения канцелярии. Не располагая средствами на аренду, начальник ГЖУ выделил из своего арендуемого дома маленькую комнатку для ведения делопроизводства. Суммы, выделяемые на наем квартир сотрудникам, были малы и не учитывали курортные цены на жилье. Сотрудникам севастопольской жандармерии приходилось оплачивать телефон (75 рублей в месяц), т. к. ведомством на это деньги не отпускались.

2. Нормативно-правовая база

Должность губернатора, после издания Екатериной II в 1775 г. указа «Учреждения о губерниях» наделенная обширными и разнообразными законодательными функциями, в течение последующего столетия оказалась в фактическом подчинении Министерства внутренних дел. Заметно усиливало власть губернатора «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г., которым предусматривались две исключительные формы положения вверенного региона: усиленная или чрезвычайная охрана, причем объявление первой отдавалось в право губернатора, а вторая могла вводиться решением Кабинета министров после утверждения императором. При объявлении режима усиленной охраны начальник губернской администрации имел право санкционировать аресты (на срок до 3 месяцев) и штрафы (до 500 рублей) для нарушавших его обязательные постановления, запрещать собрания и печатные издания, закрывать промышленные и торговые заведения, высылать политически неблагонадежных и «вредных» граждан в другие регионы империи. К примеру, этими правами воспользовались губернаторы П. М. Лазарев 10 января 1899 г. и 22 декабря 1901 г., а Е. Н. Волков — в первомайские дни 1905 г.

Во время действия режима чрезвычайной охраны (основания для его введения в законе от 14 августа 1881 г. были расплывчатыми) главы губернских администраций сохраняли не

только все положения режима усиленной охраны, но получали дополнительные полномочия, особенно в ужесточении мер по пресечению нарушений общественного порядка.

Исключительные права давались местным властям в период действия «Правил о местностях, объявленных состоящими в военном положении» 1892 г. Хотя, следует заметить, не всегда губернаторы решались на введение военного положения в Таврической губернии. Был случай, когда 23 апреля 1905 г. товарищ (т. е. заместитель) министра внутренних дел В. Ф. Трепов (какуже упоминалось, бывший таврический губернатор) советовал своему последователю объявить в крае военное положение, но Е. Н. Волков отказался, не увидев в сложившейся политической обстановке «ничего исключительного, а тем более угрожающего государственной безопасности» по сравнению с другими регионами империи. Несмотря на эти предоставленные местным властям полномочия, в действительности все указанные три исключительные формы применялись только с согласования с «верхами» имперской власти⁸.

Заметим, что не всегда использование губернаторами права объявления усиленной или чрезвычайной охраны было адекватно сложившейся политической ситуации. В циркуляре Департамента полиции от 28 июня 1905 г. (№ 8040) зам. министра внутренних дел В. Ф. Трепов указывал на это: «Начальники губерний и Губернских жандармских управлений из местностей, где происходили те или иные беспорядки, заявляли почти все без исключения ходатайство о введении исключительного положения, предоставлявшего им большую широту прав и полномочий, а ближайшее изучение хода событий, нарушивших порядок во вверенных их управлению и надзору местностях, обнаруживало, что ими не были использованы для восстановления порядка и предупреждения его нарушения те права и полномочия, которые предоставлены местным властям законоположениями общими»⁹. Так, будучи таврическим гу-

⁸ ГААРК. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 426. — Л. 418; Д. 462. — Л. 278.

⁹ ГААРК. — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 1, Л. 115-116.

бернатором В. Ф. Трепов в августе 1903 г. в Керчи объявил положение усиленной охраны для прекращения забастовки городских рабочих, что вряд ли было оправданным. Экстремистские действия прекратились до прибытия в город воинских команд, вызванных городской полицией, поэтому эта исключительная мера не оказала даже морального воздействия.

Отметим, что отдельными крайними мерами административно-полицейские органы пользовались и без объявления положений усиленной охраны, особенно в послереволюционные годы. Достаточно опереться на факты высылки из Крыма революционных элементов (см. Глава III. параграф 1).

Для осуществления своих прав и выполнения полномочий губернатор располагал серьезными силами. По Земскому положению 1890 г. и Городовому положению 1892 г. под его контролем находились органы местного самоуправления. С 1904 г. он возглавлял «Особое совещание», в состав которого входили начальник губернского жандармского управления и прокурор окружного суда. Этот орган решал вопросы дальнейшего направления дознаний о государственных преступлениях. С 1882 г. губернатор отвечал за организацию гласного и негласного надзора за лицами, «проявлявшими себя в политическом отношении». В соответствии с «Временными правилами», утвержденными в 1906 г. он также отвечал за регистрацию союзов и обществ, контролировал их деятельность. В подчинении главы губернской администрации находилась общая и политическая полиция, которая была обязана о всех происшествиях, преступлениях и беспорядках немедленно его информировать. В праве губернатора было назначать полицмейстеров, уездных исправников и станowych приставов.

Многочисленные циркуляры МВД, следовавшие на места под грифом «совершенно секретно», «секретно» и «конфиденциально», определяли зоны губернаторской деятельности по охране общественного порядка и гражданского спокойствия, корректировали и направляли ее. Подчеркнем, что среди разнообразных повседневных дел, главным направлением административно-полицейских органов были борьба с революционным, рабочим, крестьянским, студенческим движениями, с распространением

«противоправительственной крамолы и вредных учений», контроль за прессой и т. п.

Формирование системы местных органов политической полиции началось во времена начальника «III отделения собственно его Императорского величества канцелярии» графа А. Х. Бенкендорфа. В результате реформ 60-х годов XIX в. было принято «Положение о Корпусе жандармов», действовавшее почти в неизменном виде в течение 50 лет до февральской революции 1917 г. Согласно этому закону на местах были образованы губернские жандармские управления, определялись принципы их комплектования. Впоследствии общие позиции «Положения» 6 сентября 1867 г. конкретизировались в ведомственных нормативных актах: «Правилах для определения в Корпус жандармов вновь поступающих лиц» от 17 мая 1871 г., «Правилах» от 23 июля 1903 г. и заменившим их «Положением о приеме в Отдельный корпус жандармов», утвержденным 24 декабря 1913 г. Свод военных постановлений определял обязанности жандармских чинов «по обнаружению и исследованию преступлений». Значительное количество циркуляров, исходивших из штаба Корпуса жандармов и Департамента полиции определяло следующие функции жандармерии:

- общее наблюдение (особое внимание к политически неблагонадежным лицам, действующим в рабочей, крестьянской и армейской среде, в учебных заведениях и т. п.):
- политический розыск (выявление и ликвидация организаций антиправительственной направленности):
- освидетельствование политической благонадежности;
- негласный политический надзор;
- производство дознаний по делам государственных преступлений;
- некоторые функции органов контрразведки (до 1911 г.):
- ряд специфических функций, зависящих от особенностей регионов (к примеру, в Крыму осуществлялась проверка политической благонадежности всех призывников на Черноморский флот).

Многочисленные циркуляры МВД корректировали и направляли деятельность сотрудников губернского жандармского упр.

правления и дополняли нормативно-правовую базу этого органа (Для примера см. приложение № 2. 3. 4).

Правовая основа работы охранных отделений оформилась в начале 80-х гг. XIX в., когда, кроме ранее действовавших столичных охранных отделений, разворачивается сеть таких учреждений на местах. 3 декабря 1882 г. император утверждает «Положение об устройстве секретной полиции в империи», которое определило главную функцию «охранки» — политический розыск, осуществлявшийся в трех направлениях: перлюстрация, наружная и внутренняя агентура. С 12 августа 1902 г. вступило в силу «Положение о начальниках розыскных отделений». В соответствии с ним:

1. районы деятельности охранных отделений определялись Департаментом полиции;

2. директор Департамента полиции назначал начальников ОС и прикомандированных к ГЖУ из офицеров Корпуса жандармов;

3. в строевом отношении начальники ОО подчинялись начальникам ГЖУ и были обязаны информировать последних о своей розыскной деятельности;

4. в обязанности начальников ОО входили вербовка и руководство секретными сотрудниками, подбор и обучение филеров;

5. определялся перечень служебной документации;

6. жандармским чинам запрещались аресты и обыски без согласования с начальниками ОО, а также выдача справок о политической благонадежности;

7. руководители политической сыска обязывались непосредственно информировать Департамент полиции о ходе розысков и лицах, «намеченных к обыскам и арестам»;

8. требовалось личное участие начальников охранных отделений в следственных действиях, производимых ГЖУ, обязательное содействие последнему в случаях «безотлагательных мер для пресечения и предупреждения преступлений»;

9. начальники органов политического сыска получали свободный доступ ко всем следственным делам ГЖУ в т. ч. по ст. 1035;

10. начальник розыскного отделения обязывался в ^{непосред-} ^{ственном} ^{деле} срок предоставлять сводку дневников о завершённом

Начальники розыскных отделений были наделены административными правами. «Положение» от 12 августа 1902 г. определяло общую направленность организации и деятельности РО, расширив полномочия их начальников, включая право ознакомления со следственными материалами губернских жандармских управлений, а в чрезвычайных ситуациях — право самостоятельного принятия решений¹¹.

После утверждения указанного «Положения» на местах (в т. ч. в Таврической губернии 2 октября 1902 г.) создавались новые органы политического сыска. Непродолжительный опыт их формирования и работы обсудило Собрание начальников розыскных отделений империи в Департаменте полиции, которое выработало 26-27 сентября того же года «Свод правил», являвшийся дополнением к «Положению о начальниках розыскных отделений». Он состоял из 37 параграфов, которые конкретизировали и уточнили «Положение» от 12 августа. В нем предусматривалось, в частности, частные отношения с губернаторами, градоначальниками, жандармскими управлениями и органами прокуратуры по делам политического характера; главной обязанностью называлось наблюдение за рабочим и студенческим движением, знание истории революционного движения и его современного состояния, знакомство с новой революционной литературой¹².

Начальники розыскных отделений находились в непосредственных отношениях с губернаторами и градоначальниками, что повышало их административную роль. Уточнялся объект работы политической полиции («розыск по политическим делам»). Это определение давало возможность

¹⁰ ГААРК. — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 16. Л. 131-133.
¹¹ Проект развития полицейских органов России / Государство и право. —

1990. — № 11. — С. 25.

¹² ГААРК. — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 16. — Л. 135.

вмешиваться во все сферы общественной и личной жизни. Свод расширял осведомительскую базу розыскных отделений: губернаторы и градоначальники обязывались информировать начальников отделений о всех революционных явлениях, а те, в свою очередь, информировали руководителей губернских и городских администраций о ходе розысков. Большое внимание уделялось организации внутреннего и внешнего наблюдения. В результате появились две инструкции: о введении секретной агентуры и «Инструкция филерам Летучего отряда и филерам розыскных и охранных отделений». Жандармский генерал А. И. Спиридович отмечал, что до 1902 г. таких агентурных инструкций вообще не было, а работы с агентами строились на основании «охранного обычая»¹³.

Два нормативно-правовых документа — «Положение» от 12 августа и «Свод правил» от 26-27 сентября 1902 г. — послужили основой «Временных правил об охранных отделениях», утвержденных Министерством внутренних дел 27 июня 1904 г. В нем появились и новые положения:

1. Четко указывалось, что эти органы учреждаются в тех местах, где наблюдается «особо усиленное развитие противоправительственного движения».

2. Дважды в год охранные отделения должны были предоставлять списки личного состава в Департамент полиции, которому наиболее ценные агенты должны быть известны.

3. Начальники органов политического сыска должны находиться в непосредственных отношениях с губернаторами, градоначальниками и жандармским управлением, словесно информировать друг друга, иметь близкие и доверительные отношения с органами прокурорского надзора (выделено нами. — Я К.).

4. «Обыски и аресты могут быть намечаемы при настоятельной в том необходимости и при наличии достаточно проверенных и серьезных данных», личное присутствие начальника охранных отделений при этом не обязательно.

¹³ Государство и право. — 1990. — № 11. — С. 27.

5. Параграф 22 оговаривал четыре случая ведения наблюдения в иногородних поездках: по распоряжению Департамента полиции: слежка за заведомо нелегальными или «основательно подозреваемых в террористических злоумышлениях», а также в местах, где нет наблюдательных органов¹⁴.

Несмотря на то, что у этих двух нормативно-правовых актов было много общего (некоторые положения более конкретизировались, к примеру, характер взаимоотношений с другими административно-полицейскими органами), наметились и принципиальные различия. Если «Положение» от 12 августа 1902 г. давала начальнику ОО право принимать к себе на службу сотрудников только с разрешения Департамента полиции, то следующее — расширяло права руководителей и давало возможность вербовать наружную агентуру самостоятельно.

В 1907 г. в государстве с учетом географических и национальных особенностей были созданы 12 розыскных отделений. Это нововведение децентрализовало систему политического сыска, сделало ее более гибкой и мобильной. Таврическое и Севастопольское охранные отделения попали в связи с этим в ведомство Южного сыскного райформирования, наряду с «охранками» Одессы, Херсона, Бессарабии, побережья Черного моря.

Новое «Положение об охранных отделениях» появилось 9 февраля 1907 г. Оно продолжило совершенствование системы политического сыска. К примеру, строго запрещалось вмешательство в дела местных охранных отделений другими ведомствами и учреждениями, кроме Департамента полиции и начальника районного ОО. В § 18 этого документа говорилось: «Начальники отделений по делам их должности, с разрешения генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, имеют непосредственные с ними сношения и докладывают им лично все то, что необходимо знать высшим представителям административной власти в целях охранения государственного порядка и общественной безопасности в крае». Охранникам также рекомендовалось

¹⁴ ГААРК. — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 37. — Л. 128-132.

евременно совершенно доверительно» знакомить губернаторов с планами предстоящих обысков и арестов и просить, в случае необходимости, содействия¹⁵. Положение 1907 г. запрещало также службу в этих органах лицам, привлекавшимся к ответственности за государственные преступления (видимо, ранее такие случаи имели место), а также бывшим секретным сотрудникам. Эти и другие введенные правовые нормы поставили розыскные органы в особое положение не только по отношению к жандармским и общеполицейским, но и судебным органам.

Законодательные документы не только регулировали качественный состав сотрудников охранных отделений, но и строго требовали соблюдения ими правил конспирации. Так, специальный параграф «Инструкции по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения 1907 г. устанавливал: «Никто, кроме лица, заведующего розыском, и лица, могущего его заменить, не должен знать в лицо никого из секретных сотрудников. Фамилию сотрудника знает только лицо, ведающее розыском, остальные чины учреждения..., имеющие дело со сведениями сотрудника, могут в необходимых случаях знать только псевдоним или номер сотрудника. Чины наружного наблюдения и канцелярии не должны знать секретного сотрудника и по кличке. Он им должен быть известен лишь как действительный революционный деятель по кличке наружного наблюдения, если он вошел в сферу последнего»¹⁶.

С момента появления органов политической полиции империя предоставила им четко очерченные в законодательстве и широкие полномочия по борьбе с революционным движением. 14 августа 1881 г. Кабинет министров принял «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Оно было введено сроком на 5 лет, но его действие продлилось вплоть до Февральской революции 1917 г.

¹⁵ Цит. по кн.: Ярмаши А. Н. Наблюдать неотступно. Административно-полицейский аппарат царизма и органы политического сыска в Украине в конце XIX — начале XX вв. — К., 1992. — С. 22.

¹⁶ Цит. По кн.: Ярмаши А. Н. — С. 143.

Состояние усиленной охраны вводилось (это право принадлежало губернатору) в тех случаях, когда «общественное спокойствие в какой-либо местности будет нарушено преступными посягательствами против существующего государственного строя или безопасности частных лиц и их имуществ. или подготовлением таковых так. что для охранения порядка применение действующих постоянных законов окажется недостаточным». Эта вторая исключительная форма применялась, когда «такими посягательствами население известной местности будет приведено в тревожное настроение, вызывающее необходимость принятия исключительных мер для безотлагательного восстановления нарушенного порядка». При введении положения чрезвычайной охраны все правила, действовавшие при положении усиленной охраны, сохраняли свою силу. Кроме того, генерал-губернатор получал дополнительные полномочия, как-то: учреждать для содействия существующим органам полиции особые военно-полицейские команды, накладывать секвестр на недвижимое и арест на движимое имущество и доходы, за нарушение обязательных постановлений или совершение определенных проступков с преступными целями подвергать виновных в административном порядке заключению в тюрьму или крепость на 3 месяца или аресту на тот же срок, или денежному штрафу в размере 3 тыс. рублей, отстранять от должностей чиновников всех ведомств, закрывать учебные заведения на срок до 1 месяца, приостанавливать периодические издания и т. д.

В местностях, объявленных в положение усиленной или чрезвычайной охраны, жандармерия получила право на арест всех лиц, внушавших «основательные подозрения» в причастности к государственному преступлению и принадлежности к противозаконному обществу. Статья 21 «Положения» разрешала производство обысков «во всякое время» и «во всех без исключения помещениях», при этом каких-либо оснований для обыска в документе указано не было. Административная высылка (до 5 лет применялась к лицам, вредным в политическом отношении, также порочного поведения. Объявление местности в состоянии усиленной или чрезвычайной охраны приостанавливало дей-

ствие прокурорского надзора. Это «Положение» поставило все население России в зависимость от личного усмотрения чинов жандармерии, поскольку вместо объективных признаков виновности достаточной причиной для государственного преследования признавалось субъективное подозрение. Это породило произвол в действиях главных жандармских управлений, что, естественно, вызывало недовольство населения. Так вполне безобидным термином «подозрение» закон прикрывал агентурную работу и объективные основания для задержания по данным секретной и наружной агентуры. Примечание предусматривало, что в случае ареста подозреваемого органы розыска должны были составлять постановление о задержании, копия которого направлялась в прокуратуру, извещался губернатор и градоначальник. На основании их распоряжений срок ареста мог продлеваться от двух недель до одного месяца.

Положение поставило все население Российского государства в зависимость от личного усмотрения чинов жандармерии, поскольку вместо объективных признаков виновности достаточной причиной для государственного преследования признавалось субъективное подозрение. Это породило произвол в действиях главных жандармских управлений, что, естественно, вызывало возмущение населения.

С введением Положения от 14 августа 1881 г. дознание приобрело два направления: с одной стороны, оно служило задачам уголовной и административной расправы с революционерами, с другой — **осведомительной** базой розыска и средством реализации розыскных данных. Охранные отделения получили также право производить следственные действия. Ближайшим их помощником в производстве обысков, выемок и арестов была общая полиция.

С середины XIX в. и до 1903 г. в России действовало Уложение о наказаниях 1845 г., которое содержало главы, непосредственно направленные против участников революционного Движения. — «О бунте против Верховной власти и преступных деяниях против Священной Особы императора и Членов Императорского дома» и «О смуте». До революции 1905–1907 гг.

государственная власть боролась со своими политическими противниками в основном административными методами. Но самые жесткие административные меры (ссылка в отдаленные местности, заключение в тюрьму) в условиях нарастания революции казались руководству страны еще недостаточными. Поэтому непосредственно перед революцией 22 марта 1903 г. императором было утверждено новое Уголовное уложение, в котором указанные главы Уложения 1845 г. сохранялись и объединялись в раздел «О преступлениях государственных».

К числу политических Уголовное уложение 1903 г. относило посягательства на: 1) личности императора, императрицы и наследника престола; 2) образ правления; 3) порядок наследия престола. «Бунтом» по Уголовному уложению считалось оскорбление словом императора, императрицы или наследника престола, распространение сочинений или изображений, унижающих их достоинство и др. (ст. ст. 99–106).

Глава «О смуте» 1903 г. в отличие от предыдущей редакции 1845 г., подробно перечисляла признаки преступлений, подпадающих под понятие «государственных». К ним относились: участие в публичных «скопищах» и «противозаконных сообщениях», поставивших целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя, оказавших «насильственное противодействие вооруженной силе, призванной для рассеивания скопища, преступная пропаганда, самозванство, распространение опасных для государственного спокойствия вымышленных слухов об изменении образа правления или порядка наследия престола».

Размах революционного движения вынуждал государственную власть вводить все новые и новые законы, направленные на борьбу с ним. В ответ на всероссийскую октябрьскую стачку появился указ от 2 декабря 1905 г. «О временных правилах о наказуемости участия в забастовках в предприятиях, имеющих общественное или государственное значение», который предусматривал заключение от 1 года и 4 месяцев и до 4 лет, если участник забастовки являлся членом революционной

защиты. Такая же мера пресечения применялась в отношении сельскохозяйственных рабочих (Циркуляр Министерства юстиции от 14 апреля 1905 г.).

Указы от 29 ноября 1905 г. «О предоставлении местным властям права прибегать к применению чрезвычайных мероприятий в случаях прекращения или замешательства в сообщениях железнодорожном, почтовом и телеграфном» и от 14 декабря 1905 г. «О правилах чрезвычайной охраны на железных дорогах». Эти указы предоставляли губернаторам и градоначальникам в борьбе с забастовочным движением на железнодорожном транспорте использовать право объявлять положение усиленной или чрезвычайной охраны без согласования с Кабинетом министров.

Требую от политической полиции «действовать со всей строгостью» в борьбе с оппозиционными силами, Совет министров 16 декабря 1905 г. принял постановление, по которому всем сотрудникам силовых структур запрещалось «какое-либо участие в политике страны и присутствие в скопищах, сходках и манифестациях, какого бы рода они не были». Многие военные в то время эту точку зрения правительства разделяли, считая, что в противном случае «войска могут сделаться невольным орудием в борьбе политических партий». В 1906 г. всем государственным служащим было запрещено быть членами политических партий и объединений. Одновременно Департамент полиции требовал от сотрудников политической полиции надлежащих знаний программ и тактики революционных организаций, ясных представлений о характере противоправительственного движения во вверенных регионах.

Многочисленные циркуляры МВД нацеливали органы политической полиции на борьбу с массовым рабочим движением. Начало было положено пространном секретным циркуляром министра Горемыкина от 12 августа 1897 г., в котором он был вынужден признать, что «забастовки фабричных, заводских и даже цеховых рабочих стали заурядным явлением во многих городах с более или менее значительным рабочим населением», а дальнейший рост рабочего движения является весьма

опасным для государственного порядка и общественного спокойствия». Власти прекрасно понимали, что раскачиванием маятника рабочего движения леворадикалы считали одним из эффективных методов революционирования населения. Этим циркуляром на органы «политической безопасности» возлагалась обязанность высылать административным порядком «на родину» тех рабочих, которые отказывались возобновить работу. Особенно часто эта мера применялась в годы первой российской революции, когда административно-полицейский аппарат использовал «исключительное законодательство» (почти вся территория Украины была объявлена либо в положении усиленной, либо чрезвычайной охраны, а в некоторых местах на военном положении)¹⁷.

Отдельные статьи Уголовного Уложения 22 марта 1903 г. также использовались самодержавием для борьбы с революционным движением. До революции 1905-1907 гг. царизм боролся своими политическими противниками в основном в административном порядке. Но самые жесткие административные меры (ссылка в отдаленные местности, заключение в тюрьму) в условиях нарастания революции казались самодержавию недостаточными. Поэтому непосредственно перед революцией законодательство стало квалифицировать выступления участников революционной борьбы как уголовные преступления, подводя их под статьи Уголовного Уложения (попутно скажем, что до 22 марта 1903 г. действовало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.). Введение же Уложения 1903 года действие откладывалось до особого распоряжения, которого и не последовало.

Лишь в 1904 г., накануне приближавшейся революции, были введены в действие главы, непосредственно направленные против участников революционного движения, — «О бунте против Верховной власти и преступных деяниях против Священной Особы императора и Членов Императорского дома» и «О смуте».

¹⁷ Цит. По кн.: Ярмыш А. Н. — С. 23.

«Государственные преступления» квалифицировались по Уголовному Уложению 1903 г. как «тяжкие, т. е. за которые полагалась смертная казнь, каторга или ссылка на поселение». Подчеркнем главное отличие Уложений 1845 и 1903 гг., которое состояло в том, что последнее называло значительно большее число признаков, характеризующих преступления и подходивших под понятие «государственных». Так, глава Уложения о наказаниях 1845 г. «о тайных обществах и преступных сходбищах» давала весьма общую характеристику сущности вины подсудимых, привлекавшихся по ее статьям. Глава же Уголовного Уложения 1903 г. «О смуте» уже подробно перечисляла признаки преступлений, подходивших под понятие «государственных». К ним относились: участие в публичных «скопищах» и «противозаконных собраниях», ставивших «целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя», оказавших «насильственное противодействие вооруженной силе, призванной для рассеивания скопища», преступная пропаганда, самозванство, распространение опасных для государственного спокойствия вымышленных слухов об изменении формы правления или порядка наследия престола и т. д.

Расширение в Уголовном Уложении понятия «государственное преступление» дало возможность подводить под «политические преступления» любые выступления угнетенных, направленные на защиту своих прав. В уголовном праве царской России государственные преступления зачастую назывались политическими. Как указывалось в «Объяснительной записке Редакционной комиссии по составлению проекта нового Уголовного Уложения» в главу «О смуте» были внесены описания преступлений, не прямо угрожавших существованию государственного строя, а лишь «колеблющих его». Разумеется, за них полагались «менее суровые» наказания: каторга, заключение в крепости, тюрьме.

4 марта 1906 г. появились специальные Временные правила об обществах и союзах, которые четко указывали, что «общества не могут в своей деятельности преследовать цели политические». За нарушение этого антипрофсоюзного закона следо-

наказание — арест до 3 месяцев и до 1 года крепости — за вало создание политических организаций.

В тот же день был издан указ «О временных правилах о публичных собраниях», согласно которому виновные в организации несанкционированных или политических собраний наказывались арестом до 3 месяцев или денежным взысканием до 300 рублей. Участникам собрания грозило менее суровое наказание — арест до 1 месяца или штраф до

100 рублей.

Указом от 4 марта 1906 г. устанавливалось, что «общества не могут в своей деятельности преследовать цели политические», а виновные в устройстве несанкционированных собраний наказывались арестом сроком до 3 месяцев или штрафом до 300 рублей, участники — соответственно на 1 месяц или

100 рублей штрафа.

15 апреля 1906 г. высочайше подтверждено Государственного совета по мерам против стачек сельскохозяйственных рабочих. В соответствии с ним за подстрекательство к стачкам виновные наказывались заключением в тюрьму до 1 года, а за участие в сообществе, своей деятельностью буждавшем сельскохозяйственных, как и фабричных рабочих,

заключением в крепости до 4 лет.

19 августа 1906 г. последовало высочайшее повеление «Об учреждении военно-полевых судов», которое предоставляло генерал-губернаторам и градоначальствующим в местностях, объявленных на особом положении, «в тех случаях, когда учинение лицом гражданского ведомства

какого деяния является настолько очевидным, что не требует расследования, предавать обвиняемого военно-полевому суду, с применением в подлежащих случаях наказания по законам военного времени». Каким-либо критерием, что следовало считать «очевидным», не устанавливалось. поэтому лица, которым было предоставлено право предания военно-полевому суду, нередко чинились извол.

19 апреля 1907 г. действие этого указа было прекращено, так как он свою задачу выполнил — помог

усилить репрессии против участников первой российской революции.

Военно-полевой суд, состоявший из председателя и 4 офицеров армии или флота, немедленно приступал к разбору дела и заканчивал его не позднее, чем через двое суток. Слушание производилось при закрытых дверях, без прокурора, защитников и присутствующих в зале. Приговор приводился в исполнение не позже, чем через сутки после объявления его на суде, поэтому это исключало любую возможность помилования. Военно-полевые суды были созданы в Феодосии, Ялте и некоторых других местах Таврической губернии. Данные о количестве рассмотренных ими дел и случаях вынесения смертных приговоров нами не обнаружены. Заметим, что пользовались «исключительным законодательством» таврические власти редко. Известен лишь один случай введения военно-полевых судов в Ялте и то, видимо, в качестве «перестраховки», так как здесь находилась летняя царская резиденция.

Осенью 1906 г. специальной циркулярной телеграммой директор департамента полиции М. И. Трусевич потребовал обратить особое внимание и принять все меры к выяснению политически неблагонадежных новобранцев. Вся информация об этих людях передавалась уездным воинским начальникам, ведавшим призывом в армию. Они, в свою очередь, сообщали в военное ведомство о политически вредных призывниках. Эта категория особенно интересовала жандармов и поэтому более тщательно «просеивалась».

15 ноября 1905 г. в Таврическое жандармское управление и Севастопольское охранное отделение был направлен секретный циркуляр, в котором «по обстоятельствам тревожного времени вопросу о предупреждении противоправительственных и агитации войсках» придавалось серьезное значение, и по сему «иметь в этом отношении, самый тщательный и неослабный надзор для принятия своевременных мер и привлечение агитаторов к законной ответственности». Этот циркуляр П. И. Рачковского требовал «о всяком, даже самом незначитель-

ном случае появления преступной агитации среди войска... безотлагательно доносить департаменту»¹⁸.

Особые требования предъявлялись к губернским жандармским управлениям по производству обысков и арестов. Согласно Уставу Уголовного судопроизводства от 1876 г. (ст. 357. — Т. XV. — Часть II) обыски разрешались «лишь в случае основательного подозрения», а аресты — как высшая мера пресечения. Многие последующие циркуляры к примеру от 21 мая 1879 г. и др., требовали от начальников ГЖУ проявлять особую осмотрительность в осуществлении таковых мер в делах политического характера. «Каждый обыск и арест, произведенный без достаточных данных, — указывалось в упомянутом нами первом циркуляре. — возбуждает раздражение и недовольство правительством не только со стороны обысканного и арестованного, но и людей к нему близких. Мало того, неосновательные, а потому безрезультатные обыски вселяют в действительных виновниках убеждение что правительство в раскрытии зла идет по ложной дороге что оно не знает настоящего гнезда революционеров и что они затем беспрепятственно могут продолжить свои преступные дела».

Российское законодательство четко регламентировало роль общей полиции в борьбе с революционным движением, которая действовала рука об руку с политической. Циркуляр Министерства внутренних дел от 11 марта 1883 г. обязал сотрудников общей полиции оказывать полное содействие чинам Корпуса жандармов по исполнению ими служебных обязанностей и выполнять все «законные» требования последних. На практике чаще всего жандармы привлекали общую полицию для выполнения разовых поручений (производство обысков, арестов и т. п.) а также для накопления информации о настроениях граждан или о прибытии в местность новых лиц. Тем более что по закону о паспортах и видах на жительство 1882 г. общая полиция обеспечивала паспортный режим и жестко контролировала передвижение населения. В период накала революции

¹⁸ Цит. по ст.: *Вязьмитинов М. Н.* Жандармы и армия: политический сыск и вооруженные силы России в революции 1905-1907 гг. // Военно-исторический журнал. — 1995. — № 1. — С. 89.

¹⁹ ГААРК. — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 6-7.

органы общей полиции даже совершали самостоятельные акции, а в межреволюционный период им отводилась вспомогательная роль. В местностях, не попадавших в сферу деятельности жандармских управлений и охранных отделений, по циркуляру от 9 февраля 1911 г. они могли заменять органы политического сыска.

Особыми законодательными актами производились реформирование и укрепление качественного и количественного состава политической полиции империи. Приведем лишь два примера. Размах революционной борьбы 1905 г. заставил принять ряд дополнительных законов, провести организационные меры, направленные на укрепление карательного, военно-полицейского аппарата. Уже в ходе революции делались серьезные шаги в плане укрепления полицейских органов, их доукомплектования и увеличения штатной численности. Так, 31 января 1906 г. на основании Высочайше утвержденного мнения Государственного совета были увеличены штаты полицейских команд в нескольких украинских городах, в частности, в Одессе (на 240 человек), в Севастополе (на 12) и Керчи (на 18 человек). В том же году было повышено содержание всем категориям полицейских приблизительно на четверть²⁰.

Неоднократно предпринимались попытки преобразования полиции России. Однако основательных реформ проведено не было. Только после 23 октября 1916 г., в условиях резко обострившихся противоречий, небывалого роста революционного движения, вызванного первой мировой войной. Николай II утвердил постановление Совета министров «Об усилении полиции в 50 губерниях империи и об улучшении и служебного и материального положения полицейских чинов». Однако постановлению суждено было остаться на бумаге, так как через несколько месяцев, в ходе Февральской революции 1917 г., самодержавие пало, а с ним и пала полиция, как верная опора царизма.

Очень важным остается в истории проблемы вопрос о политических предпочтениях жандармских чинов и сотрудников политического сыска. А. Н. Ярьмыш утверждал, что их «черносотенная окраска

²⁰ Цит. по ст.: *Нарбут П. В.* Проект развития полицейских органов России 1907 г. // Советское государство и право. — 1990. — № 11. — С. 130.

не вызывает никаких сомнений», правда, замечал, что их политические симпатии «не всегда совпадали с официальной позицией МВД». Известный украинский исследователь в своей аргументации ссылался на циркуляр министра внутренних дел, П. А. Столыпина от 17 июня 1906 г., в котором последний требовал: «Ознакомившись с делами, относительно которых были сделаны мне Государственной думой запросы я усматриваю, что некоторые офицеры Отдельного корпуса жандармов, для противодействия и раскрытия социально-революционной пропаганды в империи, принимали участие в организации с патриотической целью различного рода партий, распространяли для сего печатные воззвания, с возбуждением одной части населения против другой, а при секретных своих розысках в дознаниях употребляли приемы, которые легко могут быть подведены под провокаторские». Автор восторгается: «Весьма красноречивое признание, пусть и сделанное в документе «ограниченного пользования»!». И добавляет: «Обычно в своих официальных выступлениях Столыпин напрочь отметал обвинения возглавляемого им ведомства в подобной деятельности».

Далее Столыпин, расценив «такого рода действия жандармских чинов не только неуместными, но и противозаконными», заявлял: «Проявление ими активного сочувствия к различного рода партиям я признаю несовместимым со служебным их положением как должностных правительственных лиц, на которых возложены специальные обязанности по охранению государственного порядка и общественного спокойствия, и **безусловно запрещаю им участвовать в политической борьбе** (выделено нами. — В. К) существующих в настоящее время групп, партий, обществ и союзов»²¹. Как видим, министр внутренних дел в своих циркулярах требовал от подчиненных политического нейтралитета. Хотя в реальных ситуациях сотрудники политической полиции не всегда выполняли данный приказ, о чем свидетельствуют события октября 1905 года в Феодосии, когда полицейские оказались на позициях «правее правительства» (об этом см. Глава II, параграф 2).

²¹ Цит. по кн.: Ярмыш А. Н. Указ. Соч. — С. 80.

ГЛАВА II

Жандармские управления и охранные отделения в условиях политической конфронтации

1. Деятельность полицейских органов накануне политического противостояния

На рубеже XIX–XX в. в Крыму появляются первые марксистские кружки (Симферополь. Керчь. Ялта. Севастополь, Феодосия и др.), а в самом начале следующего века почти повсеместно оформляются первые организации революционных партий — РСДРП, социалистов-революционеров, Бунда, Поалей-Цион. Гнчак. Дашнакцутюн, которые сразу же попали под прицел деятельности жандармерии и политического сыска¹.

Выявление следов деятельности и ликвидация быстро множавшихся революционных формирований было для малочисленных сотрудников местной политической полиции делом новым и затруднительным, в котором активное взаимодействие орга-

¹ О возникновении всего спектра революционных формирований, их численности и размещении см. подробнее: Королев В. И. Возникновение политических партий в Таврической губернии. 1905–1907. — Симферополь: Таврия, 1993. — 42 с.

нов политической и общей полиции еще не было налажено. Этим воспользовались революционеры, большинство из которых являлись политическими ссыльными студентами. Ощущая острый недостаток кадров и не имея четко налаженной и разветвленной внутренней агентуры, Таврическое ГЖУ обратилось к своему руководству за помощью, которое незамедлительно отреагировало и 26 июня 1902 г. запретило въезд на жительство в Таврическую губернию лицам, привлекавшимся к дознаниям политического характера или освобожденным из-под стражи под особый надзор полиции. Заметим, что Департамент полиции циркуляром № 1941 от 5 июля 1898 г. такие меры уже предпринимал. Это лишь ненамного затормозило партийное строительство в крае².

Пожалуй, лишь отчасти можно согласиться с мнением революционных лидеров, которые писали, что «отсутствие строго жандармского надзора» позволило местным марксистам создать в ряде городов Крыма революционные организации. Большевистская «Искра» подтверждала это следующим фактом: за три года существования «рабочего союза» в Керчи, появившемся здесь с постройкой металлургического завода, не было произведено ни одного обыска и ареста, что «вызывало недоумение в городе». И только с 14 октября 1902 г. осуществлены 10 обысков и арест трех, не имевших к революционной организации, обывателя. В эти дни в Керчи появились «жандармы-гастролеры из Симферополя и на ноги была поднята вся полиция»³. Как видим, после нескольких месяцев наблюдения и сбора сведений о революционных формированиях политическая полиция стала действовать активнее.

Это подтверждается и секретным донесением начальника Таврического ГЖУ В.Ф. Трепова в Департамент полиции о проделанной работе в Симферополе в августе 1902 г. Сотрудникам политической полиции было известно, что в этом городе уже более года существовало тайное сообщество из 50 человек, раз-

² Государственный архив Автономной Республики Крым (Далее — ГААРК). — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 16. — Л. 47; Д. 37. — Л. 17.

³ Революционное движение в Крыму (1880—1907). — Сборник документов и материалов. — Симферополь, 1940. — С. 78—79. (Далее — Сб. док. — С., 1940).

битое на кружки по 5—6 членов и регулярно проводившее собрания. Трепов, обратившись к помощи полицмейстера, вместе со своим помощником подполковником Яковлевым, прибыли на указанное секретным сотрудником место явки и смогли лишь изъять в ходе обыска революционную библиотеку. Революционеры скрылись, хотя ранее от внедренного в организацию агента Афанасия Лебедева были получены достоверные сведения о них. Проведенные розыскные мероприятия ожидаемых результатов не дали, за исключением задержания Гольды Левиной (партийная кличка «Клавдия Николаевна»). Такие же действия были предприняты в Феодосии в начале 1903 г., когда произведен арест известного революционера Якова Глотова, изъятие гектографа и как и в Симферополе, печати местной социал-демократической организации. Ликвидация леворадикальных формирований не состоялась. То есть в докладе начальник жандармерии расписывался в слабой эффективности своей работы⁴.

Видя размах революционной работы в украинских губерниях, Департамент полиции России специальным циркуляром № 2018 от 23 марта 1902 г. включил Феодосию в число городов (наряду с Киевом, Харьковом, Екатеринославом, Полтавой, Одессой, Николаевым), отнесенных в сферу деятельности Киевского жандармского управления, которое было дополнительно укреплено кадрами летучих отрядов из центральных регионов страны. В связи с этим помощник Таврического ГЖУ в Керченском градоначальстве получил приказание прекратить наблюдение за лицами, которые теперь вошли в поле зрения летучего отряда из Москвы, а без согласования с Киевским ГЖУ никаких обысков и арестов не производить. В случае пересечения работы филеров Киева и Феодосии, последние должны прекратить наблюдение и оказывать полное содействие столичным агентам⁵.

Малоопытность и малочисленность местных административно-полицейских органов в те годы подтверждается и тем фак-

⁴ Там же. — С. 75—78, 55, 24—25.

⁵ ГААРК. — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 37. — Л. 3.

том, что, несмотря на проявленную ими активность, в 1903–1904 гг. леворадикальные группы и организации, в первую очередь РСДРП. Поалей-Цион, Бунд, партия социалистов-революционеров, смогли объединиться на региональном уровне, создать губернские комитеты и продолжить вести по возможности активную революционную агитацию и пропаганду. Демонстрируя размах партийного строительства в Крыму и Северной Таврии, скажем, что в 1898–1908 гг. повсеместно действовали ¹³⁵ партийных организаций и групп с численностью 21,5 тысяч членов⁶.

Как приходилось работать административно-полицейским властям в условиях наступления революции покажем на примере их борьбы с крымскими подотделами Российской социал-демократической рабочей партии. Получив агентурные сведения о создании первой в Крыму губернской организации РСДРП, органы политической полиции провели летом 1903 — весной 1904 г. серию удачных операций по пресечению ее деятельности. Были выслежены и арестованы активисты Мелитопольской, Бердянской, Керченской организаций, затем рассекречены и ликвидированы подотделы этой партии в Севастополе, Симферополе, Феодосии, Ялте и др. местах. Эти решительные совместные действия общей и политической полиции свели на нет деятельность губернской организации, носившей название «Крымский союз РСДРП». Так был нанесен первый серьезный удар крымским социал-демократам. Однако вскоре работа уцелевших членов этой революционной партии или оправившихся от репрессий организаций была распространена в других, кроме рабочих, слоях населения, где появились новые партячейки: в Симферопольской духовной семинарии, училище Никитского ботанического сада, в имении «Массандра», на отдельных непромышленных предприятиях и заведениях, на отдельных военных и гражданских кораблях, в небольших населенных пунктах. Новые революционные кружки и организации продолжали расти как грибы.

⁶ См. подробнее: *Королев В. И.* Политические партии Крыма и Украины. История и современность, — Симферополь: Таврия, 2002. — с. 87.

Вскоре появились организации там, где не было скопления рабочего элемента и где они ранее не существовали: в Евпатории, Джанкое. Алушке, Карасубазаре, Б. Токмаке, Ногайске, в ряде крупных сел крымских и материковых уездов губернии. Такая же ситуация складывалась в работе по пресечению деятельности других революционных партий. Это требовало постоянного и усиливающегося напряжения сил и энергии от сотрудников жандармерии и политического сыска края.

В предреволюционные годы сотрудники политической и общей полиции края с большим трудом и не всегда эффективно сдерживали распространение «вредных учений» и революционных печатных изданий. В 1900–1902 гг. группа местных радикалов, не имея собственной издательской базы, наладила связи с зарубежными бюро революционных партий и комитетами других регионов империи, от которых получала революционную литературу. Это выяснила политическая полиция, когда сумела выследить и изъять в 1902 г. библиотеку «Симферопольского рабочего союза» (200 книг) и в 1903 г. — Феодосийского комитета РСДРП (около 100), в которых были собраны издания из Петербурга, Москвы, Киева, Екатеринослава, Одессы, Нижнего Новгорода и из-за пределов страны. Библиотека партии эсеров даже в с. Белозерки Мелитопольского уезда была обнаружена⁷.

В течение 1901–1904 гг. на губернию прямо-таки обрушилась волна революционных прокламаций, которую административно-полицейские власти удержать были не в силах. По нашим неполным подсчетам только местные социал-демократические организации издали не менее 30 листовок тиражом около 15 тысяч экземпляров, а губком меньшевиков распространил 12 листовок своего ЦК объемом не менее 100 тысяч экземпляров. В них леворадикалы умышленно дискредитировали государственную власть, допускали оскорбления в адрес ее полицейских органов, высказывались в поддержку террористичес-

⁷ ГААРК. — Ф. 419. — Оп. 1. — Д. 3263. — Л. 11–12; 2, Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 271. — Л. 5–6.

ких актов столичных революционеров, всеми силами стремились вызвать социально-политическую напряженность в крае.

В каких условиях и как действовали местные органы политической и общей полиции с первыми появлениями революционных листовок на улицах крымских городов хорошо демонстрируют леворадикальные газеты: «Ялтинская полиция целый день рыскала по городу и рабочим слободкам, с трудом срывая крепко приклеенные прокламации, в течение нескольких дней улицы Ялты кишели полицейщиной... Многочисленные (? — В. К.) ялтинские шпионы шныряли по трактирам и т. п., прислушиваясь к разговорам рабочих и десятками арестовывая тех, кто выражал сочувствие прокламациям. В течение нескольких дней было арестовано 60 рабочих, но в результате полиция осталась, конечно, с носом и постепенно все рабочие были освобождены за полным отсутствием улик... Желая вызвать среди местного общества отрицательное отношение к прокламациям, ялтинские полицейские, шпионы и жандармы начали распускать по городу слух, будто прокламации призывали к грабёжам, к разгрому домов и магазинов и т. д. Эта гнусная выдумка подлых царских опричников имела небольшой успех среди некоторых слоев буржуазии, совершенно еще «невменяемой» в политическом отношении. Но, в общем, ялтинское общество не поверило, конечно, нелепой сказке полицейского участка. Впрочем, полицейский участок сам поспешил опровергнуть свою глупую выдумку, набросившись с обысками не на «грабителей», а на ялтинскую интеллигенцию»⁸.

Очевидно, на борьбу с новым для края явлением политической жизни были брошены все силы полиции, привлекались сотрудники других городов и, в первую очередь, сотрудники губернского жандармского управления. Прделанная большая работа серьезных результатов, однако, не дала. Выявить действительных организаторов этого «революционного дела» и доказать правовыми методами их причастность к нему не удалось. Поэтому начальник ГЖУ С. В. Трубников на подобные проявления в 1901–1902 гг. в крае

⁸ «Искра». — 1902. — 22 июля.

революционной работы вынужден был откровенно докладывать губернатору: «Несмотря на все принятые меры, ни агентурным путем, ни производством формальных дознаний виновники и организаторы пропаганды обнаружены не были». Самым необходимым и безотлагательным начальником жандармерии в это время считал расширение внутренней агентуры и информировал губернатора о внедрении нескольких новых секретных сотрудников в революционные организации⁹.

Так же как и в Ялте, общая и политическая полиция реагировала на размах революционной пропаганды и в других местах края. Например, в Феодосии меньшевики в ночь на 25 июля 1902 г. распространили более 100 листовок. В город немедленно прибыли начальник ГЖУ С. В. Трубников и его помощник в Керченском градоначальстве. Вскоре губернатор В. Ф. Трепов выпустил с «успокоительными речами» в ряде мест города и уезда. Было произведено несколько обысков, которые не дали результатов. Революционные издания так описывали работу ГЖУ: «В город присланы новые шпионы. Кстати, можно упомянуть о шпионской системе, которой держится жандармерия в Крыму. Шпионы долго не засиживаются в одном городе, чтобы не обнаружить местных жителей», т. е. чтобы не быть рассекреченными¹⁰. Как видим, спектр предпринимаемых мер в то время был нешироким.

Стремясь донести до сограждан свои леворадикальные идеи, революционеры шли на различные ухищрения, требовавшие большого опыта и проворности сотрудников политической полиции. Так, весной 1903 г. в Керчи местные социал-демократы наняли мальчиков — разносчиков газет, которые у ворот самого крупного промышленного предприятия города с криками о последних новостях («Приехал китайский цирк!») раздавали революционные прокламации уходящим с работы рабочим. Полиция нашла мальчишек. Но добиться от них ничего не смогла. Лис-

⁹ Революционное движение в Таврической губернии в 1905–1907 гг. Сборник документов и материалов. — Симферополь, 1955. — С. 24–25. (Далее — Сб. док. — С., 1955).

¹⁰ Сб. док. — С., 1940. — С. 74–75.

товки вновь появлялись на улицах. Ночные дежурства 40 передетых в штатское полицейских эффекта не дали. Попытки найти распространителей прокламаций во время маскарада в дни еврейских праздников также не увенчались успехом. Тогда жандармский ротмистр Шеремет «выписал из Петербурга рабочего-провокаатора», который привез много нелегальной литературы и внедрил в рабочую организацию, но обнаружить С.-Д. комитет не смог и покинул Керчь. Но по добытым им сведениям было произведено 30 обысков и 10 арестов (девять рядовых членов из задержанных были освобождены). В ходе розыскных мероприятий были задержаны за хранение и печатание революционных прокламаций активные члены РСДРП Н. Евдокимов и С. Рабинович. Попутно скажем, что вина последнего следствием не была доказана, он был освобожден из-под стражи, а в августе 1903 г. вновь арестован по ст. 1035 Устава уголовного суда, о чем докладывалось в Департамент полиции¹¹.

Трудно уловимыми были заезжие партийные функционеры. Политическая полиция получала отрывистые и зачастую запоздалые агентурные сведения, к примеру, о пребывании в 1902–1903 гг. с партийными целями в Феодосию четырех одесских, одного бакинского и одного харьковского посланцев губкомов РСДРП, в 1904 г. в Бердянске одного посланца из Екатеринослава. Оборвать такие достаточно законспирированные связи зачастую не удавалось¹².

К первым открытым политическим акциям местные административно-полицейские органы были не готовы. Свидетельством тому являются действия полиции 5 мая 1901 г., когда группа членов партии Поалей-Цион под руководством бывшего студента В. Громана провела первую в истории Таврической губернии первомайскую демонстрацию. В этом шествии приняли участие 100–150 еврейских ремесленников (по понятным причинам в репортаже большевистской «Искры» они превратились в русских рабо-

¹¹ ГААРК. — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 37. — Л. 84; Сб. док. — С., 1940. — С. 81–83.

¹² ГААРК. — Ф. 26. — Оп. 6. — Д. 37. — Л. 2.

чих). Среда бела дня под красным знаменем и с пением «Марсельезы» они прошли по центральным улицам города. Подчеркнем, что за несколько часов до демонстрации «один услужливый обыватель» предупредил полицейское управление о готовящемся мероприятии. В начале же шествия городские, не разобравшись, даже расчищали дорогу демонстрантам от посторонней публики, думая, что это идет колонна новобранцев. Таврическое ГЖУ сведений о предпринимаемом шествии не имело, а общая полиция с опозданием рассеяла демонстрацию, которая к тому моменту уже почти свернулась. Поэтому по прибытию на место «государственного преступления» был схвачен лишь один знаменосец, которого помощник пристава Ковалевский избил в полицейском участке и отправил в тюрьму. Материалы скрупулезно проведенного жандармского следствия подтвердили, что многочисленная публика, наблюдавшая за шествием «никакого участия в беспорядках не принимала». Хотя «Искра», разумеется в пропагандистских целях, охарактеризовала это событие в Симферополе как «небывалое явление в России!». Организаторы демонстрации были выявлены и привлечены к суду. В. Громан осужден на 4 года тюремного заключения, П. Терноруцкий и М. Седловский отправлены на 8 месяцев в Петербургскую крепость, еще четыре революционера были сосланы на 3 года в Иркутскую губернию. Департамент полиции конечно же местные власти «по головке не погладил», а политическая полиция края получила неплохой урок¹³.

На следующий год таких просчетов полицией уже не было допускала. В Феодосии накануне пролетарского праздника были произведены 25 обысков, а к дознанию привлечены более 40 человек. Хотя организаторов готовящегося революционного мероприятия выявить не удалось, но превентивные меры остудили желание леворадикальных групп населения выйти на улицы.

В Симферополе накануне 5–6 мая 1902 г. власти, не желая повторения прошлогодних событий, пожалуй, даже переусерд-

¹³ ГА. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 271. — Л. 1–3; Оп. 6. — Д. 37. — Л. 12; Сб. док. — С., 1940. — С. 63.

ствовали. Начальник Таврического ГЖУ генерал-майор Трубников с разрешения командира Корпуса жандармов привлек роту солдат, которые в гражданской одежде рассредоточились в гулявшей публике, чтобы «по свистку бить демонстрантов, буде они окажутся». Как писали тогда газеты, по улицам «городовых и шпионов понаставили столько, что прямо непонятно, откуда они столько взяли». Впервые в «тихом богоспасаемом Симферополе» была задействована конная полиция. Кроме того, в течение двух недель держали в готовности две роты Литовского полка (каждый из солдат получил по 8 холостых и 16 боевых патронов). Губернатор обратился к духовенству и ремесленной управе, чтобы те повлияли на рабочих и отговорили от шествия. Но при таких предпринятых мерах оно и не могло состояться¹⁴.

И все же 1 Мая 1903 г., хотя и не демонстрациями, но небольшими тайными сходками крымские трудящиеся отметили. К примеру, в Феодосии поздним вечером за городом 45 рабочих собрались, чтобы попеть революционные песни, осудить «зубатовщину» и еврейские погромы. Подобные конспиративные акции сотрудники полиции предупредить и пресечь не сумели, а агентурные сведения о них поступили с большим опозданием. Подчеркнем, что местные правоохранительные органы могли пользоваться распоряжением губернатора от 22 декабря 1902 г. «О мерах по обеспечению общественного спокойствия и благочиния», согласно которому запрещалось проведение несанкционированных собраний и шествий граждан.

Таким образом, несмотря на издержки и просчеты в работе в этом направлении, административно-полицейские органы края в 1901–1903 гг. сумели удержать революционно настроенных крымчан от открытых политических выступлений.

Выполняя одну из важных своих функций, органы политической полиции внимательно наблюдали за развитием рабочего движения в губернии. Благо, революционные формирования в 1900–1904 гг. еще не окрепли и не в силах были поднять волну

¹⁴ Сб. док. — С., 1940. — С. 67–68.

стачечной борьбы. По нашим данным в Крыму и Северной Таврии в это время состоялось 7 забастовок с участием не более 3000 человек. Все стачки носили экономический характер. К примеру, в царском имении «Ливадия» возник конфликт между управляющим и сельскохозяйственными рабочими («Искра» в № 10 за 1901 г. назвала его «великим скандалом»), которые потребовали ликвидировать задержку выплаты заработной платы и тактичного обращения с ними со стороны администрации.

Но был и случай стачки с серьезным нарушением общественного порядка. Это произошло в августе 1903 г. в Керчи, где стихийно начавшейся забастовке портовых рабочих примкнули рабочие ряда промышленных предприятий и ремесленных мастерских. Свои требования повышения заработной платы недовольные горожане высказали на шествии 12 августа (2000 участников), которое закончилось столкновением с полицией и воинской командой. С обеих сторон были убитые и раненные. Наэлектризованная революционными речами (в частности В. Шишманом, который «подстрекал к бунту») тысячная толпа «отчасти путем насилия, отчасти путем убеждения» заставила рабочих крупнейшей в Крыму табачной фабрики Месаксуди принять участие в стачке, а затем стала громить полицейские участки. Для разгона толпы власти использовали также пожарную команду, которую рабочие избили и разогнали, а шланги порвали. Городские власти растерялись. По запросу жандармского генерал-майора Клокачева на следующий день в город прибыли представители губернской администрации и политической полиции с 18 солдатскими ротами. В. Шишман на двухтысячном митинге у подножия горы Митридат вновь призывал к сопротивлению властям. Город был объявлен на положении усиленной охраны. Митинги рассеивались. Были арестованы более 100 участников беспорядков. Леворадикально настроенные рабочие попытались освободить из тюрьмы своих соратников и вновь применили оружие. По свидетельству товарища прокурора Симферопольского окружного суда, благодаря активным Действиям властей беспорядки больше не повторялись и большинство рабочих, изложив фабричному инспектору свои тре-

бования и ходатайства, вновь приступили к работе. «Главный агитатор» В. Шишман попытался скрыться за границу, но вскоре был выслежен и задержан¹⁵.

Нарастающая революционность населения настоятельно требовала от органов политической полиции адаптации к новым условиям и повышения уровня профессиональной подготовки. После убийства эсером-боевиком министра внутренних дел В. Д. Сипягина этот пост занял В. К. Плеве, который предпринял попытку полицейской реформы. В 1902 г. в 15 городах учреждаются розыскные отделения, заметим, что из них 5 — украинские: Киев, Харьков, Одесса, Екатеринослав, Симферополь. Серьезные количественные и качественные изменения претерпел кадровый состав органов политической полиции. Новый министр активнее откликался на инициативы с мест по совершенствованию работы силовых органов.

Борьба с революционизированностью населения требовала и тесного взаимодействия гражданских и полицейских властных структур. К примеру, «внизу» хорошо чувствовалось отсутствие слаженной работы между портовыми управлениями и органами, осуществлявшими политический надзор. Последние в конце XIX в. были подчинены городским полицейским управлениям, которые назначали для работы в порту не лучшие кадры, часто меняли их и привлекали к несению службы по городу. Сотрудники портовой политической полиции часто жаловались, что мало отдыхают, т. к. одновременно несут дежурство в городе и выполняют свои прямые обязанности в порту. И руководители портов и начальники политической полиции на местах в один голос признавали количественный состав полицейских в портах «весьма недостаточным». Поэтому в начале августа 1901 г. Государственный Совет обсуждал проект «Положения о местном управлении приморскими торговыми портами». Решено было создать в крупных портах жандармские

¹⁵ ГААРК. — Ф. 150. — Оп. 1. — Д. 10. — Л. 45, 52-54, 58. 61-65, 71. Сб. док. — С., 1955. — Л. 85-87.

управления. Таковые вскоре появились в Севастополе и Керчи, небольшие отделения в Феодосии, Бердянске, Евпатории, Ялте и Геническе. Перед ними согласно «Положению» были поставлены следующие главные задачи: «Надзор политический и за исполнением паспортных правил, принятие мер по предупреждению и пресечению преступлений, прекращению открытого буйства, неповиновения властям и т. д., или иными словами — функции так называемой полиции безопасности»¹⁶.

Штат новых полицейских формирований зависел от величины территории обслуживания, торгового оборота и от количества приписанных к порту и прибывавших судов. 29 августа Таврическая губернская администрация подготовила сведения о работе портов и свои предложения, но затруднилась в определении штатов портовых жандармских управлений. В больших портах (Севастополь, Керчь) они, как правило, состояли из начальника, одного-двух помощников, адъютанта, писаря и нескольких нижних чинов, а в малых — начальника, адъютанта, нескольких стражников. Например, в Бердянском жандармском отделении служили начальник, вахмистр и 8 нижних чинов. В Феодосии было 6 стражников, т. к. здесь же служили нижние чины, подчиненные Отделению жандармерии железных дорог. В Ялте рядового состава было еще меньше — 4 полицейских. В марте 1903 г. штаты портовых жандармских управлений были увеличены, а сами органы вновь переподчинены начальникам местных портовых управлений¹⁷.

Губернаторы, в том числе и крымские, считали службу полицейских в портах «слишком тяжелой». В первую очередь они указывали на недостаточность плавсредств. В распоряжении феодосийских жандармов имелось 2 баркаса, бердянских — 4 весельных плюпки. Поэтому местные власти с целью повышения эффективности работы политической полиции просили дополнительного финансирования, например, для приобретения Ялтинских

¹⁶ ГААРК. — Ф. 27. — Оп. 3. — Д. 208. — Л. 6.

¹⁷ ГААРК. — Ф. 27. — Оп. 3. — Д. 208. — Л. 21-22.

ким отделением «современного, большого парохода». «Ввиду большой дороговизны жизни в портово-курортных городах» глава губернской администрации сетовал на низкую заработную плату полицейских и просил уравнивать ее с денежным содержанием чинов общей полиции, которые, кроме того, получали столовые, квартирные, обмундировочные. Губернатор предлагал Департаменту полиции выделить средства на приобретение для служащих в порту жандармов шуб и валенок, т. к. их служба проходит не только на берегу¹⁸. Как видим, местные власти как могли заботились об условиях службы и быта рядового состава политической полиции.

С начала XX в. органы политической полиции усиливали борьбу с распространением «революционной заразы» на матросов и солдат прибрежных воинских частей. В течение 1901–1902 гг. сотрудники жандармерии нащупывали следы эсеровской и социал-демократической пропаганды и «курсирования» нелегальной литературы среди личного состава флота. В связи с этим неоднократно давались приказы о массовых обысках, в результате которых задерживались сочувствующие революционерам матросы. Появление на флоте первых социал-демократических кружков было зафиксировано полицией осенью 1903 г., когда «по настоянию жандармов» 30 ноября был произведен обыск и обнаружено несколько революционных брошюр и листовок. 8 черноморцев-членов с.-д. кружка оказались в поле зрения городского жандармского управления. Оснований для их ареста не нашлось. Местные блюстители политической благонадежности с сожалением отмечали: «Слежка была поставлена еще так плохо, а конспиративная работа (революционеров. — В. К.) проводилась так искусно, что многие из указанных товарищей продолжали работу во флоте на протяжении всего 1904 г.»¹⁹.

Борьба с революционизированием флота требовала объединения усилий полиции и морского командования. По распоря-

¹⁸ Там же. Ф. 27. — Оп. 3. — Д. 619. — Л. 28–31.

¹⁹ Найдя С. Ф. Революционное движение в царском флоте. — М.-Л., 1948. — С. 79–81.

жению правительства на флотах, в т. ч. Черноморском, учреждались Особые совещания по вопросам пресечения антиправительственной пропаганды. В Севастополе в этот орган, кроме морских офицеров, вошли начальник Таврического ГЖУ полковник С. В. Трубников и начальник Севастопольской крепостной жандармской команды Н. А. Васильев. На первом заседании 3 декабря 1903 г. были рассмотрены случаи революционной агитации в морских и сухопутных частях и принято следующее решение: 1) усилить наблюдение за рядовым составом; 2) сократить время увольнений нижних чинов в город; 3) ограничить общение матросов с рабочими; 4) пополнить младший командный состав надежными в политическом отношении кадрами; 5) запретить младшему командному составу проживание на частных квартирах и разместить его в казармах и кубриках; 6) проводить увеселительные мероприятия, которые бы отвлекали рядовой состав от увлечения революционностью; 7) политически неблагонадежных матросов отправлять на Тихоокеанский флот и Каспийскую флотилию²⁰.

Несмотря на предпринимаемые серьезные меры властей и командования, работа леворадикалов все же давала некоторые всходы во флотской среде. Уже с осени 1904 г. жандармское управление докладывало «наверх», что появилось несколько десятков матросов, которые почти открыто говорят о необходимости всенародного восстания. Абсолютное большинство личного состава флота, не отличавшееся «политической грамотностью», было далеко от революционных идей и до открытых выступлений дело в войсках не доходило. Свидетельством тому — бунт матросов крейсера «Березань», возникший на военно-бытовой почве в июле 1904 г. В связи с тем, что акт воинского неповиновения не носил политической окраски, карательных мер к зачинщикам применено не было.

3 ноября взбунтовались матросы флотской дивизии, размещавшейся в Лазаревских казармах (ныне в них отчасти распо-

²⁰ Найдя С. Ф. Указ. соч. — С. 86.

ложился Черноморский филиал Московского государственного университета). Нижние чины выразили недовольство приказом командующего флотом о запрещении увольнений в город и отказались подчиняться командирам. И это в условиях военного времени! Поэтому меры были приняты жесткие. В январе следующего года матросы-подстрекатели преданы суду и отправлены в дисциплинарные батальоны, арестные роты, на каторжные работы и в ссылку, а несколько десятков участников бунта списаны на корабли, где к радости революционеров «продолжили смуту». Как справедливо отмечала правительственная пресса, это был «обыкновенный бунт, не имевший политической основы»²¹. Примечательно, что эти бунты побудили флотом Г. П. Чухнина в ноябре 1904 г. инициировать рассмотрение вопроса об улучшении сыскного дела в Севастополе, но, как показали дальнейшие события, он «не был разрешен вполне удовлетворительно»²².

2. Борьба с революционным движением в 1905 году

Весть о трагических январских событиях в Петербурге глумим эхом прокатилась по всей Российской империи. И в Крыму возмущение населения вылилось на улицы: в разное время одновременно проходили митинги, на которых революционеры произносили страстные речи под лозунгами: «Долой самодержавие!» и «Долой полицию!». Органы внутренних дел встали на защиту общественного порядка и устоев царской самодержавной власти. Митинг 14 января в Симферополе стал превращаться в многолюдное шествие по центральным улицам, но своевременно был рассеян полицейскими²³.

Служба крымских городских и уездных полицейских управлений стала напряженной, но не настолько, как в промышленных

²¹ Цит. по кн.: Найда С. Ф. Указ. соч. - С. 92.

²² Сев. восстание. — С. 99-100.

²³ ЦГА АРК. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 490. Л. 2-10.

ных и центральных регионах страны. Жители дальней окраины России, (каковой являлся Крым, будучи в то время ссыльным краем) не приняли культивируемую экстремистами идею вооруженной борьбы с царизмом и не хотели идти за ними на жертвы под лозунгами «Свобода или смерть!», «Победим или умрем, как умирали петербургские рабочие!»²⁴.

Большого всплеска митинговой активности крымчан в январские дни не наблюдалось и недовольство населения не вылилось в более или менее организованные действия.

Ненамного осложнило работу полицейских органов и забастовочное движение, которое развернулось в других регионах империи, а на полуострове оно еле просматривалось. Но и здесь кучки революционеров пытались направить его в русло политической борьбы. Их попытки использовать «январскую» вспышку недовольств и поднять рабочих и мещан на общегородские забастовки оказалась безуспешной. Благодаря оперативным отработкам сотрудников политической полиции в Севастополе, Феодосии и некоторых других пунктах эта идея провалилась.

Вместе с тем, единичные «трения» между стачечниками и блюстителями правопорядка имели место. Так, в Феодосии 7 февраля утром 70 еврейских рабочих артели, члены социал-демократической партии и ей сочувствующие, бросили работу и со скандированием лозунгов «Долой царя! Долой полицию! Долой чиновников!» направились к воротам городских фабрик и порта. Разбрасывая по пути листовки, они призывали трудящихся бастовать, но к ним присоединились лишь немногие рабочие. Тогда экстремисты попытались не допустить портовиков к рабочим местам. Это вызвало противодействие рабочих порта и без того проявлявших недовольство безработицей: в связи с угольным кризисом и нехваткой вагонов, задействованных на военные нужды, объем разгрузочно-погрузочных работ в порту уменьшился в четыре раза. В эти дни грузчики требовали от администрации любой работы, а социал-демократы, призывая к стачке, лишали

²⁴ ЦГА АРК. — Ф. 150. — Оп. 1. — Д. 13. — Л. 6-9, 24-28.

их и без того мизерного заработка. Забастовщики собрались в центре города у памятника Александру III. Меньшевик Соломон Аккерман и другие ораторы во время революционных речей плевали на скульптуру бывшего государя. Это оскорбило верноподданных рабочих, и начался кулачный бой, который своевременно не был блокирован городовыми. 30 еврейских революционеров были избиты, а М. Н. Айсенфельд умер на следующий день от побоев. Начался погром. Похороны «невинной жертвы» вновь переросли в погром еврейских магазинов и заведений пьяными «ура-патриотами». С большим трудом полицейским отрядам удалось ликвидировать беспорядки в городе.

Развитие событий и роль полиции в них получили в советской литературе по сути противоречивую интерпретацию. В. Опалов утверждал, что этой забастовке «охранка противопоставила еврейские погромы». А известный крымский историк П. Надинский писал: «Местные власти выставили против демонстрантов вооруженную полицию и жандармерию и натравили черносотенную банду хулиганов. Произошло избиение безоружных людей. Около 30 демонстрантов было ранено и один убит. После разгрома демонстрации черносотенцы устроили в городе погром»²⁵. В советской историографии считалось, что общая и политическая полиция, не имевшая достаточных сил для борьбы с революционным движением, выполняла свои задачи с помощью групп консервативно настроенных граждан, в частности, участников Черной сотни.

Работа революционных партий зимой 1905 г. натолкнулась на консерватизм, косность, инертность и политическую безграмотность жителей полуострова. Крымчане возмутились и успокоились: как говорится, дальше разговоров дело не пошло. Такое положение дел, разумеется, сокращало усилия по обеспечению общественного порядка и гражданского спокойствия. Тем более немногочисленный штат ее был рассчитан на умеренное

²⁵ ЦГА АРК. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 482. — Л. 97; Сб. док. — С., 1940. — С. 97-98; Газ. «Крымский вестник». — 1905, 9 апреля.

течение провинциальной жизни, а не на этнополитические конфликты и социальную напряженность в крае.

Весной административно-полицейские органы стало беспокоить стремление революционных партий вооружиться. Это могло привести к кровопролитию и эскалации насилия. Уже в конце февраля губернское жандармское управление стало получать через своих агентов сведения, что Крымский союз РСДРП организовал несколько боевых дружин численностью 281 человек, что на их содержание поступили из Москвы 15 тысяч рублей и несколько ящиков патронов. Принимались меры к помимке организаторов боевиков — некоего «Алима», прибывшего из Закавказья²⁶.

Несмотря на то, что в крае социально-политическая ситуация не накалялась, и внешне выглядела даже спокойной, но наступление реакции чувствовалось, и это держало полицию в постоянной готовности, но чтобы противостоять массовым экстремистским действиям ее явно не хватало. К примеру, 13 марта в Ялте около пяти часов вечера за нарушение общественного порядка полицейский патруль арестовал пьяного запасного солдата Белых. Проходившие по улице рабочие, защищая военного, вступили в пререкания с городовыми. Вскоре около полицейского участка, куда был доставлен нарушитель, собралось несколько сот горожан с требованием освободить солдата. С криками «Бей полицию!» они разгромили участок и освободили задержанного. Под его предводительством толпа, выросшая до тысячи человек, двинулась по набережной, громя магазины и избивая полицейских. Навести порядок в городе власти были не в силах. На следующий день начался новый погром полицейских участков, винных лавок, конторы царского имения «Ливадия», предпринята попытка разгрома казначейства. Революционеры освободили заключенных из тюрьмы. Был избит уездный исправник. В пяти местах города вспыхнули пожары. В результате погромных действий город понес убытки на сумму 1 миллион рублей. По просьбе властей 14 марта из

²⁶ ЦГА АРК. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 431. Л. 163.

Севастополя прибыл миноносец и солдатские роты, из Бахчисарая — эскадрон Крымского дивизиона. С их помощью порядок в городе был восстановлен²⁷. Пожалуй впервые административно-полицейские власти города прибегли к такой серьезной поддержке военных для умирения своих сограждан.

Чем больше разворачивались революционные события в стране, тем сильнее они захватывали солдат и матросов. Весной-летом 1905 г. отдельные матросы продолжали регулярно посещать революционные сходки и поддерживать контакты с рабочими, членами социалистических партий. И. о. начальника Севастопольского жандармского управления подполковник А. П. Бельский докладывал в Департамент полиции, что в марте были получены агентурные сведения о двух сходках матросов, но место их проведения обнаружено не было²⁸.

На волне революционного движения появились вспышки антисемитизма, на что четко отреагировало правительство, выразив не только свое отношение к этому явлению, но и дав государственно-правовую основу для действий силовых структур. 14 апреля МВД России, констатируя возникновение в стране в противовес революционным ультра патриотических, а также антисемитских организаций (типа «Белый передел» в Петербурге), обращало внимание властей на местах, что подобные сообщества «могут вызвать опасность не менее серьезную, чем деятельность организаций противоправительственного характера». Губернаторам, начальникам жандармских и полицейских управлений (в том числе и крымским) указывалось на принятие мер к пресечению пропаганды, преследовавшей разжигание межнациональной розни. Принимая такое решение, правительство исходило из того, что преданные царизму и России граждане не нуждаются в «искусственной поддержке своих патриотических верноподданнических устремлений». 30 апреля в другом циркуляре

²⁷ ЦГА АРК. — Л. 106–110, 238–240, 307; Газ. «Южный курьер». — 1905,

13 и 23 марта.

²⁸ Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 г. / Документы и материалы. — Симферополь, 1957. — С. 91.

МВД отмечалось «замечаемое в последние годы крайне дерзкое и вызывающее поведение еврейского населения, поддавшегося революционной пропаганде», что, по мнению правительства, способствовало столкновениям между христианскими и еврейскими гражданами. Для административно-полицейских органов это было важно, т. к. край находился в черте пресловутой «черте оседлости» еврейского народа. С целью предупреждения еврейских погромов генерал-губернатору Волкову предписывалось проводить разъяснительную работу с «благоразумной» частью еврейского населения, которая должна внушить евреям-революционерам не возбуждать межнациональной вражды. Забегая вперед, скажем, что 8 июня местные власти получили более жесткое распоряжение МВД «пресекать националистическую агитацию против евреев в самом зародыше»²⁹. Такие разумные действия правительство предпринимало, стремясь не допустить раскола в российском обществе.

Первомайские праздники потребовали повышения активности административно-полицейской власти. В Симферополе шествие с антиправительственными лозунгами привело к столкновению с полицией. В Феодосии манифестация была своевременно предотвращена полицейским управлением и жандармерией, т. к. она могла вновь привести к еврейскому погрому, о чем по городу циркулировали упорные слухи. 27 апреля из 200 участников сходки, принимавшей решение о праздновании 1 Мая, полиция задержала 48 революционеров, в т. ч. организаторов. В других местах Первомай прошел без эксцессов. Евпатория встретила его общегородской забастовкой, а Керчь политической демонстрацией на горе Митридат и в городском саду. Как отмечался пролетарский праздник в Севастополе известно — сходкой за городом у горы Сахарная головка, — но в описании ее историки допускали разную. Так, М. Михайлов писал о 300 участниках маевки. В. Опалов — о 2000. из них 400 были якобы задержаны полицией. Последний факт вызывает сомнение.

²⁹ ЦГА АРК. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 462. — Л. 54–57, 81–82, 87.

Доверимся севастопольскому градоначальнику контр-адмиралу Спичкому, который докладывал вышестоящему руководству об успешной операции, проведенной 18 апреля (1 мая по новому стилю). «О предстоящей сходке чины жандармской полиции и вверенного мне градоначальства получили заблаговременно агентурные сведения. Почему и были сделаны все необходимые распоряжения и приняты меры к задержанию демонстрантов». Из 300 участников³⁰ противоправительственного митинга были арестованы 81 человек³⁰.

Спустя неделю, 23 апреля товарищ министра МВД России Трепов предложил Таврическому губернатору объявить губернию на военном положении, но последний отказался, т. к. не видел в общественно-политической обстановке края «ничего исключительного, а тем более серьезно угрожающего государственной безопасности». Все же местные власти, решив перестраховаться, перевели Крым и Северную Таврию на положение усиленной охраны, согласно которому запрещалось проведение несанкционированных собраний и шествий, продажа оружия и т. п.³¹

Большая работа была проделана политической полицией по выявлению и изъятию революционной литературы. Только за январь — июнь меньшевики издали 26 листовок (общим тиражом 290.200 экземпляров), эсеры — 18, поалей-сионисты — 7. Сотрудниками МВД были зафиксированы и 5 прокламаций монархического содержания. В это время революционная пропаганда усиленно размывала законопослушность жителей края, культивировала неуважительное отношение к буржуазной власти. Однако, не всегда усердие сотрудников политической полиции увенчалось успехом. Так, с 1 мая по 1 октября 1905 г. от помощника ТГЖУ в Ялтинском уезде поступило в Департамент полиции 21 донесение о фактах распространения демократической, социал-революционной и др. литературы, «виновных» в этом обнаружить так и не удалось. Местные пред

³⁰ Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 г. / Сборник документов. — Симферополь, 1940. — С. 92. (Далее — Сев. восстание).
³¹ ЦГА АРК. — Д. 426. — Л. 418; Д. 462. — Л. 278.

ставители жандармерии ссылались на нехватку секретных сотрудников, хотя на агентуру в Ялте выделялось 600 рублей в год. Таким образом, просчеты были налицо³².

Главным событием лета 1905 г. стал матросский бунт на Черноморском флоте. Акт воинского неповиновения на «Потемкине Таврическом» обратил на себя внимание не только российской, но и мировой общественности. По нашему мнению, ярко выраженной политической окраски он не носил, хотя зачинщиками выступили 10 матросов-партийцев, ранее не выявленных политическим сыском. Поэтому для сотрудников жандармерии бунт стал полной неожиданностью (кстати, он заранее и не подготавливался). Местные полицейские органы находились в растерянности, не имея ни сил, ни возможности хоть как-то повлиять на ход событий. Неудачный бунт черноморцев вызвал много толков и суждений. «Однако, как отмечало городское жандармское управление, — нижние чины сухопутных войск не делают никаких приготовлений для того, чтобы поддержать моряков и даже сочувствие к ним можно встретить только в исключительных случаях», т. е. матросы и солдаты в абсолютном большинстве остались верными присяге императору. Хотя дисциплина несколько ухудшилась и матросы продолжали роптать на плохое приготовление пищи, но разговоры на революционные темы прекратились.

Бунт не был поддержан ни сухопутными частями, ни гражданским населением, хотя сочувствующим ему было немало. Используя «потемкинскую эпопею» в идеологических целях, революционеры попытались было, «революционизировать» нижних армейских чинов и сельских тружеников, но те не откликнулись³³.

Факты подобной агитаторской деятельности оперативно выявлялись и пресекались органами политической и общей полиции. Так, матросы-черноморцы Прокофий Лысый и Роман Дуна-

³² Сб. «Сев. восстание». — С. 100—102.

³³ Королев В. И. Бунт на коленях (Политические партии в Таврической губернии. 1905—1907 гг.). — Симферополь, 1993. — 16—20.

енко «за подстрекательство крестьян» к производству беспорядков» были преданы суду. Летом деятельность революционных партий стала заметно усиливаться, что потребовало адекватных мер и гибкой тактики от полицейских органов. 15 июня в Евпатории один из лидеров меньшевиков Яков Безикович произнес на заседании городской думы резкую антиправительственную речь и потребовал от местных властей организовать народную милицию. В зале поднялся шум, и председатель закрыл заседание. Тогда радикально настроенная публика из 300 человек с криками «Долой самодержавие!», с пением «Марсельезы» прошла по центральным улицам. В городском сквере состоялся митинг с участием 1000 горожан, скандировавших лозунг «Долой полицию!». Стражи общественного порядка, опасаясь спровоцировать осложнения ситуации, не стали разгонять манифестантов, но за организацию акции задержали виновных — Якова Безиковича, Ицко Мессера, Хаима Муравинского, Абрама Зусева, Д. Христопуло, И. Педанова, Е. Шишлакову. Также продуманно поступили ялтинские блюстители правопорядка. Они отказались от разгона партийных массовок. 26 июня в 4–5 верстах от Ялты революционеры созвали сходку, на которую прибыло около 900 человек. Полиция, узнав об этом, решила не рассеивать собравшихся, а общественный порядок обеспечила тем, что не пропустила шествие митингующих в город. В Симферополе так сработать не удалось и пришлось применить насилие. 30 июня по городу стала ходить группа еврейских революционеров во главе с меньшевиками Лейбой Хаитом и Липой Кричевским и призывать горожан к общегородской забастовке. Если служащие небольших мастерских и торговых заведений не желали присоединиться к стачечникам, их, применяя физическую силу, заставляли закрываться, если служащие небольших мастерских и торговых заведений не желали присоединиться к стачечникам. Активисты пошли по фабрике с призывом «Общая забастовка, товарищи! Присоединяйтесь к союзу социал-демократов и бросайте работу!» Некоторые сочувствующие оставили рабочие места, но в ряды призывавших не стали. Часть разошлась по домам, другим полиция обеспечивала возобновление работ к концу дня толпа около 150 человек ворвалась на территорию табачной

фабрики Э. Б. Гофлина, избива палками и кулаками представителей администрации, в т. ч. владельца, и выгнала рабочих на улицу. Подоспевший отряд полиции пресек действия леворадикалов и арестовал зачинщиков³⁴.

Политическая и общая полиция в июле-августе проявила особую активность и провела многочисленные обыски и аресты лидеров и активистов политических формирований. Подводя итоги проделанной работы, начальник Севастопольского городского жандармского управления А. П. Бельский с удовлетворением информировал Департамент полиции: «В настоящее время, судя по агентурным сведениям, в Севастополе функционируют остатки Севастопольского комитета Крымского союза РСДРП. Деятельность других организаций рассеяна арестами и высылками. По тем же сведениям, за последнее время севастопольская организация стала пополняться приезжими из Одессы и Симферополя»³⁵.

Конечно, после «потемкинских» событий наблюдение за политическими настроениями матросов было усилено. Командующий флотом Г. П. Чухнин, а в этом его поддержал и морской министр А. А. Бирилев, предложил Департаменту полиции «немедленно усилить розыскные средства Севастопольской жандармской полиции, которая при настоящем своем составе не может с успехом выполнять возложенные на нее обязанности». Действительно, мизерный штат политической полиции и крайняя недостаточность материального обеспечения делали сыскное дело в таком обширном и важном регионе страны малоэффективным. А. П. Бельский ежегодно получал на содержание внутренней и наружной агентуры 1200 рублей, а требовалось по меньшей мере 1700–1800. Нужно было укрепить личный состав жандармерии более профессионально подготовленными кадрами. Оперативно сделать это власти не смогли, поэтому негативные последствия этого местная политическая полиция почувствовала уже в ноябре 1905 г.

³⁴ЦГААРК. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 432. — Л. 36–42, 52, 62–64.

³⁵Севастопольское восстание. — С. 93

Забегая вперед скажем, что в сентябре Бельский дважды обращался в Департамент полиции за материальной помощью для улучшения работы своего учреждения и аргументировал свою просьбу тем, что разогнанные в августе организации политических партий приняли новое пополнение и шире стали распространять «мятежный дух» среди чинов флота и Севастопольского гарнизона. Не сгущая краски, он писал: «Город Севастополь всегда служил и особенно теперь служит притягательным центром для противоправительственных организаций, где усиленное движение пропаганды может дать огромные выгоды революционерам, отдавая им в руки весь Юг». В ответ на это обращение Бельскому лишь предоставили неограниченное право перлюстрировать, особенно просмотра переписки потемкинцев³⁶.

Летом органы правопорядка принимали меры к тому, чтобы не допустить жесткой конфронтации консервативных и революционных сил края. Свидетельством тому явились события в Керчи, благодаря революционной пропаганде ставшие известными далеко за пределами Крыма. 27 июля на заседании городской думы крупный предприниматель и землевладелец Д. Д. Посполитаки делал доклад о своей поездке в Москву на Всероссийский съезд земских деятелей. Заседание пыталась сорвать кучка еврейских революционеров, разбрасывавших листовки «Ко всем лишенным прав». Не добившись предоставления трибуны в думе, 200 радикально настроенных горожан провели шествие под лозунгами «Долой самодержавие! Долой ненавистную полицию!». Находившиеся на улицах приверженцы монархических взглядов выразили недовольство демонстрацией криками «Бей жидов! Дадим им — долой самодержавие!». У дома градоначальника шествие было рассеяно полицией и случайно оказавшимися рядом солдатами. Обратившись в бегство, еврейские революционеры стали отстреливаться и ранили трех солдат. Местная прокуратура, дабы не обострять политическую ситуацию в городе, избрала нежесткую меру пресечения в отношении зачинщиков

* Там же. — С. 95, 98–99.

беспорядков — особый надзор полиции. Но атмосфера в городе продолжала накаляться. Причиной тому были экстремистские действия как право — так и лево радикалов. Но нам важно уточнить, кто первым открыл огонь и начал кровопролитие, т. к. революционные прокламации дезинформировали население и убеждали, что инициаторами «бойни» были полицейские и солдаты. Как произошло вооруженное столкновение описывает сочувствующая социал-демократам местная газета «Южный курьер»: «Хулиганы-подростки мчались по улицам и выкрикивали — «бей жидов!». Погромщики проявляли активность, полиция и войска держали себя совершенно спокойно (? — В. К.). Воздух оглашался неистовыми криками «ура» и топотом толпы, ходившей приступом на магазины. Раздавались зловещие удары ломами по окнам, дверям. Проламывались двери, и начинался разгром. На Николаевской (улице) появились люди с целью разогнать хулиганов. Когда самооборона (боевики-революционеры. — В. К.) приблизилась, громилы отхлынули к углу Стемпковской (улицы). Самооборона очутилась против солдат и громил, рассыпавшихся по углам Стемпковской ул., **раздался залп самообороны. Затем раздался залп солдат** (Выделено нами. — В. К.), и на месте остались два трупа (два боевика — Борис Эксуцер и П. Кириченко. — В. К.) и около десятка раненых. После залпа самооборона рассеялась, а громилы, снова собравшись, с дикими криками и завываниями, с камнями и лопатами в руках, бросились за убежавшими».

Начался погром, который продолжался и на следующий день. Керченские социал-демократы обвинили в погроме только полицию, которая якобы за полгода готовилась к нему и подыскивала для себя бойцов по кабакам и трактирам из числа «темных и несчастных людей», не знакомых с идеями революционеров, единомышленников, которые «откликнулись на призыв полицейской сволочи и отправились избивать еврейскую бедноту». В ответ на обвинения градоначальник Трубников отдал приказ об открытии огня по отряду самообороны и участие полиции в расправах над евреями официально отрицал. Однако, тактические просчеты полиции 27–31 июля дали в руки партий-

ным функционерам идеологический козырь для резкой критики органов правопорядка. Листовка городского комитета РСДРП не без основания констатировала, что, как и в других городах России, керченская полиция выступила «организатором и руководителем» избиения русских обывателей» и действовала по прямому указанию правительства³⁷.

Описанные события стали известны далеко за пределами Крыма. О них вновь вспомнили через год, когда депутат от Крыма конституционный демократ М. М. Винавер в речи на заседании Государственной Думы утверждал: «Когда в Керчи прошлым летом был погром, городской голова открыл совершенно случайно, что местной жандармской властью была получена шифрованная телеграмма из Департамента полиции, которая гласила: «Я посылаю вам 25 тайников (секретных сотрудников. — В. К.) для учинения погрома». Насколько достоверен факт, прозвучавший из уст депутата, ныне доказать невозможно. Можно лишь предположить, что акцент на нем в зале Госдумы в 1906 г. преследовал чисто политические цели.

Социал-демократы нацеливали граждан на открытую борьбу с защитниками государственных устоев. Дезинформируя читателей, они писали в листовке: «По старой памяти полиция все еще кричит «Бей жидов!», но к этому злобному, неистовому крику она присоединяет и другой — «Бей демократов!». Выступая с позиций пролетарского интернационализма, Крымский союз РСДРП в прокламации «О погромах» (август 1905 г., 12 тыс. экземпляров) в трагических событиях в Керчи, Мелитополе, Феодосии обвинил правительство, которое, чтобы продлить свое существование, для разъединения и натравливания рабочих разных национальностей прибегало к «отвратительному средству» — еврейским погромам. Советские исследователи «углубили» эту мысль. С. Камшицкий в 1924 г. необоснованно утверждал, что

³⁷ Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 419. — Оп. 1. — Д. 3967. — Л. 1–2, 4, 33–34; Сб. док. — С., 1940. — С. 116; Сб. док. — С., 1955. — С. 85–86; «Южный курьер». — 1905, 5 августа.

Керченский «истинно-русский союз» (в действительности образованный после 17 октября. — В. К.) якобы получил санкцию в Петербурге (у кого? — В. К.) на трехдневный еврейский погром, а потому в городе царил безнаказанность, а вызванные войска безучастно наблюдали за разбушевавшимися погромщиками³⁸.

С конца лета органам внутренних дел пришлось принимать решительные меры в связи с активизацией деятельности в массах сторонников насильственного свержения государственной власти. 14 августа ялтинские социал-демократы вновь предприняли попытку провести политическую демонстрацию, подстрекая «голодных и босых эксплуатируемых» к экстремистским действиям, но встретили организованный отпор полиции. 19 августа в Симферополе революционеры сорвали заседание городской думы, обсуждавшей объявленный 6 августа царем закон об учреждении Государственной Думы и положение о выборах в нее. Начатая ими демонстрация была своевременно рассеяна полицией. В конце августа в Евпатории произошло новое столкновение революционной молодежи (около 200 человек) с отрядами полицейских, сопровождавшиеся выстрелами с обеих сторон. К счастью, убитых и раненых не было. В итоге арестованы несколько человек «за незаконные сборища». 17 сентября политическая полиция задержала лидера Карасубарарского комитета партии эсеров М. Е. Видмана и его соратников за проведение революционных митингов. 19 сентября леворадикалы снова организовали митинг и демонстрацию в Симферополе, что привело к вооруженным столкновениям с консервативно настроенными жителями. Полицейский докладывал губернатору о ситуации, в которой оказались его подчиненные: «С одной стороны, действия их были направлены к задержанию революционеров и разгону толпы, а с другой к задержанию компании русских людей, яростно бросившихся на евреев... Чины полиции вели себя вполне корректно и тактично, не взирая на то, что им грозила опасность с Двух сторон». Очевидцы также утверждали, что у городских

³⁸ Революция в Крыму. — 1924. — № 2. — С. 55.

«антисемитских настроений не было и они добросовестно старались навести порядок в городе».

С трудом побоище было остановлено. Советский исследователь В. Советов несправедливо расценил разгон демонстрации в этот день как «первый смотр боевых сил», осуществленный генерал-губернатором Е. Н. Волковым. Спустя месяц в Симферополе вновь стало беспокойно. Началась забастовка служащих городских типографий. Группа рабочих ходила по предприятиям и привлекала на свою сторону новых стачечников. Митинг бастующих разошелся, когда появились отряды Крымского эскадрона. Тогда стачечники стали собирать небольшие собрания на других улицах города. Полиции пришлось в течение всего дня рассеивать их, не допуская каких-либо скоплений горожан³⁹. 14 октября севастопольские революционеры провели непродолжительную демонстрацию с участием 400-500 человек, которые прошли по Нахимовскому проспекту, но вскоре были рассеяны полицией и отрядами казаков⁴⁰.

Начальник Севастопольского городского жандармского управления А. П. Бельский в эти дни обратился в Департамент полиции с объективной информацией, как ему нелегко стало выполнять свои служебные обязанности. Среди причин сложности своей работы он поставил «недостаточность средств на организацию наблюдения и розыска». Затем указал на тесную связь революционных организаций Севастополя с соратниками в Евпатории, Керчи и Феодосии и особенно Ялты. Он пояснил, что Евпатория и Ялта «служат прибежищем для лиц, пребывание коих в Севастополе кажется им опасным», поэтому эти города «постоянно обмениваются деятелями и литературой, а сами служат транзитными пунктами». А. П. Бельский сетовал

³⁹ «Сев. восстание». - Сп. 117.

⁴⁰ ЦГА АРК. — Ф. 26. — Д. 429. — Л. 336; Д. 431. — Л. 135, 140, 142, 239-240; Д. 432. — Л. 159. 195-214; ЦГА АРК. — Ф. 150. — Оп. 1. — Д. 16. — Л. 177; «Южный курьер». — 1905, 29 августа; «Южный вестник».

16 октября и др.

на то, что в приморских городах население значительно увеличилось, а силы полиции и агентуры остаются прежними и поэтому дают возможность под видом экскурсионных прогулок укрываться революционерам от наружного наблюдения. Как указывал начальник ГЖУ. «это составляет не малую приманку для революционных деятелей, проникающих сюда и под видом больных». К тому же, в Евпатории и Феодосии не было специальных офицерских кадров жандармерии.

А. П. Бельский, исходя из разумных соображений, предлагал весь Южный берег Крыма (если не весь, то хотя бы Севастополь, Евпаторию и Ялту с уездами) выделить в одно самостоятельное жандармское управление и в каждом городе иметь по помощнику начальника с полномочиями начальника охранного отделения, у которых бы сосредотачивались сведения агентурного характера и данные наружного наблюдения, полученные от секретных сотрудников и филеров летучего отряда. Поскольку крепостная жандармская команда и подразделение жандармерии в порту малочисленны, неподготовлены к ведению розыска и наблюдения и обременены не свойственными им побочными обязанностями, начальник ГЖУ предлагал весь состав этих подразделений (14 унтер-офицеров и один вахмистр) направить в места компактного проживания рабочих: Корабельная, Татарская, Артиллерийская, Цыганская и др. слободки, обратив особое внимание на места сходок в Инкермане.

По мнению А. П. Бельского, в Евпатории летом должны размещаться 5 жандармских офицеров, из них 2 — в Саках. Беспкойство жандармского начальника вызывали сотрудники портовой охраны, главной задачей которых являлась сохранность имущества порта, а надзор за политической благонадежностью рабочих не входил в их обязанности. Поэтому А. П. Бельский предлагал 3 портовых надзирателей и 6 нижних чинов включить в подчинение Севастопольского жандармского управления с вменением соответствующих функций. Он просил увеличения штатов и убеждал, что 2 сотрудника секретной агентуры на флоте. 5 — в сухопутных армейских частях, 2 — на заводах. 5 среди населения слободок крайне недостаточно. Главная

просьба севастопольского жандарма заключалась в учреждении в Евпатории нового структурного подразделения — городского жандармского управления⁴¹.

Нарастающее осенью революционное движение вынуждало власти использовать в борьбе с ним более радикальные меры. На столе Таврического губернатора появились циркуляры МВД, разрешавшие более жестко «применять против митингующих и бастующих вооруженную силу», запрещавшие выпуск ^{прови}специальных газет без предварительной цензуры, особенно ^ипередачу сообщений о политических акциях, забастовках и аграрных волнениях в крае и других регионах империи. Но ^вто же время МВД предупреждало местные власти, что ^{действо}осуществлять лишение свободы граждан только при ^{осу}локазанности их вины в нарушении «государственного порядка»⁴². Заметим, что в период нарастания революционного движения крымские полицейские органы прибегали к помощи военных команд лишь в критических ситуациях.

К концу 1905 г. политическая обстановка в Крыму стала тяжело поддаваться контролю со стороны административно-полицейских органов. За обнародованием царского манифеста 17 октября «Об усовершенствовании государственного порядка» в крае последовали события, по существу оставшиеся без пристального внимания советских историков.

18 октября в Севастополе восторженные горожане вышли на улицы. В центре города собрался многочисленный митинг под красными и национальными знаменами. Очевидцы утверждали, что «толпа вела себя в высшей степени корректно». Но тут на митинг явились полицмейстер Попов и помощник пристава Пашура со взводом вооруженных матросов и казаков и стали рассеивать собравшихся, двое из которых были ранены штыками. Попов произнес «успокоительную» речь и шествие

⁴¹ Сб. «Сев. Восстание». — С. 88-89.

⁴² ЦГААРК. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 426. — Л. 348, 381; Д. 462. — Л. 160.

направилось на Приморский бульвар, где вновь состоялся многолюдный митинг. Затем митингующие подошли к тюрьме и потребовали освобождения политзаключенных. Возбужденные горожане более часа ждали жандармского полковника Бельского и полицмейстера Попова, но те не прибыли, возможно из-за отсутствия четких указаний «сверху», как действовать и как повлиять на ситуацию. Из представителей власти у тюрьмы находились только помощник полицмейстера Битнер и адъютант штаба крепости капитан Оллонгрен, которые были сторонниками наблюдателями происходившего⁴³. Не дождавшись распоряжения местных властей, по одной версии толпа стала взламывать ворота во внутренний двор тюрьмы, по другой — ворота были отворены изнутри.

Но во дворе оказались войска, которые без предупреждения открыли огонь по безоружным манифестантам. Восемь человек были убиты на месте, из 16 тяжело раненных на следующий день умерли еще пять, 20-25 получили ранения. Кто отдал приказ стрелять в митингующих установить сегодня невозможно. На следующий день экстренное заседание городской думы обвинило в случившемся коменданта крепости, градоначальника (в тот же день ушел в отставку) и полицмейстера, которые в нужную минуту не были на месте событий, не приняли оперативных мер по обеспечению общественного порядка и допустили «бессмысленные убийства» горожан. По мнению думских заседателей, полиция не встала на защиту населения, а войска действовали согласно уставу. В тот же день многотысячный митинг предъявил думе следующие политические требования: отменить военное положение и режим усиленной охраны в городе, удалить казацкие отряды, организовать народную милицию, отменить смертную казнь, предать суду полицмейстера, его помощника, начальника жандармского управления, начальника тюрьмы и т. д. Только адекватные действия думы сняли политическую напряженность в городе.

⁴³ Сб. «Сев. восстание». — С. 120.

Как видим, органы внутренних дел, привыкшие строго следовать устоявшимся инструкциям, не смогли оперативно перестроиться под новую реальность общественно-политической жизни⁴⁴.

В замешательстве некоторое время пребывали нижние чины полиции и в Симферополе. Об этом свидетельствуют трагические события, произошедшие 18 октября и названные современниками «позорнейшей страницей в истории России и всего человечества» (! — В. К.).

На основе архивных документов, опубликованных материалов судебного процесса и публикаций в прессе имеется возможность восстановить действительную картину происходившего в те дни с той целью, чтобы показать роль полиции в неординарно сложившейся ситуации. Ей предшествовали неоднократные сходки и митинги революционных партий, которые запасались оружием и бомбами на случай баррикадных боев. Это стало основанием для властей расквартировать в столице Крыма эскадрон Крымского дивизиона, состоящий из татар и прибывший из Бахчисарая 14 октября. Подчеркнем, что наиболее активную часть крымских организаций революционных партий составляли представители дискриминируемого в России еврейского народа, поэтому политическая напряженность в крае приобрела межэтнический характер.

16–17 октября политическая атмосфера в городе продолжала накаляться. В ряде мест проходили революционные митинги. Пристав Солодовников высказывался тогда так: «Евреи ходят с красными флагами, радуются, а русские стоят и ничего не делают». Подобные рассуждения приводили к мысли: «Не худо бы посчитаться с социал-демократами и разделаться с любителями красного цвета» руками ура-патриотов⁴⁵.

Присяжный поверенный Л. Я. Айзенштейн и некоторые другие свидетели показали на суде, что в ночь с 17 на 18 октября отдельные полицейские приготовили дубины и уже с 7 утра

⁴⁴ ЦГА АРК. — Ф. 26. — Оп. 6. — Д. 37а. — Л. 1-8; «Крымский вестник». — 1905, 22 октября.

⁴⁵ Клейнершехт И. С. Дело об октябрьском погроме в Симферополе. Судебный отчет. — Симферополь, 1907. — С. 47.

нанимали погромщиков «из черни», вооружая их палками. На улице Екатерининской (ныне К. Маркса) революционеры, преимущественно евреи, провели митинг. В 10 часов, получив известие о Манифесте государя, даровавшем народу демократические свободы, они обошли ряд предприятий, учебных заведений, после чего к ним присоединились десятки учащихся и рабочих. Губернатор не воспрепятствовал шествиям и полиция также оставалась безучастной. В 11 часов по центральным улицам города прошла демонстрация с красными флагами под лозунгами «Ура, свобода всем! Долой самодержавие! Долой царя!», которая направилась на окраину города к тюрьме, чтобы освободить политических заключенных. Находившиеся во дворе тюрьмы арестанты взломали ворота и разбежались. Наблюдая это, пристав Чупринко призывал собравшихся у тюрьмы случайных прохожих: «Бейте, братцы, жидов!»⁴⁶.

В это время на углу Дворянской и Салгирной улиц толпа рабочих обсуждала Манифест. Один из полицейских чиновников убеждал их: «У вас есть флаги, есть царские портреты, а вы спите... А жида пока ходят с красными флагами. Вот вы дождетесь того, что жида завладеют вашим царством (государством. — В. К.)». Спустя четверть часа рабочие пришли в 1-й полицейский участок и с разрешения полицмейстера получили портрет Николая II. В то же время консервативно настроенные горожане с пением гимна «Боже, царя храни!» пришли к дому губернатора Е. Н. Волкова, который приветствовал манифестантов с балкона, поздравил с выходом царского Манифеста и выделил для них военный оркестр. Рядом с ним в тот день неотступно находился начальник Таврического губернского жандармского управления полковник Н. А. Нестеров. Неподалеку находилось и здание ГЖУ, поэтому сотрудники его также были свидетелями случившегося.

Вскоре в переулке Фабра произошло столкновение патриотической манифестации с демонстрантами, шедшими от тюрьмы. Один еврей-революционер с палкой в руках попытался завла-

⁴⁶ Там же. — С. 2–3.

деть портретом императора, а один их монархистов хотел выхватить красный флаг, у несшей его девушки и ударил ее. В толпе раздались крики «Бей жидов!». Тут раздался одиночный выстрел неизвестного в воздух. Провокация не получилась. К счастью, все закончилось мирно и шествия разошлись в разные стороны⁴⁷.

Революционная демонстрация пришла в городской сад, где начался митинг. По показаниям свидетелей ораторы приветствовали провозглашенные царем свободы, разъясняли программу РСДРП, рвали национальные флаги, открыли стрельбу по портрету императора. Участниками митинга были 22 русских, 20 евреев, 3 армянина, поляк и караим. Их окружила любопытствующая публика.

Вскоре толпа «ура-патриотов» заблокировала вход в городской сад и пропускала только вооруженных палками молодых людей. Началась перестрелка и кровавая расправа над еврейскими революционерами. Материалы следствия рисуют страшную картину. Бежавших с бульвара «жестоко избивали, целясь в головы, выбирая исключительно евреев». В результате кровавого столкновения были убиты 47 человек, из них 3 женщины, 3 русских и татарин⁴⁸.

Негодование верноподанных императору симферопольцев выплеснулось на улицы города. Начался погром учреждений, где укрылись революционеры, и еврейских магазинов, лавок, мастерских. В ряде мест города вспыхнули пожары. Лишь к полудню удалось ликвидировать этот невиданный ранее по размаху погром. Среди полицейских и воинских чинов, которые первоначально были сторонними наблюдателями, жертв не было. Жертвами этих трагических событий стали 43 еврея, 20 караимов, армян и русских, похороненных через день. Газета «Крымский вестник» писала: «Неизгладимое позорное пятно оставляет в истории города этот разгром, в городе, где различные национальные группы до сих пор мирно и дружно уживались»⁴⁹.

⁴⁷ Там же. — С. 3–4.

⁴⁸ Там же. — С. 5.

⁴⁹ Государственный архив АРК. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 426, 450–452; Крымский вестник. — 1905, 20 и 23 октября.

Следствие, длившееся полтора года, установило вину 29 погромщиков (все русские, кроме одного поляка и одного цыгана) и 8 полицейских, из которых околоточный надзиратель Ермоленко был осужден на 3,5 года (вскоре повесился в тюрьме), а помощник пристава Чупринко — на 1,5 года. Причем, случившееся в Симферополе получило всероссийскую огласку благодаря газете «Речь», опубликовавшей репортаж о судебном процессе в мае 1907 г.

Сохранившиеся материалы судебного следствия позволяют нам утверждать, что причинами конфликта стали не только «революционная смута» в стране, политическое противостояние в крае, но и неправомерные действия административно-полицейских органов, которые спровоцировали нагнетание национальной и религиозной вражды на полуострове. Заметим, что убийства на улицах Симферополя совершалось на глазах губернатора и высших полицейских чинов, в распоряжении которых находились достаточные силы и средства для предупреждения кровавого столкновения.

События осени 1905 г. в Симферополе являются еще одним историческим уроком, который заключается в том, что участие силовых органов в условиях политической конфронтации на стороне одной из противоборствующих сил резко обостряет ситуацию и приводит к большему кровопролитию.

В затруднительном положении оказалась полицейская служба в осенние трагические дни в Феодосии. Вечером 18 октября социалистические партии провели в центре города антиправительственную демонстрацию, участники которой глумились над портретами государя. Кто-то в толпе произвел выстрелы вверх, и демонстранты разбежались, а по городу поползли слухи, что «завтра будут бить жидов за то, что они бунтуют». По свидетельству нескольких десятков обывателей, опрошенных полицейскими, рабочие в общей массе не одобряли экстремистских действий и лозунгов, а выстрелы считали провокационными.

На следующий день сотрудники полиции — береговой староста и старший стражник — сняли с работы 50 портовых грузчиков. Помощник пристава Муравьев и шесть стражников, пере-

одетых в гражданскую одежду, ознакомили этих портовых рабочих с планом погромных действий, выдали каждому из них по бутылке водки, дубины и револьверы. Эта вооруженная группа возглавила шествие граждан монархических взглядов, которое столкнулось на центральной площади с участниками революционной демонстрации. По утверждению дежурного 52-го Виленского полка капитана К. Д. Тренина, когда часть революционного митинга стала приближаться к «толпе патриотов», из рядов последней прозвучал призыв снять головные уборы перед портретами царя. Этому не подчинились люди с красными бантами. Несколько пьяных портовых грузчиков попытались силой сбить фуражки с революционеров. В этот момент грузчик Панченко ударил в грудь еврейского революционера-боевика, а помощник пристава Муравьев нанес смертельный удар револьвером в висок этому портовому рабочему. Началась перестрелка. Испугавшись развития кровавых событий, феодосийцы стали покидать площадь, а погромщики звали их вернуться бить евреев: «Братцы, возвращайтесь, нашего убили!». Малочисленные революционеры отступили и закрылись в здании городской управы. Тут же в сквере «ура-патриоты» получили заранее приготовленные палки и камни, бочки с керосином. В это же время монархисты выбили ворота тюрьмы, освободили и вооружили 60 арестантов (читай — уголовников. — В. К.), которые приняли самое активное участие в еврейском погроме. Через два часа после стычки на площадь прибыли отряд полиции и воинская команда, которые взяли под свою защиту 43 осажденных революционера. Здание городской управы было подожжено, а вырывавшиеся из пожара революционеры избивались до полусмерти или расстреливались. Тех, кто призывал остановить кровопролитие, защищал еврейских революционеров, монархисты также избивали. 19 октября на телеграмму губернатора «В Феодосии погром. Войск мало» начальник полицейского управления получил ответ: «Требуйте от войск подавления беспорядков решительными действиями, действуя оружием». Порядок был восстановлен лишь на следующий день. Городской полиции прибыло подкрепление: рота из

ля и воинская команда из Бердянска. Генерал-губернатор Феодосии опубликовал распоряжение, требовавшее от населения добровольно сдать оружие и выдать виновных. Полиция была разоружена. Жертвами этих событий стали 10 убитых и 40 раненых еврейских и соответственно 4 и 9 русских революционеров, а также случайных мешан. Последствия этнополитического конфликта в Феодосии были самыми кровавыми во всем Крыму. Причиной тому было не только политическое противостояние и всплеск антисемитизма, но и растерянность местных властей, не сумевших быстро сориентироваться в сложной, неординарной ситуации, отсутствие достаточных сил для обеспечения общественного порядка, участие части полиции на стороне одной из противоборствующих сил⁵⁰.

Напряженная ситуация наблюдалась и в других городах. 19 октября патриотический (около 1000 участников) и революционный митинги состоялись в Алушке. На следующий день здесь произошла стычка противоположных по взглядам и настроениям групп населения, в ходе которой монархисты разогнали ораторов-революционеров и красные флаги порвали. Пришлось задействовать воинские и полицейские формирования.

20 октября в Старый Крым была направлена рота солдат, так как там полиция была разоружена революционерами в полном составе⁵¹.

С трудом был блокирован начавшийся 21 октября погром в Карасубазаре. 22 октября столкновение ультрапатриотов с евреями-революционерами и защищавшей их полицией имело место в Джанкое.

Более разумные действия предприняла полиция Ялты, благодаря чему сумела удержать ситуацию под своим контролем. 18 октября ялтинские лево-радикалы собрали 3-х тысячный митинг в

⁵⁰ ЦГА АРК. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 439. — С. 11, 13, 18–19, 25–27, 32, 44–51 и др.; «Крымский вестник». — 1905. 25 и 27 октября; «Южный курьер». — 1905. 3 ноября.

⁵¹ Сб «Сев. восстание». — С. 121.

Мордвиновском парке, откуда началось шествие под красными знаменами и пением революционных песен по улицам города. Вскоре состоялся еще один многолюдный митинг, на котором эсеры и меньшевики призывали к общегородской забастовке, закрытию винных лавок, к шествию в царское имение «Ливадия». По этому поводу генерал-губернатор телеграфировал в Ялту: «В случае движения толпы в сторону Ливадии... действовать оружием без промедления». 19 октября работа на всех предприятиях и в мастерских была остановлена, торговые заведения закрылись. В городском саду под красными знаменами собрался революционный митинг (более 1000 участников). В это же время прошло шествие с национальными флагами и портретом государя по центральным улицам. Полиция не допустила столкновения между ними, предупредив обе стороны о применении оружия в случае нарушения общественного порядка и определив различные маршруты движения демонстраций. В эти часы местные власти информировали губернатора: «В Ялте ясно определился общественно-политический раскол, напряженное состояние масс». Главной причиной тому блюстители порядка и гражданского согласия считали «отсутствие политической терпимости у определившихся партий». Благодаря достаточному количеству отрядов полиции и войсковых команд, сумевших сориентироваться в сложной общественной обстановке, в городе кровавых столкновений не было. К тому же, как отмечал генерал-губернатор, «в деле умиротворения политических страстей ялтинская администрация проявила достаточную энергию и известный административный такт». Трехдневная забастовка с участием 1500 трудящихся Ялты прошла без эксцессов. Шествия и митинги противоборствующих сторон, благодаря предупредительным мерам органов власти, проходили в разных местах и одновременно, поэтому созданный социальными партиями отряд самообороны в 200 человек оказался незадействованным⁵².

⁵² ЦГА АРК. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 437. — Л. 145, 149–151, 169, 176, 182, 185, 193; «Крымский вестник». — 1905, 25 октября.

Однако, контроль местных властей за общественно-политической ситуацией не снимал нарастания этнополитической напряженности. 23 октября в Ялте митинги под красными и национальными флагами продолжались. Революционеры высказывали намерения освободить политзаключенных. 24 октября соцпартии созвали 7-тысячный митинг, который потребовал от властей пресечь действия черносотенцев, в противном случае революционно настроенные трудящиеся грозили захватить правительственные учреждения и разгромить полицейские участки. 1 ноября леворадикалы на очередном митинге требовали разоружения полиции⁵³.

Справедливости ради необходимо констатировать, что октябрьские события в Крыму получили искаженное освещение в советской литературе. Историки 20–50-х годов утверждали, что «погромы организовывались и проводились полицией», которая «усердно занималась патриотической обработкой деклассированной массы, скопившейся в огромной массе в городах Крыма». Для осуществления погромных действий, писал, к примеру, В. Советов «в Феодосии спаиваются темные портовые грузчики, в Симферополе и Ялте — строительные рабочие. Вся эта масса, вместе с приезжими треповскими молодцами (посланниками зам. министра внутренних дел Трепова. — В. К.)» чинила беспорядки и активно вступила в борьбу с революционным движением в крае. Многие факты исследователями просто-напросто «переворачивались с ног на голову». По П. Н. Надинскому, 18 октября в Симферополе «вооруженные полицией банды черносотенцев совершили нападение на митинг (революционный. — В. К.) и стали избивать безоружных людей. Подпольная боевая народная дружина пыталась отразить нападение черносотенцев, но на помощь бандитам пришла полиция и жандармерия», что в действительности не имело место. Однако автор не преминул упомянуть, что до кровопролития эта

⁵³ ЦГА АРК. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 437. — Л. 145, 149–151, 169, 176, 182, 185, 193; Д. 462. — Л. 2–5, 247, 256, 287, 304, 371–375; «Крымский вестник». — 1905, 23 октября.

дружи́на освободила силой политических заключенных из тюрьмы, пришла на базар, откуда произвела несколько выстрелов по идущей рядом мирной патриотической демонстрации, чем сама спровоцировала трагическое развитие событий. Г. Н. Губенко назвала трагедию в Феодосии «дикой расправой властей». П. Н. Надинский, описывая случившееся в эти дни, в этом городе, подытоживал: «Озверелые бандиты при помощи полиции окружили здание управы и подожгли его... В результате многие из участников собрания сторели заживо», чего на самом деле не произошло, благодаря сотрудникам полицейской службы. Подобные описания должны были привести читателя к однозначному выводу: «В «дни свободы» полиция и черная сотня залили улицы крымских городов кровью». События в стране после издания манифеста 17 октября вынуждали правительство принимать чрезвычайные меры. В 20-х числах октября товарищ министра внутренних дел Трепов телеграфировал в Симферополь губернатору: «Ввиду участвовавших случаев уличных беспорядков прошу принимать решительные меры подавления, не останавливаясь перед применением вооруженной силы». При этом в следующей телеграмме Трепов настаивал на использовании своевременных предупредительных мер, а не разрешать конфликты «одним лишь кровопролитием, которое бывает неизбежным, когда эти меры были не приняты». От органов внутренних дел требовалось обеспечить охрану государственных учреждений, движения поездов, личной и имущественной безопасности граждан. 1 ноября в соответствии с циркуляром МВД начальники городских и уездных управлений полиции Крыма получили приказ губернатора «не допускать процессий и манифестаций с красными и черными флагами, т. к. они служат поводом к столкновениям и беспорядкам», причем, органам правопорядка предписывалось принимать «все законные меры для их прекращения»⁵⁴.

⁵⁴ Опалов В. \ 905 год в Крыму. — Симферополь, 1931. — С. 16; Советов В. Социал-демократия в Крыму. — Симферополь, 1933. — С. 92; Губенко Г. Революционное движение в Таврической губернии в 1905-1907 гг. — Симферополь, 1955. — С. 71; Надинский П. Очерки по истории Крыма. — Симферополь, 1957. — Ч. 1. — С. 187-188.

Деятельность административно-полицейских органов нацеливалась на ликвидацию неправительственных вооруженных формирований, причем, процедура следствия по делам «подстрекателей, зачинщиков и революционных агитаторов» упрощалась. Органам правопорядка указывалось не обращать внимания на протесты политических и рабочих организаций, пользоваться «всеми законными способами для изъятия у населения оружия, тщательно цензуровать газеты и журналы».

Осенью 1905 г. на корабли и в прибрежные сухопутные части продолжала проникать революционная литература. 5 ноября помощник начальника Таврического ГЖУ в Севастопольском градоначальстве передал командующему флотом Чухнину 40 экземпляров прокламаций, обнаруженных во флотском экипаже и учебном отряде, в декабре — 63 экземпляров, изъятых в ходе обысков на ряде кораблей. Листовки РСДРП призывали: «Долой губернаторов, жандармов и полицию! Долой царя! Народные представители должны управлять всем государством!».

Меньше энергии отдавали органы внутренних дел работе на селе. Генерал-губернатор Волков информировал 10 ноября Министерство о том, что в крымских уездах «аграрных беспорядков нет и не было с весны... Были антиеврейские беспорядки в двух селах, быстро остановленные». Спустя неделю губернатор докладывал: «В селах пока спокойно, но аграрное движение сильное». В целом, в Крыму фактов перераспределения частновладельческих земель не отмечалось, а «погромная» агитация успеха у сельчан не имела. Хотя под «революционной маркой» иногда действовали преступные группы, для борьбы, с которыми у полиции не хватало сил. Местные власти не могли оперативно обеспечивать безопасность состоятельных граждан и их имущества. Поэтому землевладельцы для охраны своих владений прибегали к услугам донских казаков, ингушей, осетин. Известны подобные случаи в Перекопском, Днепровском и некоторых других уездах⁵⁵.

⁵⁵ ЦГА АРК. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 426. — Л. 421-423; Д. 499. — Л. 62.

Однако такая относительно спокойная обстановка наблюдалась не везде. В ноябре 1905 г. большую тревогу вызвал у политической и общей полиции Днепровский уезд, где численность блюстителей правопорядка была мизерной и не были расквартированы воинские подразделения. В течение пяти дней здесь «бушевала стихия»: разграблены и сожжены экономии и хутора на 3/ территории уезда. Прошла забастовка телеграфных служащих⁴, в связи с чем информация о происходившем поступала не оперативно. Убит земский начальник. Даже после наведения воинскими командами порядка напуганные землевладельцы просили губернскую администрацию не отменять военного положения. Лишь 16 января следующего года об этих событиях было сообщено правительству С. Ю. Витте, за что местные власти получили от него нарекание⁵⁶.

Пиком революционных событий в Крыму в ноябре 1905 г. стало так называемое советскими историками «очаковское восстание», которому была посвящена впоследствии обширная историческая литература. Политический аспект освещения этих трагических дней в новой интерпретации мы попытались дать в отдельной монографии⁵⁷. В ней нами показано, что сотрудники политической полиции сосредоточились на главной своей функции и своевременно информировали военное командование и городские власти о предстоящих революционных выступлениях. Они оперативно докладывали о составе и заседаниях комитетов революционных организаций (в частности, Центрального флотского комитета, т. н. Матросской централки) принимаемых ими решениях, о сходках революционно настроенных горожан и количестве участвующих в них военнослужащих, о готовящихся стачках и общегородской забастовке. На основе донесений жандармского ротмистра Васильева командующий флотом вице-адмирал Г. П. Чухнин телеграфировал императору Николаю II: «Ожидаю бунта. Нужны крайние

⁵⁶ Сев. восстание. — С. 161.

⁵⁷ Королев В. И. Бунт на коленях. — С. 36–43.

меры... Начались сходки тысячи по две матросов и солдат. Евреи агитируют за освобождение от суда матросов «Потемкина». Арестовать тысячи нельзя, на действие оружием против них рассчитывать нельзя, чувствую, что с арестами и при действии оружием восстанет весь флот». На это государь дал четкий и ясный ответ: «Они (мятежные матросы. — В. К.) нарушают долг присяги и позорят честь России. Если они не образумятся немедленно, то я с ними поступлю как с клятвопреступниками и изменниками». Как далее происходили события, общеизвестно.

Архивные и опубликованные источники свидетельствуют, что в ноябре 1905 г., когда события развивались с невероятной быстротой, жандармов и сотрудников охранных отделений Севастополя охватила паника. Сведения жандармского ротмистра Н. А. Васильева были эмоциональны и проникнуты паническим настроением: «Казалось, власть не устоит» (13 ноября) или «Крейсер «Очаков» вышел из повиновения... Мои агенты из страха отказались работать» (14 ноября). Расписываясь в бессилии, ротмистр докладывал: «Я ниоткуда не мог получить точных сведений о намерениях матросов, ибо ни мятежники, ни морское начальство никого не пускали, первые из казарм, а вторые с эскадры». Подчеркнем, что среди закрывшихся в казармах матросов всю «орудовали» партийные агитаторы, среди которых особенно выделялись переодетые в военную форму и известные политическому сыску «ораторши» под партийными кличками «Наташа» и «Надя» (социал-демократы И. Спиридович и Н. Вольская)⁵⁸. Поэтому блюстители правопорядка не смогли предпринять никаких действий к их задержанию.

Атмосфера в городе 10–16 ноября была настолько накалена, что полицейским чинам невозможно было появляться на улицах в форменной одежде. Кстати, и командование флота находилось первое время в некоторой растерянности. Жандармский ротмистр Н. А. Васильев так охарактеризовал в докладе Департаменту полиции политическую ситуацию в Севастополе: «Возбуждение

⁵⁸ Сев. восстание. — С. 174.

в городе дошло до апогея... Порт забастовал, и мои агенты (секретные сотрудники. — В. К.) отказались от совместной работы со мной: один уехал, одного я принужден был спрятать на хуторе, третий вовсе не явился... Весь день поступали сведения одно другого тревожнее... Симпатии черни и публики на стороне матросов. Полицию, жандармов, офицеров открыто бранили на улицах. Почти на каждом перекрестке агитаторы собирали кучки народа и усиленно агитировали в пользу матросов (поддержать бунт «очаковцев». — В. К.), приглашая к низвержению начальства». В этот день военные патрули задерживали не желавших участвовать в мятеже матросов и отправляли в штаб бунта — казармы флотской дивизии. Леворадикалы-партийцы подняли красные флаги на «Очакове» и «Пантелеймоне» (новое название «Потемкина») и провели 5-тысячную демонстрацию по центральным улицам города». Понятно, что в таких бурлящих событиях над сотрудниками как общей, так и политической полиции нависла угроза физической расправы⁵⁹.

Городские власти, жандармы и полицейские «стали приходить в себя» только в ночь с 13 на 14 ноября, когда поступила информация о подходе к городу вызванных из Одессы Кишинева, Бура-теринослава, Симферополя и Ялты воинских подразделений⁶⁰.

В эти дни и правительство находилось в замешательстве, боясь активно использовать военную силу для подавления бунта. Премьер-министр С. Ю. Витте был также нерешителен и телеграфировал в Севастополь: «Революционная гангрена совершенно проела морское ведомство. Вместо того, чтобы служить опорой престола в революционное время, моряки ныне представляют соблазн всему населению. Может быть, следовало наиболее неблагонадежные элементы моряков перевести в отдаленные окраины в войска»⁶¹.

⁵⁹ Крымский вестник. — 1905, 15 ноября.

⁶⁰ Найда С. Ф. Революционное движение в царском флоте. 1948. — С. 207, 226.

⁶¹ Сев. восстание. — С. 131.

В самое критическое время, когда местные власти с большим трудом контролировали ситуацию, некоторые сотрудники политической полиции, проявляя мужество, предпринимали решительные действия. Так, жандармский ротмистр Гангардт вместе с и. о. полицмейстера, не побоявшись (в отличие от трусости Бельского 18 октября) возбужденного скопления 5 тысяч матросов и солдат, выступил с «успокоительной» речью и убедил их разойтись.

Когда началась бомбардировка крейсера «Очаков», Васильеву ничего не оставалось, как занять позицию стороннего наблюдателя: «С первыми выстрелами, дабы уследить за настроениями публики, я вышел на набережную поближе к перестреливавшейся эскадре и наблюдал картину боя»⁶².

Подавив бунт, военно-морское командование арестовало более 1615 участников. Предстояла большая работа по расследованию случившегося, для чего уже в день бомбардировки 16 ноября командующий флотом назначил следственную комиссию из 23 офицеров под председательством начальника инженеров крепости Г. М. Колосова. Дважды начальник крепостной жандармской команды отказывался от предложения войти в нее в качестве члена, считая, что он больше принесет пользы. «будучи в стороне от комиссии, негласно помогая ей». Одновременно он не жалел слов для критики медленной работы этого следственного органа, т. к. в нее входили офицеры, не знакомые с техникой следственного производства.

Нужно было оперативно по горячим следам опросить большое количество арестованных, которые, кстати, содержались вместе и быстро «успокаивались и сговаривались». Н. А. Васильев поставил себе в заслугу то, что у 24 матросов, заключенных на главной гауптвахте, вырвал «сознание и указания на агитаторов». Правда, из-за отсутствия в комиссии военных следователей и жандармских офицеров следствие было проведено поверхностно⁶³. Это не касалось Кучкизачинщиков и руководителей «революционного мероприятия», В. т. ч. и самого П. П. Шмидта, который незадолго до казни адресовал

⁶² Там же. — С. 175.

⁶³ Там же.

сотрудникам политической полиции лестные слова: «Жандармский ротмистр Полянский отнесся к нам (к нему и сыну. — *В. К.*) законно и внимательно. Вообще за весь период моего ареста самое лучшее к себе отношение я видел со стороны жандармов»⁶⁴.

Тот же жандармский ротмистр Васильев дал верное объяснение популярности отставного лейтенанта П. П. Шмидта тем, что в городе и во флоте стали завоевывать успех социалисты-революционеры, отказавшиеся от радикальных методов борьбы, и тем, что в октябре Петр Петрович был «единственным офицером, выступавшим на митингах в качестве оратора». Разумеется, сотрудники городской политической полиции тщательно отслеживали каждый шаг «красного лейтенанта». 21 октября он был арестован, но под натиском требований революционных масс освобожден. Следующий и последний аресты последовали 15 ноября, после подавления мятежа.

Трагические события в Севастополе вызвали всплеск политической активности населения Крыма и Северной Таврии, однако, по нашему мнению, по сравнению с другими регионами страны «все же она была невысокой»⁶⁵. Мы подкрепим этот вывод собранными статистическими данными: в октябре-декабре в Таврической губернии состоялось 16 демонстраций с участием более 46 тысяч человек. 82 митинга, на которых присутствовало не менее 45 тысяч жителей края. Отголосками мятежа черноморцев стали 18 декабря бунт солдат 52-го Виленского пехотного полка в Феодосии 18 декабря, общегородская забастовка в Ялте 20 декабря, волнения безземельных крестьян в Днепровском, Мелитопольском и Перекопском уездах. Все они были подавлены воинскими командами, прибывшими из Симферополя, Севастополя, Екатеринослава, Одессы и даже казачьими отрядами с Дона. В ходе крестьянских волнений в ряде мест образовывались преступные группы численностью до 100 человек, которые расправлялись с зажиточными землевладельцами, грабили хлеб, угоняли скот, похищали сельскохозяйственный инвентарь. При этом полицейских, пытавшихся воспрепятствовать гра-

⁶⁴ Там же. — С. 192.

⁶⁵ Королев В. И. Бунт на коленях. — С. 42.

бежам. изгоняли или избивали. Отметим, что аграрные волнения вспыхивали стихийно и не носили политического характера. Это подтверждалось официальными телеграммами губернского жандармского управления: «Между грабителями нет никаких агитаторов».

В то же время в городах почти повсеместно нарушалось императорское повеление от 12 октября 1905 г. о санкционировании митингов, собраний и шествий. Газета «Крымский вестник» фиксировала 22 декабря: «Потребность в свободном слове настолько выросла, что в Симферополе митинги устраиваются два раза в день. При этом на устройство народных собраний не испрашивается никакого разрешения. В Феодосии такие же митинги проходят на площади без разрешения местных властей».

Газета «Крым», комментируя события второй половины декабря, подчеркивала, что в Феодосии массовые митинги проходили без нарушений общественного порядка прежде всего по причине «полного отсутствия на них полиции». Только один раз, сообщает газета, на митинг явился городской и привел с собою секретного сотрудника. Однако без стычек с полицией не обошлось. Газета приводит такие факты: «В винный погреб Христофорова рабочие пришли пригласить товарищей присоединиться к забастовке. Квотирующее в этом доме жандармское управление вызвало эскадронцев, которые сильно избили забастовщиков и посторонних людей. Аналогичные столкновения произошли и в некоторых других местах».

Крымские административно-полицейские органы были вынуждены принимать решительные меры, опираясь на войсковые формирования. В ряде городов, в частности в Симферополе, Феодосии. Ялте было введено военное положение. Только радикальными средствами (к счастью, без человеческих жертв и кровопролития) органы правопорядка ликвидировали политическое противостояние, и призывы экстремистов к оружию постепенно прекратились. В конце декабря местные власти, получив от МВД соответствующие циркуляры, приступили к ликвидации леворадикальных организаций и групп. 21-22 декабря в крымских городах были произведены аресты активистов политических партий. В полную меру эта работа была развернута в 1906 г.

ГЛАВА III

Роль политической полиции в сохранении и укреплении политической стабильности (1906-1917)

1. Политическая полиция на спадереволюции

С начала 1906 года в Крыму начался откат революционной волны. Административно-полицейские органы нанесли очередной массированный удар по леворадикальным организациям и группам. Сведений о них в органах политической полиции накопилось предостаточно. Совместно с сотрудниками общей полиции были произведены многочисленные аресты состоящих на учете в жандармерии наиболее активных партийцев. К примеру, в ночь на 28 декабря 1905 г. в Севастополе задержаны и отправлены в тюрьму 22 из 40 известных полиции членов РСДРП и ПСР. В это же время были арестованы и привлечены к суду меньшевистские лидеры Джанкоя за организацию демонстрации и забастовки железнодорожников в честь годовщины декабристского восстания. Эта работа энергично проводилась во всех городах и уездах в течение 1906 — первой половине 1907 г. Например, 1 февраля 1906 г. сотрудники мелитопольской полиции задержали в полном составе группу анархистов-экспроприаторов, а 26 января следующего года — организации

РСДРП, Бунда и Поалей-Цион. Таким же образом ликвидирована евпаторийская организация меньшевиков (ее руководитель А. Зарубов приговорен к одному году, его заместитель Г. Гройдзик — к 8 месяцам тюрьмы)¹.

Такие решительные меры нередко встречали сопротивление революционно настроенного населения. После ареста 31 декабря 1906 лидера каховских социал-демократов Абрама Халецкого его соратники привели к полицейскому участку 150 сочувствующих им горожан с требованием освобождения задержанного, что привело к вооруженной стычке с блюстителями правопорядка.

Поспешность проводимых в этом направлении мероприятий иногда приводила к издержкам. В январе 1906 г. в ряде сел Днепропетровского уезда были произведены аресты 14 политических неблагонадежных жителей, но по распоряжению судебных органов все они были освобождены за недостаточностью улик. Поэтому начальник Таврического ГЖУ Н. В. Нестеров 28 марта потребовал от своих подчиненных, чтобы аресты осуществлялись с достаточным основанием и «лишь в тех случаях, когда оставление на свободе граждан может угрожать общественному порядку и спокойствию»². За действиями строго в рамках закона местной политической полиции внимательно следили органы прокуратуры. Так, в апреле 1906 г. губернский прокурор опротестовал решение жандармского управления об установлении особого полицейского надзора над севастопольцами С. Рогозиным и В. Гриневичем по причине отсутствия достаточных доказательств их принадлежности к РСДРП. Следствие не смогло доказать, что обнаруженные у них революционные издания хранились с целью распространения³.

¹ Центральный исторический архив Украины. — Ф. 419. — Оп. 1. — Д. 4415. — Л. 1; ЦГА АРК). — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 431. — Л. 170, 193, 247; Д. 437. — Л. 237; Ф. 150. — Оп. 1. — Д. 22. — Л. 101 и др.; Подробнее о Действиях в это время органов «политической безопасности» см.: Королев В. И. Бунт на коленях. — С. 45-47.

² ГААРК. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 499. — Л. 77, 128; Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 135.

³ ЦГИА Украины. — Ф. 419. — Оп. 1. — Д. 4350. — Л. 5.

Заклячая под стражу неблагонадежных в политическом отношении граждан, полицейские органы на местах зачастую нарушали ст. ст. 21 и 29 Положения о государственной охране и несвоевременно предоставляли ходатайства о продлении срока заключения арестованных, на что строго указывал полицейным подразделениям начальник губернской жандармерии⁴.

Чтобы эффективно выполнять свои функции по ликвидации антигосударственных формирований необходимо было иметь действенную агентурную сеть. Этого постоянно требовало от местных органов политической полиции руководство МВД, контролируя их работу в этом направлении. Департамент полиции неоднократно запрашивал с мест сведения о состоянии агентуры. Так, в феврале 1907 г. он обратился к начальнику Таврического губернского управления полковнику Н. А. Нестерову с вопросом: «Какие меры приняты Вами для организации агентуры и наружного наблюдения в г. Симферополе, в крупных центрах, не входящих в район Севастопольского розыскного пункта, и в уездах, сколько и в каких организациях (революционных. — В. К.) имеется какое количество внедренных сотрудников, какое вознаграждение (жалованье. — В. К.) они получают и под чьим непосредственным руководством». В донесении местный начальник жандармского ведомства жалуется на то, что работает один, без помощников и адъютанта, загружен исполнением бумаг (до 9 тысяч документов в год) и в связи с нехваткой времени не мог принимать каких-либо серьезных мер к организации у себя агентуры и наружного наблюдения. При этом полковник Нестеров уточнял: «Признавая безусловную необходимость иметь лиц, связанных с крамольными партиями и могущих сообщить мне об их преступных замыслах и планах, я принимал и принимаю к себе на службу тех, кто действительно давал и дает интересные мне сведения». Как видим, секретные сотрудники нанимались периодически, а их работа была налажена, как подчеркивается в донесении, на раскрытие прежде

⁴ ГААРК. — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 197.

всего организаций социал-демократов и анархистов. Причем, они являлись одновременно и агентами, и филерами. Благодаря их усердию были изъяты несколько типографских машин с набором, арестованы 4 анархиста, у которых были обнаружены три бомбы, а также в Севастополе были задержаны 7 революционеров, выслежен участник флотского мятежа Москаленко, получены полные сведения о членах Генической с.-д-организации, изъята одна типография.

Далее Нестеров указывал на особенность работы органов политического сыска в Симферополе, который со всех сторон был окружен местностями, объявленными на военном положении, а потому в него, по его словам, «как в котловину, скатывались высланные и бежавшие из этих местностей все политические деятели». Из окраинных городов Крыма в это время прибывали на месяц-два (дабы не быть рассекреченными) несколько агентов. Эта их работа оплачивалась по 30-50 рублей, плюс агентурные расходы. Поскольку финансирование таких сотрудников не было предусмотрено, то Нестеров остался вовсе без агентов. На непосредственное руководство филерами начальнику ГЖУ времени, как указывалось выше, не было.

В Керчи, Мелитополе и Бердянске агентурное наблюдение велось помощниками, а в Днепровском уезде почти не велось. В последнем свою деятельность распространяли не симферопольские, а херсонские революционеры, регулярно поставляя туда литературу и агитаторов. В связи с удаленностью Каховки от губернского центра (300 верст), нахождением уезда в поле деятельности Херсонского окружного суда и для улучшения агентурной работы полковник Нестеров просил передать уезд в ведение Херсонского жандармского управления⁵.

Из Департамента полиции постоянно на места поступали оперативные сведения о предполагаемых революционных действиях. В марте 1907 г. он информировал подчиненные органы о пресечении агитации создаваемых повсеместно в европейской части

⁵ ГААРК. — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 498. — Л. 54-56.

России комитетов для поддержки оппозиционных членов Государственной Думы (трудовиков) и требовал усиления наружного наблюдения. По сообщению Таврического ГЖУ в Крыму и Северной Таврии таковых обнаружено не было. В мае из Департамента поступил секретный циркуляр о готовящемся покушении на одного их губернаторов, который по воскресеньям без охраны ездил в собственное имение и посещал местную церковь. Полковник Нестеров информацию принял к сведению, уточнив при этом, что таврический губернатор имения в Крыму не имел⁶.

Параллельно с антиреволюционными мерами проводилась работа по пресечению вспышек антисемитизма, всплески которого в Крыму и Северной Таврии не раз фиксировала политическая полиция. Получив специальный циркуляр по этому поводу, органы стали арестовывать граждан, возбуждавших население против евреев и распространявших антисемитскую литературу, и определять наказание — тюремное заключение сроком на 3 месяца или штраф до 3 тысяч рублей. Иногда властям удавалось предупредить беспорядки обычным увещанием. Так, в марте 1907 г. в Симферополе, Феодосии, Геническе, Днепровском уезде и др. населенных пунктах циркулировали упорные слухи о якобы готовящихся еврейских погромах. Это встревожило местные власти, и исполняющий обязанности губернатора Новицкий издал специальное обращение, в котором взывал к гражданской совести и разуму, осуждал проповедников антисемитизма. В Евпатории многие жители проявляли недовольство революционными действиями евреев, а полиции с трудом приходилось сдерживать горожан от столкновений и конфликтов. Полицейстер докладывал губернатору: «Евреи на мою просьбу унять свою молодежь в революционных порывах оставляли без внимания, а еврейская молодежь с каждым днем все более и более делалась дерзкою до нахальства», но все же решительным требованиям полиции подчинялась⁷. Забегая вперед скажем, что

⁶ ЦГА АРК. — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 498. — Л. 59, 63, 166.

⁷ Там же. — Ф. 150. — Оп. 1. — Д. 22. — Л. 97.

начале 1908 г. Таврическое ГЖУ и охранные отделения получили циркуляр Департамента полиции, который требовал: «Никаких организаций сионистов!». Но к этому времени на территории губернии этих еврейских организаций уже не было⁸.

В 1906 — начале 1907 г. политической и общей полицией решалась одна из важных задач — предупреждение и недопущение нарушений общественного порядка и гражданского спокойствия. Несмотря на то, что настойчиво осуществлялась ликвидация противоправительственных формирований, пресекалась по мере возможности их революционная пропаганда, политизированное население еще легко поддавалось призывам уцелевших от репрессий леворадикалов и участвовало в политических акциях. Особая роль в выполнении этой задачи отводилась жандармским офицерам, которым предписывалось выступать в качестве инструкторов и проводить специальные занятия с нижними чинами общей полиции по приобретению навыков разгона массовых выступлений. Кстати, для этих целей к середине января 1906 г. полиция была достаточно довооружена. В свою очередь, специальным циркуляром Департамента полиции МВД полицейские управления на местах обязывались «подключать в дело борьбы с беспорядками жандармские управления, которые могут руководить подобными операциями»⁹.

Именно в этот период политическая и общая полиция набирались опыта совместных действий и разумного использования воинских подразделений, умения предупреждать столкновения противоборствующих политических сил. 1 января 1906 г. в Ялте полиция рассеяла шествие с красными и черными знаменами, 8 января — сорвала социал-демократический митинг и арестовала организаторов. 9 января леворадикалам все же удалось организовать панихиду по жертвам Кровавого воскресенья.

Весной вновь понадобились крайние меры для пресечения политических выступлений. Собравшиеся за городом для пер-

⁸ Там же. — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 231. — Л. 13.

⁹ ГААРК. — Ф. 27. — Оп. 3. — Д. 824. — Л. 91, 139.

вомайских шествий евпаторийцы (500 человек), ялтинцы (в разное время дня два скопления горожан), алуштинцы (100) и др. были рассеяны полицией. Заметим, что в Ялте 300 демонстрантов после разгона шествия сели в лодки, ушли в море и там под красными знаменами пели революционные песни, оставшись недосягаемыми для блюстителей правопорядка. На следующий день, вдохновленные этой «победой», сторонники социал-демократов вновь предприняли попытку провести массовую политическую акцию, но с прибытием из Севастополя двух воинских команд утихомирились. Подчеркнем, что местные власти применяли военную силу с учетом сложившейся обстановки. 22 мая в Евпатории представитель ГЖУ и уездный исправник не решились отдать распоряжение о применении оружия против 5-тысячной демонстрации, проходившей под лозунгом «Бей полицию!». Ситуация была не в пользу охранителей порядка. В их подчинении находилась всего одна рота, обеспечивавшая охрану государственных учреждений. Но когда на следующей неделе под влиянием с.-д. агитации рабочие-молодчики в течение трех дней действовали экстремистски (разгром тюрьмы, контор ряда предприятий и окрестных с городом сельскохозяйственных имений и т. п.), в Евпаторию были направлены дополнительно отряды Крымского дивизиона. Прибывший туда начальник Таврического ГЖУ в сопровождении прокурора и чиновника по особым поручениям сумели «умиротворить революционное брожение». С помощью сотрудников политической полиции 11 организаторов беспорядков (у некоторых изъяты револьверы) были задержаны. В конце мая — начале июня так же действовала полиция в Керчи, где социал-демократы собирали многолюдные собрания и шествия¹⁰.

Иногда, особенно в отдаленных уголках губернии, в борьбе с революционной активностью крымчан полицейские органы были

¹⁰ Там же. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 493. — Л. 194; Д. 503. — Л. 79; Д. 507. — Л. 41, 86, 101–105, 126–137; Д. 513. — Л. 3–4; Ф. 150. — Оп. 1. — Д. 22. — Л. 106; Революционное движение в Крыму (1880–1907). — Сборник документов и материалов. — Симферополь, 1940. — С. 127–131.

бессильны. К примеру. 25 июля 1906 г. феодосийский жандарм-вахмистр М. Савченко проинформировал полицмейстера кий Попова, что в 3–4 верстах от города меньшевики собрали митинг рабочих и ремесленников, некоторые из которых были вооружены, и получил ответ: «Я не имею возможности пресечь нарушение из-за малочисленности полицейской команды»¹¹.

В крайне редких случаях полиция оказывалась ненадежной в борьбе с революционизированием сограждан. В начале июня в м. Большой Токмак еврейские рабочие социалистических убеждений стали регулярно проводить митинги с участием от 200 до 800 человек, в т. ч. крестьян близлежащих сел Бердянского и Мелитопольского уездов. Эти собрания, в частности, требовали роспуска армии, жандармского корпуса, полиции и карательных отрядов, отмены смертной казни и т. п. Прибывшая полицейская команда отказалась выполнить приказ о рассеивании скопления, а вскоре из 19 полицейских 13 подали рапорты об увольнении¹².

События общероссийской политической жизни имели отголоски и на Юге Украины, что требовало неослабного внимания полицейских органов к политическим настроениям жителей края. За созывом и работой 1 Государственной Думы последовал подъем политической активности, особенно по распространению революционных прокламаций с критикой государственного строя и политики властей. Вновь усилились поиски подпольных типографий и исполнителей революционной печатной продукции. Сотрудники политической полиции по возможности самолично присутствовали на всех легальных собраниях, особенно политического характера. Так, 6 июня 1906 г. в Феодосии было закрыто собрание 800 рабочих, на котором председатель городской организации конституционно-демократической партии С. С. Крым прочел доклад о деятельности Госдумы, а затем в прениях жандармский офицер усмотрел критику этого представительного

¹¹ Революционное движение в Крыму (1880–1907). — Сборник документов и материалов. — Симферополь, 1940. — С. 134.

¹² ГААРК. — Ф. 270. — Оп. 9. — Д. 514. — Л. 16–19.

органа. Как известно, меньшевики и социалисты-революционеры допустили тактическую ошибку и первоначально бойкотировали Думу, а затем, *одумавшись*, развернули активную пропаганду на случай ее роспуска. С этой целью в губернию зачастили партийные функционеры. В марте в Мелитополь из столицы прибыли уполномоченные ЦК РСДРП И. Рафаловский и Н. Абрамов. Последний составил следующий план действий местных меньшевиков, если Дума будет распущена: 1) объявление общегородской забастовки; 2) убийство жандармского ротмистра, полицмейстера и офицеров, охраняющих вокзал; 3) вооруженное восстание. По имевшимся агентурным сведениям полиция предприняла оперативные действия и арестовала «заезжих товарищей», поэтому задуманное ими не осуществилось.

Все же роспуск Государственной Думы серьезно повлиял на политическую ситуацию в южном регионе. Митинги в защиту Думы прошли в Севастополе, Симферополе, Евпатории, Феодосии, Бердянске, с. Збруевка Днепровского уезда, селах Успенка и Веселое Мелитопольского уезда и в нескольких других местах. Полиции опять-таки пришлось прибегнуть к помощи армейских формирований. Обстановка в Керчи настолько накалилась, что власти были вынуждены перевести градоначальство на военное положение¹³.

Пользуясь этой чрезвычайной мерой, губернские административно-полицейские власти проводили «зачистку» вверенных местностей от революционных элементов. Например, за время объявления в Феодосии военного положения (декабрь 1905 — январь 1907 гг.) за пределы губернии были высланы 83 человека, из них 21 — за распространение и хранение революционных изданий и за подстрекательство рабочих к политическим забастовкам. по 10 — за политическую неблагонадежность и за оскорбление жандармских и полицейских чинов. 3 — за хранение огнестрельного оружия, 1 — за принадлежность к боевой революционной дружине. Кроме того, в местной городской

¹³ ГААРК. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 503. — Л. 262; Д. 577. — Л. 240–241.

находились 17 политических заключенных, осужденных по ст. 126 Уголовного уложения¹⁴.

С изменением политической ситуации в стране, а также вследствие репрессивных и предупредительных мер политической и общей полиции, революционная активность жителей Таврической губернии стала спадать. В 1906 — первой половине 1907 г. число революционных массовых шествий и количество участвовавших по сравнению с 1905 г. уменьшилось соответственно в 3 и 9 раз. Правда, показатели участия граждан в мероприятиях консервативно-монархической направленности оставались на прежнем уровне. В 1907 г. как революционные, так и проправительственные акции стали редкостью. Наиболее крупным и, пожалуй, единственным политическим выступлением 1907 г. была 5-тысячная демонстрация, проведенная 9 мая Мелитопольским «Союзом русского народа». Полиция и воинские команды обеспечили тогда полный общественный порядок и были готовы ответить на любые провокационные действия революционеров-подпольщиков¹⁵.

Ослабели усилия политической полиции в деле наблюдения и свертывания забастовочного движения, которое получило в рассматриваемый период четкую тенденцию снижения: по сравнению с 1905 г. число стачек по нашим подсчетам уменьшилось, со 118 до 18. Во многом этому способствовали и оперативные действия сотрудников политической и общей полиции, благодаря которым революционеры не смогли организовать стачку 9 января 1906 г. в м. Армянский Базар, в январе того же года — в Никитском ботаническом саду, когда все 22 зачинщика были арестованы и отправлены в Феодосийскую тюрьму и др. В имениях Ай-Даниль и Массандра в феврале 1906 г. были задержаны 12 рабочих — депутатов, предъявивших экономические требования управляющим. На это к полицейскому участку пришли более

¹⁴ Там же. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 503. — Л. 168, 173; Ф. 150. — Оп. 1. — Д. 25. — Л. 71–72; «Южный голос», 1906. — 4 и 11 июля.
¹⁵ ГААРК. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 579. — Л. 26–28, 557.

200 защитников арестованных, что вызвало столкновение с полицией. Вызванной воинской команды (170 солдат) оказалось недостаточно, и в губернский центр полетела телеграмма о дополнительной помощи. Порядок с трудом был восстановлен, а в арестный дом были отправлены 30 активистов¹⁶.

Как в этом, так и в некоторых других случаях, если предупредить забастовки не удавалось, приходилось использовать военную силу. 9 января 1906 г. в Керчи для усмирения бастующих рабочих механических заводов Бухштаба и Золотарева, табачной фабрики Месакуди полицией была задействована воинская полурота, а 1 мая в Феодосии солдаты помогали полицейским пресечь попытку стачечников заставить рабочих других предприятий покинуть рабочие места. Летом-осенью совместные силы полиции и армии привлекались для ликвидации забастовок, организованных есерами в Симферопольском и Феодосийском уездах, а в с. Лепетиха Мелитопольского уезда даже имелись жертвы со стороны полиции — был убит стражник Бабич¹⁷.

Пресекая деятельность левых и центристских политических формирований, с осени 1906 г. жандармерия и охранные отделения края все более сосредотачивали внимание на работе рабочих и общественных организаций, которые нередко попадали под влияние революционных организаций. Политическая полиция стала негласно накапливать сведения об их деятельности и активистах, зачастую пользуясь непроверенными данными случайных осведомителей. За это не раз сотрудники полиции получали замечания от вышестоящего начальства, которое обязывало «относиться с надлежащей осмотрительностью к характеру и степени достоверности получаемых сведений», дабы не ставить «правительственную власть в неудобное положение», т. е. не портить уважительного отношения к ней со стороны граждан. Поэтому в секретных циркулярах Департамента полиции снова звучали требования о

¹⁶ ГААРК. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 577. — Л. 368; Ф. 150. — Оп. 1. — Д. 21. — Л. 60, 76; Д. 22. — Л. 11, 16.

¹⁷ Там же. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 438. — Л. 142–143; Ф. 150. — Оп. 1. — Д. 22. — Л. 31, 73; Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 198. — Л. 4.

действиях политического сыска строго в соответствии с действующим законодательством. Приведем наглядный пример. Евпаторийская полиция, сделав вывод о том, что «организация обществ союзов нужна (революционерам. — В. К.) на случай общего востания», просила вышестоящее начальство о закрытии местного союза строителей, т. к. он, по их данным, находится под влиянием евреев-революционеров. На этом ходатайстве глава губернской администрации поставил резолюцию: «Общество может быть закрыто только в определенном законом от 4 марта 1906 г. порядке»¹⁸.

Административно-полицейская власть и в следующем году требовала неукоснительного и скрупулезного выполнения этого закона, особенно в отношении легально работающих профессиональных организаций. Указывая на то, что на местах профсоюзы все теснее контактировали с революционерами, Департамент полиции приказал установить неослабное наблюдение за издаваемой ими легальной и нелегальной литературой, «в случае достаточности к сему оснований» возбуждать дела по ст. ст. 102, 125, 126 Уголовного уложения против лиц, ведущих в рабочих сообществах революционной агитацию и пропаганду, а профсоюзы закрывать¹⁹.

Такую же работу полицейские органы проводили и на селе. В июне 1906 г. в Джанкое началось следствие по делу о крестьянском союзе Перекопского уезда. Были арестованы несколько революционных агитаторов, которые виновными себя не признали, ссылаясь на то, что после Манифеста 17 октября 1905 г. крестьянский союз «не может быть преступным». Однако причастность к социалистической агитации этой профессиональной организации была доказана¹⁹.

Наблюдая за политической ситуацией в крае, органы политической полиции Крыма и Северной Таврии информировали

¹⁸ ГААРК. — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 159. — Л. 18: Революционное движение в Крыму (1880–1907). — Сборник документов и материалов. — Симферополь, 1940. — С. 124–125.

¹⁹ Там же. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 601. — Л. 58; Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 1, 189.

Департамент полиции о том, что в начале 1906 г. революционные организации с усилением репрессивных мер лишь непродолжительное время впали в «угнетенное состояние», но к весне того же года, переходя к условиям нелегальной работы и вспоминая опыт предреволюционных лет, вновь оживились. Этому свидетельствовало новое заполнение края прокламациями с леворадикальными лозунгами и призывами к экстремистским действиям, от которых, как становилось ясно из листовок, революционные организации не отказывались. Как и в предреволюционные месяцы закипела работа административно-полицейских органов по изъятию подобной литературы. Особое внимание отводилось поиску мест издания и каналов поступления в губернию прокламаций, как правило, заканчивавшихся призывами: «Организуйте боевые дружины!», «Вооружайтесь!», «Разъясните всем необходимость всенародного вооруженного восстания!» и т. п.²⁰

Крымские полицейские органы проделали большую работу по обнаружению и изъятию подпольных типографий, в результате которой абсолютное большинство революционных организаций лишилось множительной техники. Эта работа проводилась параллельно с ликвидацией самих оппозиционных партий. 24 августа 1906 г. в Ореанде после получения агентурных сведений был обнаружен в тайнике на г. Ай-Даниль типографский станок. А вскоре была арестована пришедшая за ним группа анархистов-коммунистов. Кстати, по тем же данным, где-то здесь же были спрятаны и бомбы (найлены только через год). Успешность действий полиции подтверждается и тем, что с начала 1906 г. все более учащаются случаи вооруженных нападений революционеров на городские типографии с целью печатания своих листовок. Зимой дважды ялтинские эсеры совершали налеты на типографию местной управы (при этом был убит один полицейский), весной — севастопольские большевики напечатали свою газету в типографии кадетской газеты

²⁰ Там же.

«Севастопольский курьер». таким же способом генические революционеры издали листовки на украинском языке, симферопольские меньшевики размножили газету «Солдат» в губернской земской типографии, летом в Бахчисарае в типографии газеты «Терджиман» была размножена листовка на татарском языке, а в Евпатории по заданию Крымского союза РСДРП — «Манифест ко всему российскому крестьянству»²¹.

Борьба с нелегальным тиражированием революционной литературы для органов политической полиции было делом нелегким, так как леворадикальные организации накопили определенный опыт подпольной работы. В деятельности севастопольских жандармов были удачи и просчеты. Так, социал-демократическая газета «Солдат» выходила, правда, с перебоями с 1906 до конца 1907 г. Как писали революционеры, газета «раздражала охранку своей неуловимостью, а выход газеты в городе-крепости был неслыханной дерзостью». 27 августа 1906 г. сотрудникам политической полиции удалось обнаружить типографию севастопольских социал-демократов и изъять ее. Но ликовать пришлось недолго. В ответ на это городской комитет РСДРП выделил из своих рядов боевиков, которые, с оружием в руках, отпечатали в типографии «Севастопольский курьер» 5 тысяч экземпляров революционной газеты. Кстати, это полиграфическое предприятие находилось в двух шагах от полицейского участка. После случившегося была установлена полицейская охрана типографии. Но из этого положения социал-демократы нашли выход: опять-таки, применив оружие, они размножили очередной номер «Солдата» в Симферополе²².

Распространение революционной пропаганды и агитации в войсках постоянно тревожило государство. 15 сентября 1906 г. министр внутренних дел П. А. Столыпин направил в Севасто-

²¹ Там же. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 495. — Л. 442; Д. 507 — Л. 88, 151; Ф. 150 — Оп. 1. — Д. 23. — Л. 19, 24; Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 394; «Южный голос». — 1906. — № 20. — 27 июля.

²² *Найда С. Ф.* Революционное движение в царском флоте. — М., Л., 1948. — С. 262.

поль специальный циркуляр, в котором требовал перекрыть все каналы революционной пропаганды. В нем, в частности, обращалось внимание на формы и методы работы политической полиции в борьбе с этим явлением: «Относительно подпольных агитаторов замечено, что они нередко проникают в казармы, устраивают свидания с солдатами почти у самых мест расположения войск, посылают массами письма с революционными изданиями в казармы и т. п. Несомненно, полиции и жандармским чинам весьма затруднительно следить за событиями во внутренней жизни войск, а поэтому успех пропаганды в этой области не может быть поставлен всецело им в вину (очевидно, власти осознавали сложность работы в этом направлении. — В. К.). Но в то же время необходимо принимать все меры к учреждению в войсковых частях внутренней агентуры, если ее не может установить военное начальство, и затем, при помощи наружного наблюдения за агитаторами, задерживать их неукоснительно при свиданиях с нижними чинами»²³. Началась кропотливая работа по исполнению этого приказа, в котором, заметим, жандармам предлагалось действовать самостоятельно, если командиры воинских частей ничего не предпринимают в деле пресечения революционирования военнотружущих. С января 1907 г. сотрудники политической полиции произвели обыски в кубриках матросов, а 16 марта такую же операцию провели в казармах Черноморской флотской дивизии. Правда, результаты их не всегда радовали жандармов. Жизнь сама убеждала в том, что необходимы совместные усилия в этом направлении. Поэтому с 19 марта 1907 г. по инициативе городского жандармского управления и начальника штаба Черноморского флота было проведено несколько совещаний, на которые приглашались командиры кораблей и воинских частей и разрабатывались «организация службы и наблюдения за нижними чинами в предупреждении распространения преступной пропаганды». В мае того же года начальник Севас-

²³ Цит. по кн.: *Найда С. Ф.* Указ. Соч. — 263.

топольского охранного отделения просил начальника штаба флота дать распоряжение командирам морских и сухопутных воинских частей усилить наблюдение за личным составом в связи с тем, что во флоте вновь появилась революционная печатная и особенно устная революционная агитация²⁴.

Одним из важных направлений деятельности политической полиции была цензура периодических изданий различной политической направленности. Подчеркнем, что в это время в губернии наблюдался «газетный бум»: в 1906 г. появилось 24, а в первой половине 1907 г. — 11 новых общественно-политических и историко-литературных изданий, в т. ч. на украинском, еврейском, крымскотатарском языках. Министр внутренних дел П. А. Столыпин, указывая на то, что надзор за прессой является серьезной задачей для местных администраций, подчеркивал: «Допущенная законом свобода печати использована почти повсеместно лицами явно враждебными правительству». Политическая полиция предпринимала энергичные меры прежде всего против прессы левого направления. В конце 1905 г. выпуск керченской газеты «Южный курьер» был приостановлен, а ее редактор социал-демократ М. П. Кристи привлечен к суду (освобожден под залог). Газета получила новое название «Накануне», но на нее вскоре был наложен запрет. Тогда в начале 1906 г. социалисты стали выпускать «Южный вестник», в который «перекочевала» почти в полном составе редколлегия «Южного курьера». Несколько позже, когда политический сыск собрал основания для нового ареста М. П. Кристи, редактор успел сбежать за границу. При этом он успел спрятать оборудование типографии в доме своей матери, куда 3 июня явились 4 вооруженных и 20 безоружных революционеров и изъяли его. В феврале того же года в губернском центре редактор газеты «крайне противоправительственного направления» Сруль Гарнее был арестован, а издание запрещено. Тогда же к уголовной ответственности привлекли редактора газеты

²⁴ Там же. — С. 350–351.

«Крым» Мордуха Эйдлина за публикацию статьи неизвестного автора о проведении годовщины «Кровавого воскресения». В январе 1907 г. в Симферополе была закрыта типография «Труд» владельца В. Ш. Грубина, в которой, как выяснила жандармерия, тайно были отпечатаны революционные прокламации²⁵.

Политическая борьба в столице по-прежнему находила отклик и на окраинах империи. Деятельность революционных фракций в «крамольной» Государственной Думе подкреплялось пропагандистской работой на местах, что добавляло хлопот сотрудникам политической полиции. Весной 1907 г. в керченском гарнизоне объявились «агитаторы-евреи», среди которых были и женщины. Одна из них по партийной кличке «генеральская дочь» призывала к подготовке всенародного вооруженного восстания на случай роспуска Государственной Думы. Сходки (две из них 20 и 25 мая были зарегистрированы полицией) проходили ночью в горах за городом. При этом революционеры для убедительности своих идей передевались в солдатскую форму. Как выяснили агенты наружного наблюдения, участвовали в них армейские нижние чины. Тут говорилось о том, что депутаты-с.-д. Думы предложили проект закона о передаче всей земли в бесплатное пользование трудовому народу, а царь и правительство выступают категорически против. Партийцы пугали солдат, что после окончания службы они будут владеть жалкое существование. Поэтому керченский гарнизон по призыву Санкт-Петербурга должен «устроить бунт, перебить офицеров, полицию, администрацию, богатых горожан» и решить вопрос о земле. За это, убеждали революционеры, «история не забудет солдат-освободителей и увековечит их имена в потомстве». «Солдаты-освободители» соглашались на эту авантюру при том условии, что революционеры организуют им побег из армии, обеспечат гражданской одеждой, паспортами, деньгами и харчами на первое время. После таких революционных речей

солдаты приговорили к смерти коменданта керченского гарнизона как организатора и вдохновителя местного черносотенного «Союза русского народа» и добровольно вызвались убить генерала-майора Шредера, а также казнить «крепостных жандармов, мешающих солдатам собираться для совещаний». Но не все армейские нижние чины были единодушны с партийными агитаторами. По поводу предполагаемых экстремистских действий на сходке проявились разногласия, в связи с чем планируемое на 24 мая покушение на жизнь генерала было отложено. Агентурная информация в срочном порядке доложена Шредеру — было усилено наблюдение. Наиболее радикально настроенные армейцы все же 27 мая не оставили желания бросить бомбу в экипаж коменданта крепости, но по стечению обстоятельств он не приехал в этот день в город. Градоначальник посоветовал ему экстренно прислать в Керчь сотню казаков и пулеметную команду, но комендант посчитал эту меру «нецелесообразной, вредной и, во всяком случае, преждевременной». К счастью, террористический акт не состоялся, но стал поводом для осмысления органами политической полиции причин и результатов революционного негодования. Появившиеся тогда официальные распоряжения говорили о «распушенности нижних чинов, отсутствии в работах должного внутреннего порядка, о формальном отношении к службе» непосредственных командиров воинских подразделений. Начальник Керченской крепостной жандармской команды Д. А. Кременецкий, оправдываясь, писал в Департамент полиции: «В прежние годы ежедневно попадалось в городе большое число шатавшихся без дела артиллеристов, нередко пьяных, в большинстве самовольно отлучившихся, представлявших собой удобный материал для агитаторов. В 1905-1906 гг. по агентурным сведениям крепостные артиллеристы неизменно участвовали на всех сходках в городе и окрестностях». Но к чести сотрудника высокой государственной службы, он информировал и о том, что некоторые командиры не соответствовали занимаемой должности и не обладали качествами строевых офицеров. Д. А. Кременецкий даже не побоялся назвать в этом списке генерал-майора Римского-Кор-

²⁵ ГААРК. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 579. — Л. 214-215; Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 179.

сакова. Жандармский начальник справедливо указывал на частую смену командиров рот, не пользующихся авторитетом у рядовых солдат, на большой недокомплект младших офицеров, которые к тому же, как он выразился, «отрезвляющего влияния на них не производили, на беспечность командиров и их неподготовленности вести беседы на политические темы. Кременецкий критиковал саму «разлагающую» систему комплектования воинских подразделений, допуская службу призывников на родине, а по сему приводившей к контактам с зараженными революционной пропагандой»²⁶.

2. Борьба с терроризмом в 1906–1908 гг.

Лето 1906 г. открыло в Крыму и Северной Таврии целую серию резонансных политических убийств. Боевики революционных партий в первую очередь наносили удар по представителям административно-полицейских органов, которых они, как и все революционизированное население, олицетворяли с носителями ненавистного царского режима. В прицеле леворадикалов оказалось также и высшее военное командование.

Жертвами политического терроризма стали отставной генерал, бывший начальник Таврического губернского жандармского управления С. В. Трубников в Керчи, жандармский полковник Рогальди с сотрудниками Турецкий и Полоченко в Севастополе, начальник железнодорожной станции Яковенко, командир 52-го Виленского полка (убит 25 июня бундовцем И. Мочидловцем в Феодосии), командующий Черноморским флотом Г. П. Чухнин (27 января революционерка четырьмя выстрелами ранила, а 28 июня он убит эсером Я. Акимовым) и др. Совершались неудачные покушения на вице-адмирала Скрыдлова и генерала Неплюева в Севастополе, пристава Керченского градоначальства Гельбаха и его помощника Егорского, Ялтинского уездного исправника Гвоздичева и др. Количество громких дел в течение непродолжительного времени

²⁶ ГААРК. — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 208. — Л. 182-184.

может свидетельствовать о неготовности местных административно-полицейских органов к борьбе с таким политическим явлением как индивидуальный террор²⁷.

Операции экстремистов по расправе с «ненавистными» представителями полицейской власти хорошо подготавливались, для чего привлекалось достаточное количество боевиков и оружия, и это делало такие революционные мероприятия успешными. Примером может служить убийство жандармского ротмистра Шереметова в Керчи, о котором стало известно далеко за пределами Таврической губернии. Первые покушения на жизнь представителей политической и общей полиции города начались в начале января 1906 года, весной они участились. Но жандармы не теряли хладнокровия, располагая агентурными сведениями, что готовятся теракты в отношении ротмистра, городского полицмейстера и пристава I участка. Шереметов даже говорил своим сотрудникам, что с ним пытается расправиться местный социал-демократ Серебряков. 9 июня в течение всего дня за жандармским ротмистром вели слежку 19 вооруженных боевиков-революционеров из Симферополя, Феодосии и Керчи, которые в момент убийства должны были играть роль часовых на случай погони за террористами. Поздним вечером ротмистр Шереметов с женой возвращался домой, и у самой калитки на них напали шестеро боевиков, из которых керчанин Демартино первым сделал выстрел, а симферополец А. Присухин «положил ротмистра четырьмя пулями». В тот же миг три пулевых ранения получила супруга офицера, успевшая в больнице дать скудные сведения. На следующий день она скончалась. В доме ротмистра располагалась канцелярия городского жандармского управления. Погоня выбежавших на выстрелы унтер-офицеров ничего не дала. В ходе оперативно-розыскных действий были задержаны члены

²⁷ ЦГИУ. — Ф. 419. — Оп. 1. — Д. 4366. — Л. 9; ГААРК. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 503. — Л. 103; Оп. 6. — Д. 38. — Л. 76; Д. 42. — Л. 1; Ф. 150. — Оп. 1. — Д. 18. — Л. 33; Д. 20. — Л. 134, 137; Д. 22. — Л. 130; Д. 25. — Л. 74-75; *Найда С. Ф.* Указ. Соч. — М., Л., 1948. — С. 537.

керченской с.-д. организации Серебряков. Паневин и «Цилька» (кличка революционерки. — В. К.), которые, разумеется, отрицали участие в теракте. В Симферополь был отправлен агент для выслеживания Присухина. Некоторые сведения были получены от секретного сотрудника Чикирова, который предоставил их только после предоставления ему гарантии безопасности жизни и возможности переезда в Грецию. До конца месяца новых сведений добыто не было, а 13 июля Департамент полиции России проинформирован о том, что следствие затягивается. Результат его нам, к сожалению, неизвестен²⁸.

Неудачей завершилось и не менее громкое дело о покушении в Ялте на командира 16 стрелкового полка генерала Думбадзе. В полдень 26 февраля 1907 г. неподалеку от Дворца Эмира Бухарского в него была брошена бомба. Были человеческие жертвы, ранены офицер и два солдата. Генерал получил легкое ранение. Бросавший бомбу боевик тут же застрелился. Этот теракт готовился несколькими революционерами, одним из которых, как выяснил политический сыск, являлась дочь статского советника из Москвы — некая «Лиза», которая после покушения скрывалась в Феодосии, Керчи. Симферополе, но обнаружить и задержать ее так и не удалось²⁹.

В борьбе с политическим терроризмом в крае сотрудники жандармерии, охранных отделений и общей полиции потеряли десятки своих сотрудников. В январе 1906 г. банда революционеров совершила разбойное нападение на усадьбу землевладельца Порохина в с. Балки Мелитопольского уезда. Следствие по этому делу успешно провел полицейский урядник Романов. Спустя три месяца социалисты-революционеры отомстили ему, нанеся три огнестрельных ранения, после чего Романов вскоре скончался. 28 мая в Феодосии подкупленный революционерами портовый рабочий Попов нанес две огнестрельные раны начальнику тюрьмы Салишу. Оказавшийся рядом городской

²⁸ ГААРК. — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 159. — Л. 1, 4–7.

²⁹ Там же. — Д. 203. — Л. 59; Д. 208, 53–54.

дважды ранил боевика, который умирая, сказал: «Я убил палача, притеснявшего в тюрьме политических заключенных». 14 июня в Симферополе на перекрестке Екатерининской и Пушкинской улиц анархисты-коммунисты П. Васин (участвовал ранее в покушении на Гвоздевича в Ялте) и М. Макарютин (один из убийц ялтинского околоточного Романова) ранили городского Сиротюка и убили околоточного надзирателя Егорова. 15 июня севастопольские боевики бросили бомбу в помещение охранного отделения и убили секретного агента Юзефа Гурецкого, тяжело ранили В. Калазева. Участники террористического акта были пойманы. Летом в Севастополе на Базарной площади эсеры А. Хрисанто (позже выслан из города) и Н. Скрипниченко (вскоре казнён) расстреляли постового городского Шепицкого, боцмана плавучей тюрьмы Бочкарева и помощника прокурора Санкт-Петербурга Скопинского. При ограблении революционерами одной из заводских контор Евпатории погиб ещё один околоточный надзиратель. В течение 1908 г. член партии эсеров Е. Псарев убил трёх сотрудников севастопольской полиции и агента Андрияченко³⁰.

Особо жестоко расправлялись организации революционных партий с секретными сотрудниками жандармерии и охранных отделений. 12 июня в Старом Крыму на базаре при стечении народа тремя выстрелами был убит Степан Иовлев за то, что делал представления на высылку местным революционерам. 17 августа в Симферополе С. Садовский и неизвестный полиции боевик нанесли шесть смертельных ранений «своему сотоварищу» Петру Горловскому, дававшему очень ценные агентурные сведения. Летом 1906 г. в Севастополе был приведён в исполнение смертный приговор осведомительнице Папской, а осенью — секретному агенту боцману Фролову. В августе 1907 г. симферопольские социал-демократы убили своего «соратника», секретного сотрудника охранного отделения, выявившего состав организации и место хранения типографского станка. Спустя месяц революционные

³⁰ ГААРК. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 255. — Л. 204, 232 и др.

мстители были осуждены: один к 8 годам тюремного заключения, другой — к 4 годам каторжных работ. 16 апреля 1909 г. в Керчи был убит в лодке и сброшен в море рассекреченный сотрудник жандармского управления Сергей Михайловский³¹.

В это время органы политической полиции принимали все возможные меры к укреплению политической стабильности в крае, но революционеры, действуя нелегально, продолжали бороться со своими политическими противниками средствами индивидуального террора. Так, 1 июня 1906 г. произошел вооруженный налет еврейских революционеров на членов «Союза русского народа», в результате которого два монархиста (Радченко и Ситников) получили огнестрельные ранения. Одного из боевиков (Вилепича) задержали горожане и сильно избили, но полиция с трудом вырвала его из толпы. В октябре меньшевики-злоумышленники убили председателя «Союза русского народа» с. Б. Белозерки Мелитопольского уезда Ивана Шило за то, что он выдал секретные сведения об их организации. 14 февраля 1907 г. под контролем правоохранительных органов в Симферополе состоялось торжественное освящение стяга «Союза русского народа», в котором участвовали более 1000 человек и на котором с пламенной патриотической речью выступила член СРН Гранкина. На следующий день неизвестный боевик ранил ее за это ножом и скрылся, что вызвало негодование монархически настроенных горожан. День спустя в Евпатории шесть евреев-боевиков напали на кассира СРН, нанесли ему и его супруге огнестрельные ранения, но, отобрав револьвер, не сумели завладеть деньгами. В ходе оперативно-розыскных мероприятий были задержаны три брата Левиных (остальным участником боевой дружины «Красная сотня» удалось скрыться). Подобные факты имели место и в других местах губернии, а также в других регионах империи. Не случайно 18 марта 1908 г. по-

³¹ Там же. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 21. — Л. 168; Оп. 3. — Д. 577. — Л. 73, 309; Д. 581. — Л. 76; Ф. 150. — Оп. 1. — Д. 20. — Л. 61, 137; Д. 26. — Л. 31; Д. 57. — Л. 22; Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 278. — Л. 49; Д. 412, 179 и др.

явился специальный циркуляр МВД (№ 127285), который объявлял политическую полицию взять под защиту эти проправительственные «Союзы» и поставил перед ней задачу: «направить агентов для предотвращения нападений на лидеров и членов СРН со стороны революционных организаций»³².

Под прицел террористических действий попали и представители буржуазии. Осенью 1906 г. феодосийская организация еврейских революционеров Бунд разослала нескольким крупным предпринимателям смертные приговоры и долгое время держала их в страхе. В то же время они становились объектом шантажа и вымогательств. Среди местных заводчиков и фабрикантов также было немало жертв. Например, в феврале 1907 г. в Феодосийском уезде при ограблении были убиты управляющий экономии князя Трубецкого и его жена, весной в Керчи — владелец макаронной фабрики Д. Серганиди, в Бердянске — предприниматель Е. М. Авланипи, в июне в Мелитопольском уезде — купец С. Светицкий (ранены также два его сына) и др. Нередко от рук революционных бандитов при совершении терактов и грабежей гибли случайные мирные жители³³.

На фоне невиданного ранее разгула преступности сотрудникам политической и общей полиции приходилось четко разграничивать уголовные и политические преступления. Революционерам-злоумышленникам для совершения террористических актов нужны были немалые деньги, поэтому южную окраину империи захлестнула волна разбоев, грабежей и вымогательств, хотя были и случаи, когда под видом революционной мести орудовали уголовные элементы, однако наше повествование о борьбе с революционной преступностью. Примеров тому предостаточно.

В сентябре-октябре 1906 г. симферопольская анархистская группа «Черное знамя» ограбила десятки магазинов в Евпатории, Мелитополе, Ялте и др. городах. В Каховке в момент вымога-

³² ГААРК. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 255. — Л. 217; Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 208. — Л. 9, 13; Д. 231. — Л. 9.

³³ Там же. — Д. 208. — Л. 45–46, 89, 312 и др.

тельства крупной суммы у одного из владельцев были задержаны и осуждены с. р. А. Чернявский и анархист-коммунист М. Овсянников. В сентябре ялтинская полиция предотвратила разбойное нападение на контору имения «Форос», где хранилось 25-27 тысяч рублей. По плану злоумышленников эти средства предполагались передать Алуштинскому комитету РСДРП.

Попутно скажем, что революционеры не гнушались грабить и церковные учреждения. 26 июня 1906 г. они забрались в Петропавловскую церковь, а 2 февраля следующего года «обчистили» кассу и ящик с денежными пожертвованиями в Александровско-Невском кафедральном соборе в Симферополе, при этом повесили сторожа. В сентябре 1907 г. пересечена деятельность группы мелитопольских эсеров, которая совершила вооруженное нападение на вкладчика Азово-Донского банка А. Ф. Лебедева и экспроприировала у него около 30 тысяч рублей. Подобную операцию в ноябре провели симферопольские боевики. В декабре севастопольская группа анархистов под руководством Фомы Морозова, воспользовавшись полицейской формой, в дневное время под видом обысков грабила состоятельных граждан. Грабежи и разбои имели место и в конце 1908-1909 г. Полиция раскрывала преступные деяния мелитопольской, карасубазарской, севастопольской, симферопольской групп с.-р.-боевиков. Орудовали таврические вооруженные партийцы и в сопредельных губерниях. Так, в 1907 — начале 1908 г. бердянская группа анархистов-коммунистов провела серию грабежей и вымогательств в Екатеринославской губернии³⁴.

По нашим, отнюдь неполным данным, только в 1907 г. в ходе «кампаний» по добыче средств для осуществления терактов и партийных нужд революционеры края экспроприировали не менее 141,6 тысяч рублей, которых было бы достаточно для финан-

³⁴ ГААРК — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 20. — Л. 135; Д. 21. — Л. 168; Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 237. — Л. 27; Д. 255. — Л. 200; Д. 239. — Л. 156; Оп. 6. — Д. 601. Л. 2-14, 73; Ф. 556. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 16-17; Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 208. — Л. 311; Оп. 2. — Д. 17. — Л. 1 и др.

сирования деятельности финансирование всего штата Таврического охранного отделения в течение девяти лет (! — В. К). Этой суммы Таврическому губернскому жандармскому управлению хватило бы для содержания агентуры на 36 лет, а на финансирование полицейской команды, скажем, Феодосии — на 64 года (! — В. К).

Случалось размах терроризма и бандитизма в крае затрагивал интересы иностранного капитала. 29 мая 1907 г. в контору иностранного экспортера Марио Далл Орсо в Бердянске ворвались четыре вооруженных боевика и, убедившись, что в кассе денег нет, приказали подготовить на следующий день крупную сумму. Помощник начальника Таврического ГЖУ в Бердянском и Мелитопольском уездах распорядился взять контору под охрану, но вскоре революционеры появились с новыми угрозами. Итальянский посол обратился в МВД России, после чего у иностранного агентства был поставлен постоянный пост³⁵.

В конце февраля 1907 г. жандармскому ротмистру А. А. Молчанову пришлось докладывать в Департамент полиции: «Рядом убийств и ограблений народонаселение города Керчи терроризировано и слышен ропот неудовольствия на недостаточные меры по охране со стороны полиции». Ему вторил коллега из соседнего уезда: «В Феодосии в настоящее время много безработного и бродячего люда, хотя больше оснований предполагать, что все эти преступления совершены с революционными целями. Малочисленность полиции и отсутствие правильно организованного института ночных сторожей и обходов способствует неуловимости преступников». Разумеется, остановить сразу эту «преступную» волну ни политическая, ни малочисленная и малоопытная в этом деле общая полиция Таврической губернии была не в силах. В свою очередь, верховные власти, указывая на слабые стороны деятельности подчиненных, настойчиво требовали контроля и исправления сложившейся ситуации.

Очевидно, в период политической дестабилизации Департамент полиции не мог высоко оценивать работу таврической

³⁵ Там же. — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 208. — Л. 352-356.

политической полиции и неоднократно указывал на ее просчеты. К примеру, после серии ограблений контор и учреждений Симферополя и Ялты в середине апреля 1907 г. (ущерб 8 тыс. рублей) начальнику Таврического ГЖУ специальным предписанием было указано на «слабую постановку секретной агентуры во вверенном управлении» и на необходимость принятия самых оперативных мер по исправлению положения³⁶.

Известно, что терроризм не имеет национальности. Наиболее настырно действовали в послереволюционные годы армянские революционеры — как местные, так и заезжие. 2 августа 1906 г. политической полицией была успешно проведена операция по ликвидации крымских партийных организаций Гнчак (в переводе с армянского: «Колокол» и Дашнакцутюн (в переводе с армянского: «Союз»), в ходе которой в руки полиции попали печати, склад оружия и переписка с ЦК Армянской РСДРП. Гнчакисты в течение нескольких месяцев приобрели на Кавказе и переправили в Крым оружие, литературу и имели тесные связи с подотделами армянских партий Одессы, Севастополя и других приморских городов, за что получили высокую оценку своего ЦК партии. Политической и общей полиции не удалось до конца выяснить личность и задержать наведывавшегося в Крым в 1908 г. некоего «Леона», члена боевой дружины партии «Дашнакцутюн», являющегося участником вооруженных нападений, грабежей и политических убийств в Баку, Тифлисе и Эриване³⁷.

Армянские революционеры не прекращали своего «боевого дела» и накануне войны. В январе 1913 г. два неизвестных полиции гнчакиста вымогали у владельцев Нахтумова и Семерджиева по 200 рублей для печатания на армянском языке социал-демократической газеты. В 1913–1914 г. трижды уходил от полиции уполномоченный ЦК партии «Гнчак» Рубен Карапетян (Бояджиев), который осуществлял поборы с состоятельных соплеменников на нужды партии, в том числе на теракты в от-

³⁶ ГА АРК. — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 208. — Л. 39, 55.

³⁷ ГААРК. — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 208. — Л. 98, 133.

ношении некоторых членов турецкого правительства. Р. Карапетян нанял адвоката и уплатил залог за находящегося в симферопольской тюрьме террориста Усеина Детромеджи (кличка «Сюник»), а также перечислил заграничному центру партии в Париже 953 рубля (1200 франков). Несколько разбоев провела банда армянских социал-демократов в Евпатории в марте 1913 г., а в июне следующего года полицией была пресечена серия грабежей, вымогательств, проводимая боевой дружиной симферопольских и севастопольских гнчакистов³⁸.

Сотрудники политической полиции знали, что партии, в уставах которых как средство борьбы признавался индивидуальный террор, легко находили общий язык в «боевом деле», и на практике не раз встречались с фактами их совместных боевых операций. Например, 30 августа 1906 г. в Ялте при подготовке покушений была обезврежена группа из двух эсеров и двух анархистов. 10 июня 1907 г. севастопольские комитеты РСДРП, ПСР и анархистская группа «Свобода внутри нас» создали боевую дружину, которая взорвала наружную стену тюрьмы и освободила 21 политического заключенного. Несколько месяцев спустя после кропотливой оперативной работы боевики были арестованы в Петербурге, Москве, Одессе, Николаеве, Мелитополе³⁹.

Сложность борьбы с политическим терроризмом заключалась и в том, что на территории губернии нередко орудовали боевики из других регионов империи. 20 августа 1906 г. в Ялте был задержан член «Южно-русской группы рабочих анархистов-коммунистов», на следующий день была пресечена подготовка к теракту трех боевиков из Екатеринослава. В ноябре сотрудники политического сыска выследили в с. Горностаевое Днепровского уезда профессионального социал-революционера Н. Шнейфуса, прибывшего из Херсона для совершения терактов. В том же месяце в Феодосии арестован И. Пичугой, член

³⁸ Там же. — Ф. 150. — Оп. 1. — Д. 21. — Л. 18, 108–110; Д. 23. — Л. 1; Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 414. — Л. 16; Оп. 2. — Д. 49. — Л. 169, 390.

³⁹ ГААРК. — Ф. 150. — Оп. 1. — Д. 18. — Л. 70; Д. 20. — Л. 134–135.

международной организации анархистов-индивидуалистов и тогда же выслежен член боевого летучего отряда Южнорусского областного комитета ПСР, который совершил покушение на генерала-губернатора Феодосии Давыдова. Кстати, задержанию боевика содействовали некоторые местные меньшевики, придерживающиеся нерадикальных взглядов, специально выпущенная местными эсерами прокламация обрушилась в их адрес «скорой и беспощадной угрозой»⁴⁰.

В политической полиции хорошо знали, что многие политические убийства совершались боевиками с санкции своих вышестоящих партийных органов. Так, в декабре 1907 г. Севастопольский комитет ПСР просил разрешения у областного комитета на расправу с помощником начальника тюрьмы и одним из околоточных надзирателей. После регулярных репрессивных мер, принятых административно-полицейскими органами губернии в 1907 г., революционные организации ушли в подполье, но террористической деятельности прекращать не намеревались. По полученным агентурным сведениям, руководитель боевиков симферопольский эсер по кличке «Малокровный» в июне 1908 г. в Нижнем Новгороде (возможно, в другом городе, т. к. место проведения было хорошо законспирировано. — В. К.) участвовал в работе всероссийского съезда боевых организаций партии с.-р.-максималистов. Симферопольскому посланцу было поручено распространить на Юге Украины следующее изменение тактики партии: в целях конспирации вывести боевиков из подчинения местных комитетов и ЦК партии, запретить им связи с рядовыми партийцами, денежные средства для совершения терактов получать непосредственно в областном комитете, привести в исполнение приговоры, утвержденные на предыдущем съезде. Политическому сыску стало известно, что список по Таврической губернии был дополнен фамилиями двух городских, двух сотрудников охранных отделений, симферопольского жан-

⁴⁰ Там же. — Ф. 26. — Оп. 6. — Д. 38. — Л. 270; Д. 499. — Л. 114; Д. 503. — Л. 335 и др.

дармского ротмистра Д. Д. Леуса (слежка за ним революционерами была уже установлена) и вице-губернатора Масальского. Однако покушение на последнего закончилось неудачей, но «охоту» за ним продолжал переплетчик «Мишка», находившийся во всероссийском розыске по делу о вооруженном восстании в Москве в декабре 1905 г. Руководствуясь указаниями съезда, симферопольские эсеры в конце лета — начале осени 1908 г. приступили к формированию вооруженного отряда. Эта работа поручалась некоему «Сергею» и бывшему студенту Московского университета В. В. Завьялову, который, будучи членом губернского комитета ПСР, уже попадал в поле зрения жандармерии⁴¹.

Развернуть террористическую деятельность в крае политическая полиция не позволила, и боевые дружины были обескровлены.

Однако в 1909 г. разрозненные и малочисленные кучки революционеров все же пытались провести съезд, о котором стало известно политическому сыску. Несколько представителей боевых дружин Симферополя, Бердянска и Мелитополя обсудили положение в партии после измены Е. Азефа, корректировку в связи с этим тактики действий, проголосовали за продолжение террора и потребовали от мелитопольских боевиков действовать только с санкции парторганизации, а также осудили межнациональные трения в ней между русскими и еврейскими революционерами. Но провести в жизнь решения своего «форума» партийцы не смогли из-за отсутствия средств и активных работников. Политическая полиция поставила прочий заслон любым террористическим поползновениям⁴².

Трудностью борьбы с терроризмом в революционное время являлось и то, что революционизированное население, как правило, становилось на защиту боевиков и препятствовало органам полиции в розыске и поимке преступников. Приведем лишь один пример. 25 сентября 1906 г. из Бердянска в с. Берестовое Бердянского уезда заявили 7 боевиков во главе с Н. Сосновс-

⁴¹ ГААРК. — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 239. — Л. 126, 206.

⁴² ГААРК. — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 286. — Л. 15-16.

ким и И. Валявским и, угрожая оружием, экспроприировали у местного кредитного общества 15 тысяч рублей на партийные нужды. К волостному правлению, где содержались арестованные, собралось около 500 крестьян и состоялся импровизированный митинг, на котором звучали антиправительственные речи, требования об отказе уплаты налогов, призывы ко всеобщему восстанию. Малочисленная полиция была не в силах утихомирить толпу, которая и освободила боевиков-анархистов⁴³.

Одним из главных направлений борьбы с терроризмом является всемерное разоружение населения и закрытие всех каналов поступления огнестрельных средств в пределы контролируемого региона. Поэтому революционеры при любом случае ограбления захватывали не только ценности, но и оружие. Так было, например, 20 февраля 1907 г. в Керчи, когда 5 неизвестных напали на инкассаторов и отобрали у них, кроме солидной суммы, револьвер и 310 патронов. Как заключал жандармский ротмистр А. А. Молчанов, «несмотря на энергичные розыски, обнаружить боевиков не удалось». Нередкими были в послереволюционные годы случаи хищения оружия в воинских частях. 7 августа 1907 г. в Евпатории «исчезли» три винтовки в 211 пехотном резервном полку. По собранным губернским жандармским управлением данным, в 1906–1907 гг. в частях 7-го армейского корпуса было похищено 250 винтовок и приблизительно столько же револьверов; были части, в которых украдены более 20 огнестрельных средств. Если учесть, что на «черном рынке» пистолет в те годы стоил 20 рублей, а фунт пороха — 1 рубль, то нетрудно подсчитать, сколько можно приобрести оружия на упоминаемую нами выше денежную сумму, экспроприированную боевиками. Поэтому полицейские органы приняли самые энергичные меры к закрытию доступа населения к вооружению. Был также усилен контроль за продажей охотничьих ружей⁴⁴.

⁴³ Там же. — Ф. 150. — Оп. 1. — Д. 24. — Л. 69.

⁴⁴ ГААРК. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 557. — Л. 32; Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 208. — Л. 47, 381.

Выполняя предписания министра внутренних дел П. А. Столыпина «О разоружении населения», политическая полиция совместно с общей провела на местах «повальные одновременные обыски» квартир, в которых по агентурным данным могло находиться оружие, перекрыты каналы доставки его из-за границы. Общая полиция была укреплена дополнительными кадрами. Было принято решение о нецелесообразности вооружения городских полицейских винтовками, они были заменены револьверами. В тех местах, где чаще имели место случаи покушения на сотрудников полиции, осуществлялось патрулирование военными и принимались меры к безопасности жизни полицейских и жандармских чинов⁴⁵.

Понимая, что революционный терроризм усиливает социально-политическую напряженность, в некоторых случаях административно-полицейские органы принимали чрезвычайные меры. Так, в 1906 г. Ялта и Ялтинский уезд были переведены на положение усиленной охраны. Причиной тому стали попытки террористических актов группы анархистов, которые приступили к исполнению смертных приговоров по заранее подготовленному списку, вынесенных, в частности, жандармскому ротмистру, уездному исправнику, приставу, командиру отряда стражников и т. д. 2 августа 1906 г. в Ялте готовилось нападение группы анархистов-коммунистов на дачу Сибирцевой с целью вымогательства крупной суммы денег. Узнав об этом, полиция установила засаду. Поздно вечером неподалеку от дачи околоточный надзиратель М. И. Романов увидел двух подозрительных молодых людей и пытался выяснить их личности. Один из них — Бениненко — произвел смертельный выстрел в Романова в упор. Боевика стал преследовать городской Яновский, получивший при этом огнестрельное ранение, а сам Бениненко погиб от взрыва имевшейся у него бомбы. На следующий день известный в городе анархист Яков Малафеев покушался на жизнь пристава Чижевского, но полицейский, защищаясь,

⁴⁵ Там же. — Д. 1. — Л. 177.

застрелил боевика. В ответ на это ялтинская полиция, не считывая на собственные силы, для поддержания общественного порядка привлекла воинские команды. Комитет партии социалистов-революционеров расклеил по городу листовки с призывом к трудящимся бастовать в день похорон Я. Малафеева. 8 августа 10-тысячное траурное шествие все же превратилось в политическую демонстрацию, в ходе которой красные флаги изымались, а ленты с венков от политических партий срывались стражами порядка⁴⁶.

На положение усиленной охраны объявлялся и Мелитополь. Там, где ситуация накалялась до предела, вводилось военное положение, например, в Севастополе, Керчи, Феодосии, Днепровском уезде и др. местах. В некоторых городах, в частности, 30 августа в Феодосии и 17 ноября в Ялте, стали действовать военно-полевые суды. Это давало полицейским органам законные основания для активизации работы по ликвидации террористических формирований. С установлением в стране третьеиюньского режима крайние меры не применялись и благодаря повседневной кропотливой работе органов политической и общей полиции к середине 1908 г. с политическим терроризмом в крае было покончено.

Добиться этого органы политической и общей полиции сумели благодаря многим сотрудникам, которые исключительно добросовестно относились к своим служебным обязанностям и самоотверженно боролись с проявлением экстремизма. Некоторые за это отдали свои жизни. К примеру, 8 июня 1906 г. в Бердянске из-за усердного отношения к службе революционерами был убит помощник пристава Куриленко. Как только Департаменту полиции стало известно, что «высокие служебные достоинства покойного вызывало даже недоброжелательное отношение к нему со стороны ближайших начальствующих лиц, которые не только не поощряли Куриленко, но даже оттесняли его», из Санкт-Петербурга таврическому губернатору 19 ноября была направлена телеграмма: «Ввиду покушения на Куриленко

⁴⁶ ГААРК. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 557. — Л. 132.

в Бердянске благоволите принять самые энергичные меры против развивающегося террора. Немедленно заменить начальника местной полиции, если он не проявляет достаточной энергии и смелости в борьбе с этим движением»⁴⁷.

Административно-полицейские органы края не забывали сотрудников, погибших или пострадавших при исполнении служебных обязанностей, оказывали помощь членам их семей. В августе 1906 г. губернатор Е. Н. Волков передал вдове с двумя малолетними детьми околоточного надзирателя М. И. Романова единовременное денежное пособие, а вскоре назначил пенсию. Имя полицейского было занесено во всероссийское издание книги «Русская скорбь», осуществляемое «Союзом русского народа». В конце 1907 года в Севастополе с согласия императора Николая II был образован всероссийский благотворительный фонд имени вице-адмирала Г. П. Чухнина, который осуществлял материальную помощь родственникам сотрудников полиции, погибших и пострадавших от революционного террора. 18 марта 1909 г. таврический губернатор П. Н. Апраксин потребовал от полицейских органов ни в коем случае не задерживать оформление дел о выдаче пенсий и пособий сотрудникам и их семьям, пострадавшим от политического террора⁴⁸.

3. Пресечение антигосударственной деятельности в межреволюционный период

В декабре 1906 г. в Таврической губернии было введено военное положение, что заметно усилило целенаправленную работу органов политической полиции по окончательной ликвидации оппозиционных режиму организаций. Было установлено неустанное наблюдение за наиболее активными партиями, а «экстремистские элементы» выслежены и высланы за пределы губернии. Зимой-весной 1907 г. правоохранительные орга-

⁴⁷ ГААРК. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 557. — Л. 132.

⁴⁸ Там же. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 557. — Л. 132.

ны приступили к «зачистке» края от партийных лидеров. Так, 15 апреля арестованы председатели севавтопольского комитета ПСР С. А. Никонов и симферопольского — Н. А. Архангельский. Меры пресечения были применены и ко многим другим партийным функционерам. Вслед за ними в ссылку отправлены бывшие члены социалистических фракций Государственной Думы П. Тютюнов (Мелитопольский уезд), Г. Я. Щербак (Бердянский уезд), В. Т. Бакута (г. Мелитополь)⁴⁹.

После государственного переворота 3 июня 1907 г. политическая полиция получила большую возможность применения еще более жестких репрессивных мер в отношении антиправительственных организаций, в результате чего в скором времени некоторые из них либо распались, либо самоликвидировались. Искоренение революционных формирований оказалось делом довольно сложным, при этом, подчеркнем, полиция, действовала строго в рамках существующего законодательства, претерпевшего в условиях политической конфронтации в стране существенные изменения.

Как это происходило, рассмотрим на примере Таврического союза партии социалистов-революционеров, который дольше других партийных губернских комитетов сопротивлялся третьиюньской системе. Первая операция по его ликвидации проведена была осенью 1907 г., следующая — в январе 1908 г., в ходе которых сотрудники политической полиции смогли выследить, доказать принадлежность к губернскому комитету ПСР и арестовать лишь одного его члена — С. П. Постникова. В середине июля сумели скрыться от преследования еще два члена губкома «Валериан» и «Сара». Летом 1908 г. деятельность комитета замерла. Однако губернский комитет Таврического союза ПСР был ликвидирован лишь в апреле 1909 г., а спустя два месяца его партийные лидеры отправлены в двухлетнюю ссылку⁵⁰.

⁴⁹ ГААРК. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 571. — Л. 127. — 140; Д. 577. — Л. 482, 527; Д. 600. — Л. и др.

⁵⁰ Там же. — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 239. — Л. 57, 64, 75, 93.

В период 1907 — первой половины 1908 г. жандармерия и охранные отделения края окончательно ликвидировали все организации социалистических партий, от которых, правда, в глубоком подполье оставались небольшие группы, действовавшие, хотя и повсеместно, но нестабильно и без центрального руководства. Исключение составила керченская организация РСДРП, в которой под наблюдением полиции еще находились в июне 1909 г. — 24, а в августе — 49 членов (преимущественно большевиков). Доказать причастность этих граждан к революционной работе было очень трудно. В течение года Департамент полиции неоднократно требовал ее ликвидации, но жандармский ротмистр Керченского градоначальства объяснял невыполнение приказа отсутствием необходимого числа сотрудников и просил кадровую и финансовую помощь. Только в ноябре 1909 г. МВД было проинформировано о том, что в Таврической губернии больше нет с.-д. и с.-р. организаций. Хотя под наблюдением продолжали оставаться около 100 отдельных членов⁵¹.

Начальник губернского жандармского управления докладывал в это время генерал-губернатору: «Революционная работа находится в таком упадке, что даже наиболее многочисленные по своему составу (в прошлом. — В. К.) социал-демократы не могут приступить самостоятельно к поднятию ее. Эсеры и анархисты находятся в худшем положении, ибо их престиж в настоящий момент можно считать совершенно упавшим»⁵².

Однако это не давало политической полиции повода к самоустокоению. Работа в этом направлении продолжалась, так как социалистические партии регулярно предпринимали попытки воссоздания партийных ячеек и групп. По нашим данным, такие появлялись в 1908 г. — в Феодосии, Каховке, Орехове, в 1909 г. — в Джанкое, Бахчисарае, Ялте, Симферополе, Бердянске, Ногайске, в 1910 г. — Севастополе, Мелитополе, Бердянске.

⁵¹ ГААРК. — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 237. — Л. 167, 262, 268, 273, 293; Газ. «Пролетарий». — 1909 г. — 13 мая.

⁵² ГААРК. — Ф. 706. — Оп. 2. — Д. 37. — Л. 92–93.

в 1911 г. — вновь в Бердянске и Мелитополе, в 1912 г. — в Керчи, в 1913 — Симферополе, Севастополе, Феодосии, Бахчисарае. Как видим, в ряде мест партгруппы возрождались неоднократно. Но действовали они по 2-3 месяца, так как оперативно выявлялись политическим сыском и ликвидировались⁵³.

В это время, борясь с остатками революционных формирований крымская политическая полиция применяла более изощренные методы. Так, она стала вербовать «неустойчивых политических заключенных», которые содержались в тюрьмах за участие в революционном движении. В Севастополе жандармский ротмистр Зеленко освободил на время Владимира Абрамовича Рыбакова и внедрил его в качестве секретного сотрудника в местную организацию РСДРП, в рядах которой он находился с марта 1908 г. В ней он отвечал за связь между членами организации, хранил партийную литературу, печатную машинку. В июне охранный отдел «нащупало» организацию и арестовала 5 ее членов, в том числе и восемнадцатилетнего Рыбакова. После тщательного допроса, произведенного Зеленко, Рыбаков дал откровенные показания, по которым были произведены еще пять арестов. В марте 1909 г. он был «отпущен» на свободу и стал секретным сотрудником начальника Севастопольского жандармского управления полковника Зейдлица. Вернувшись в организацию, Рыбаков выполнял его специальные задания до августа, когда состоялся суд над 14 членами севастопольской организации РСДРП. Особым постановлением этого суда, учитывая, что Рыбаков выдал всю организацию и учитывая ходатайство начальника морских сил, каторжные работы были заменены ему ссылкой на поселение в Енисейскую губернию. Во время ссылки «революционера» начальник ГЖУ Зейдлиц вел переписку с Департаментом полиции, ходатайствуя о его досрочном освобождении, учитывая «успешную работу Рыбакова в качестве секретного сотрудника по освещению социал-демократической организации». Не пробыв на поселении и года, Рыбаков вернулся

⁵³ Королев В. И. Крым и Северная Таврия в 1907–1917 гг. Страницы политической истории. — Симферополь, 1995. — С. 16–30.

в Севастополь. Большевистское возмездие пришло к нему только в январе 1928 г., когда за сотрудничество с ГЖУ он был осужден Главным судом Крымской АССР по статье 58, пункт 13 Уголовного Кодекса⁵⁴.

Как видим, наиболее ценной считалась информация, полученная от секретных сотрудников, внедренных в революционные организации. Особенно «везло» эсеровским военным группам. Попытки социалистов-революционеров поднять в сентябре 1907 г. восстание матросов и солдат в Севастополе провалились «благодаря» провокатору, предупредившему жандармов.

Примечательно, что в годы политического затишья полиции приходилось иметь дело и с новыми сообществами революционеров. Например, весной-летом 1911 г. в Каралезской волости Симферопольского уезда действовал кружок крымскотатарских социалистов (они называли себя бонистами), стремившихся к отторжению Крыма от России и к созданию «самостоятельного крымского ханства». В листовках, которые сотрудникам политической полиции с трудом удалось обнаружить, говорилось о том, что царь, его законы и порядки не нужны крымским татарам, так как они не позволяют им жить по мусульманским законам⁵⁵.

Заметим, в этом направлении деятельности органами политического сыска допускались и просчеты. Так, в январе 1910 г. в Симферополе состоялся «провороненный» агентами областной съезд Таврического союза партии социалистов-революционеров, на который, в частности, прибыли представители Бердянской и Мелитопольских групп. На нем обсуждались тактические вопросы и решения Совета партии. Резолюции были отпечатаны в виде прокламации и распространены на местах. При этом начальник жандармского управления получил нарекание от Департамента полиции за несвоевременное обнаружение этого мероприятия и неудовлетворительное состояние внутренней агентуры⁵⁶.

⁵⁴ ГААРК. — Ф. 150. — Оп. 1. — Д. 57. — Л. 22–29.

⁵⁵ ГААРК. — Ф. 706. — Оп. 2. — Д. 35. — Л. 269.

⁵⁶ Там же. — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 275. — Л. 46–47.

Губернское жандармское управление и охранные отделения собирали сведения и о революционных организациях соотечественников за пределами края. Так, полиции стало известно, что летом 1913 г. в Константинополе популярный крымскотатарский социал-демократ Аппаз Ширинский, публицист Хмет Бек (в действительности — еврей Франк), Юсуф Хайдаров, Тевфик Мусаев и редактор одной из турецких газет создали революционный кружок, сведения о котором предоставил полиции литератор, дворянин А. Мерецкий. Он же проинформировал о том, что в турецкой столице в доме русской революционерки «Сарры» (как упоминалось нами ранее, ушедшей от преследования члена Губкома Таврического союза эсеров) укрывается около 15 матросов-потемкинцев и российских революционеров. Политическая полиция обнаружила также следы работы исламистского комитета, действовавшего в г. Константа (Румыния) и имевшего «филиалы» в некоторых турецких городах. По заданию этого комитета летом 1913 г. в Севастополь прибывали два вояжера для пропагандистской обработки матросов и сбора денежных средств. Политическая направленность этих действий усматривалась в том, что исламисты всячески желали ослабить Черноморский флот и ускорить военное столкновение России и Турции⁵⁷.

После запрета революционных организаций работа сотрудников политической полиции еще более осложнилась. Уйдя в подполье, леворадикалы стали использовать легальные профессиональные, культурно-просветительские и общественные организации для проведения под их маркой партийной работы. К примеру, в 1907 г. в Феодосии под видом профсоюза портных действовала организация партии «Поалей-Цион», в таком же профсоюзе в Симферополе — местная организация РСДРП. В Перекопском уезде существовало кредитное товарищество, которое ротмистром было названо «одним из видов революционного кооператива, устроенного в целях пропаганды». Полицейской агентурой в с. Андреевка Бердянско-

⁵⁷ Там же. — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 412. — Л. 148, 160, 191.

го уезда в 1908 г. было выявлено специально созданное для партийных целей потребительское общество, в котором велась по агентурным сведениям «очень сильная пропаганда в пользу вооруженного восстания». Замыслы революционеров были раскрыты, а все эти общества и профсоюзы закрыты⁵⁸.

К числу беспрецедентных для Юга Украины случаев можно отнести операцию по выявлению и ликвидации профессионального союза моряков торгового флота под названием «Союз черноморских моряков», созданного социал-демократами в конце 1911 г. в Константинополе. На каждом корабле меньшевики имели свои комитеты с выборными председателями и даже выпускали собственную газету «Моряк», которую распространяли в черноморских портах. Более полугода не попадала в поле зрения севастопольских сотрудников политического сыска эта рабочая организация «с революционной подкладкой». Затем в организацию были внедрены секретные сотрудники Севастопольского охранного отделения, благодаря которым она была рассекречена, а наиболее активные члены арестованы. Выпуск газеты «Моряк» был прекращен. Кстати, об этом успехе политической полиции стало известно лишь в 1913 г.⁵⁹.

В число важных функций политической полиции в 1907–1914 гг. входило не только выявление, но и разрыв связей местных революционеров с партийными комитетами других регионов страны. Оппозиционные режиму организации искали любую возможность получения из-за пределов губернии литературы, оружия, денежных средств и стремились участвовать в работе всероссийских и областных партийных съездов. Так, в 1907 г. Таврическая губерния была представлена делегатами на южной конференции партии социалистов-революционеров в Кишиневе и на подобном форуме в Киеве. Сотрудни-

⁵⁸ ГААРК. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 579. — Л. 469; Д. 571. — Л. 440; Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 239. — Л. 94–95.

⁵⁹ Там же. — Ф. 556. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 75–78; Найда С. Ф. Указ. соч. — С. 468.

ки охранных отделений четко отслеживали приезд в Таврию партийных лидеров и функционеров. Например, в 1908 г. было установлено наблюдение за прибывшим в Ялту членом Киевского комитета РСДРП Любовью Чепелевской, в 1909 г. — за появившемся в Симферополе посланцем ЦК партии эсеров В. Н. Соловьевой (ГЖУ запретило ей проживание в Крыму) и др. Политическая полиция незамедлительно приставила филеров к «весьма видному» в стране анархисту Гаврилову, отдыхавшему в Алуште. В мае 1912 г. охранный отдел установил слежку за прибывшим в Севастополь членом Южного бюро РСДРП Наумом Анцеловичем, приехавшим с целью «просвещения глубинки». После выяснения всех явок и связей, он был арестован. Та же участь постигла в феврале 1914 г. бывшего члена III Государственной Думы Г. С. Кузнецова, выслеженного и задержанного вместе с его симферопольским соратником. Благодаря повседневной и кропотливой работе органов политического сыска установлены, к примеру, связи керченских социал-демократов с Петербургским, мелитопольскими — с Александровским, Киевским, Харьковским, каховскими — с Одесским, Херсонскими и Николаевским комитетами партии и многими др. Как и в прежние годы, политическая полиция в этом деле пользовалась испытанным методом: для выявления контактов между революционными организациями в симферопольский подотдел РСДРП был внедрен секретный сотрудник жандармерии, который в качестве его посланца отправился на съезд в Киев, где собрал довольно ценные сведения⁶⁰.

В 1910 г. губернская политическая полиция пресекла деятельность исламистской организации «Совесть», которую с момента выявления она характеризовала как «преступное национальное сообщество, преследующее противогосударственные интересы». Целью этой организации являлось создание на территории России самостоятельного мусульманского государ-

⁶⁰ ГААРК. — Ф. 556. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 36, 228; Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 237. — Л. 4, 7, 81, 158–159, 175; Д. 239. — Л. 102; Д. 348. — Л. 461; Ф. 706. — Оп. 2. — Д. 8, 31.

ства. Севастопольское охранный отдел еще в марте внедрило в ее ряды своего секретного сотрудника — татарского учителя, который собрал сведения о наиболее активных членах и размещении низовых организаций в Симферополе, Бахчисарае, Карасубазаре, Алуште, Старом Крыму, Керчи. Феодосии, Алуште, Ялтинском уезде. Внутренней агентурой был выявлен руководитель «Совести» — Мустафа Курт-заде, который ранее учился в военном училище Константинополя и за участие там в революционном движении находился в розыске турецких властей. Бежав в Крым, он работал в Симферополе учителем и занимался «исламистской деятельностью». Листовки, написанные им, содержали много турецких и арабских слов, что составляло определенные трудности для полиции в их переводе. Секретный агент охранный отделения 17 июля участвовал в организационном исламистами съезде и полиции стали известны фамилии 15 керченских и 9 симферопольских членов «Совести». Сотрудники сыска установили также самую тесную связь руководителей исламистских комитетов с русскими социалистами-революционерами, некоторые из которых даже являлись членами организаций «Совести». 16 сентября, в дни, когда в Крыму на отдыхе находился Николай II, была произведена операция по ликвидации исламистских организаций, в результате которой несколько ее наиболее активных членов были заключены в тюрьму. Но по предложению П. А. Столыпина, опасавшегося, что решительные меры могут радикализировать это движение, арестованные были освобождены⁶¹.

Одним из действенных средств борьбы политической полиции с революционным движением была повсеместная и систематическая проверка политической благонадежности граждан. Как результат этой работы, например, в 1909 г. в Бердянском уезде в список политически неблагонадежных селян были внесены 124 человека. Как высказывался местный помощник начальника ГЖУ. «сознатель-

⁶¹ Там же. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 729. — Л. 7; Ф. 706. — Оп. 2. — Д. 35. — Л. 641.

ный элемент деревни, хотя никаких революционных настроений не проявляет, но при удобном случае может предпринять противоправительственные действия»⁶². С 1912 г. особенно тщательно проверялась политическая благонадежность лиц, прибывавших в Ялту и уезд, в связи с нахождением там царской резиденции. Такая же работа продолжалась и в отношении призывников, дабы не дать проникнуть «революционной заразе» в армию и на флот.

Всегда в прицеле политической полиции находилась печать. В межреволюционный период цензура была ужесточена. По сравнению с периодом политической конфронтации 1905 г. число выходивших периодических изданий уменьшилось в 1910 г. с 35 до 10. Газеты революционных партий, разумеется, были закрыты, типографии конфискованы, как это произошло в июне 1908 г. с «Рабочей правдой» — совместным органом симферопольской и севастопольской организаций эсеров. Об эффективности этой работы местных органов политической полиции свидетельствует следующий факт. В мае 1909 г. в Симферополь и Мелитополь приезжала сотрудница одной из петербургских газет Берта Зелинская, несколько позже ее сын Даниил с целью наладить здесь тиражирование революционной литературы. Они рассчитывали, что на периферии это дело можно выполнить успешнее, чем в столице. Местная агентура в короткий срок выследила заезжих партийцев, и они в сопровождении филеров отбыли ни с чем. Благодаря умелым действиям сотрудников жандармерии и охранных отделений лишь мизерная часть революционной литературы «пробиралась» в Крым и Северную Таврию из других регионов империи и заграничных партийных центров⁶³.

Сотрудники жандармерии и охранных отделений четко отслеживали ситуацию в крае, особенно в период предвыборных кампаний в Государственную Думу 1907 и 1912 гг. Причем активность оппозиционных партий и населения на выборах в III была несколько выше, чем в IV Думу. В 1907 г. у революционных организаций

⁶² ГААРК. — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 239. — Л. 145.

⁶³ Там же. — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 278. — Л. 242–263.

была небольшая возможность легальных действий, поэтому они стали подпольно выпускать большими тиражами листовки, призывавшие бойкотировать выборы в Думу, которые, как и прежде, заканчивались экстремистскими лозунгами: «Долой царя-обманщика и их шайку! К оружию, к восстанию!». Собрания и партийные совещания леворадикалов принимали резолюции о проведении забастовок и террористических актов. В таком же духе вынес решение областной съезд партии эсеров, состоявшийся 5–7 августа в Симферополе, на который прибыли делегаты Севастополя, Екатеринослава, Одессы, Херсона, области войска Донского и Бессарабской губернии. Политическая и общая полиция решительно пресекала проведение каких-либо массовых акций. Благо дело, население в большинстве своем относилось к избирательным кампаниям равнодушно. Таврическое ГЖУ докладывало в Департамент полиции: «Дума немногих интересовала, так как местные жизненные интересы заставляли думать о том, что ближе. Среди народных масс разговоров о ней почти не бывало, не считая, конечно, представителей прессы и среды рабочей, где говорили о Думе в духе своих партийных взглядов, но эти разговоры значения не имели, так как к ним большинство относилось безразлично»⁶⁴.

«Вялое настроение» избирателей наблюдалось и на выборах в IV Государственную Думу. Левые партии к тому времени были ликвидированы, а правые практически бездействовали. Губернскому жандармскому управлению приходилось даже принимать меры повышения активности «Союзов русских людей». Как это произошло, например, в Керчи. В это время политическая полиция зафиксировала более активное участие еврейских интеллигентов прокадетских убеждений. Население же проявило инертность, поэтому власти проинформировали Департамент полиции о том, что избирательная кампания прошла тихо, без инцидентов политического характера.

В поле зрения ГЖУ и охранных отделений всегда находились первомайские праздники, которые в эти годы официально

⁶⁴ ГААРК. — Ф. 706. — Оп. 2. — Д. 31. — Л. 264.

и категорично не запрещались, а поэтому от полицейских органов требовалось лишь недопущение уличных беспорядков, а самое главное — никакой революционной агитации. В отличие от центральных, особенно промышленных, регионов империи трудящиеся Таврической губернии отмечали 1 Мая (18 апреля) «тихо и спокойно». В 1907–1914 г. полиция зафиксировала лишь отдельные факты демонстраций, несколько случаев загородных массовок, а также забастовок, например, в 1908 г. на самом крупной в Крыму табачной фабрике Месаксуди (Керчь), в 1912 г. — в трех городских типографиях Керчи, в 1913 г. — в снарядной мастерской Брянского завода в Бердянске. Из года в год в Департамент полиции поступала одно и та же информация: «пролетарское торжество» не было отмечено ни одним выступлением политического характера, что, как видим, не совсем соответствовало действительности. Иногда подобная информация от центра утаивалась.

Полицейские органы внимательно следили за проявлением в крае рабочего движения. Благо дело, процент «пролетарского элемента» в общей массе городского и сельского населения здесь был незначительным. Поэтому на фоне 9 украинских губерний Крым и Северная Таврия количеством стачек не выделялись. По данным, собранным исследователями Ф. Е. Лосем и П. А. Лавровым, забастовки в губернии были немассовыми и редкими: в 1907 г. состоялось 5, в следующем году — 4, в 1909–1911 — отсутствовали, в 1912 и 1913 гг. — по три, в 1914 — 4. В задачи политической полиции входило недопущение стачек с политическим оттенком. Однако забастовки на предприятиях губернии носили чисто экономический характер. Но было одно исключение, когда в Бердянске 7 июня 1907 г. рабочие машиностроительных заводов, порта и табачной фабрики провели однодневную забастовку в знак протеста против ареста и суда над членами социал-демократической фракции II Государственной Думы. Это явление для Юга Украины было довольно редким⁶⁵. Тем более, что революционное подполье было

⁶⁵ Хроника рабочего движения на Украине (1900–1917 гг.). — К., 1987. — С. 211, 223.

крайне малочисленным, а появляющиеся время от времени из других регионов России эмиссары революционных партий оперативно выявлялись и арестовывались. Крымчане были настроены на спокойный мирный труд, лишь изредка позволяя себе повольнодумствовать на политические темы.

Пожалуй, главным в политическом отношении событием в межреволюционный период стал бунт черноморцев на линкоре «Иоанн Златоуст», который назревал несколько месяцев. Поскольку об этом факте в исторической литературе лишь упоминалось, рассмотрим его подробнее, при этом выделим роль сотрудников политической полиции в защите армии и флота от революционной агитации и пропаганды, тем более что эта тема не получила должного освещения в трудах историков.

Местная жандармерия, помня недавнее прошлое, после 1905 г. очень внимательно изучала политическую благонадежность личного состава флота, в том числе всех призывающихся на службу в Севастополь. В начале 1912 г. были выявлены 146 призывников, имевших контакты на родине с революционными организациями, о чем 29 февраля и 12 марта докладывалось в Департамент полиции России⁶⁶. При этом возможность «впитывать» революционные идеи (хотя и редко) матросы имели, находясь за пределами империи. Например, во второй половине августа 1911 г. команды крейсеров «Иоанн Златоуст» и «Пантелеймон» сходили на берег в турецком порту Синоп. По данным полиции, некоторые срочслужашие встречались там с «потемкинцами» и получили у них «много прокламаций и иной литературы», вскоре обнаруженной и изъятой сотрудниками жандармерии⁶⁷.

Были на флоте и собственные «политические просветители». Судовой врач крейсера «Иоанн Златоуст» Евгений Кириллович Яблонский имел панибратские отношения с матросами и регулярно выступал перед ними с беседами на исторические

⁶⁶ ГААРК. — Ф. 556. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 36.

⁶⁷ Там же. — Ф. 556. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 13–14.

темы: но порой отвлекался от рассматриваемых тем и исподволь давал информацию о турецкой революции, неудачах России в русско-японской войне и т. п. Он объяснял матросам, что такое монархия, конституция, республика. На вопрос моряков, какое правление лучше и почему его не вводят в России, отвечал: «У нас это нелегко сделать, т. к. у нас всякий думает по-своему... Я согласен бы был перевернуть весь строй в государстве, но другие думают иначе». Попутно Яблонский убеждал, что Бога не существует. Вероятно, по партийной принадлежности он был социалистом-революционером, т. к. агенты охраны еще в октябре 1909 г. зафиксировали его регулярные контакты с одним из активных членов партии социал-революционеров Тарановым, арестованным в Севастополе и отправленным в Санкт-Петербургскую тюрьму⁶⁸.

Недовольство порядками на флоте среди нижних чинов накапливалось постепенно и не без влияния «революционной крамолы». Летом 1911 г. матрос линкора «Георгий Победоносец» обращался на сходке за городом к рабочим с революционными речами, а, возвращаясь на корабль на катере, «дерзил» офицерам и читал стихи революционного содержания. За это находился под стражей некоторое время, а позже без денег и паспорта сумел бежать в Румынию и устроился работать на электростанцию. Там он встретил ранее эмигрировавшего таким же образом и по тем же причинам сослуживца Алексея Полякова. В то же время матросы транспорта «Кронштадт» Петр Марченко и Василий Левченко, выявленные политическим сыском, призывали моряков: «Офицеры — наши кровожадные угнетатели, умеют только пьянствовать и давать матросам тяжелые работы, нужно их всех перестрелять». Подобные настроения в начале 1912 г. распространяли Антон Деванисов на линкоре «Синоп», унтер-офицер крейсера «Кагул» Владимир Янкович, матрос Матвей Сиротин на броненосце «Пантелеймон» и некоторые другие⁶⁹.

⁶⁸ Там же. — Л. 15.

⁶⁹ Там же. — Л. 50–51.

Зимой-весной 1912 г. сотрудники Севастопольского охранного отделения все чаще наталкивались на случаи экстремистских настроений военных моряков. Приведем лишь два примера. 22 февраля матрос Петр Кузнецов проводил агитационную работу в туалете флотского экипажа среди новобранцев, которым говорил, что за службу на флоте ничего не получил, лишился только здоровья, ничего не имеет, между тем как другие имеют все, ругал власти, закон и даже бога матерными словами. «Матросы все терпят и молчат, — заключал Кузнецов, — надо приняться за дело». 27 марта матрос 2-й статьи линкора «Иоанн Златоуст» Иван Неделькин за нарушение воинской дисциплины был отправлен на гауптвахту. Покидая корабль, он непристойными словами оскорбил вахтенного офицера Четверухина, а боцману Боженко гневно бросил: «Кровопийца, ты рад, что меня отправляют в арестный дом. Я таких грачей, как ты, истреблял в 1905 году, а тебя в 1913 истреблю; я буду с тебя полосами шкуру драть»⁷⁰.

Революционеры по-прежнему делали ставку на матросов и солдат как на боевую силу в борьбе с царизмом. В апреле рабочий Севастопольского порта Филипп Шупеник говорил: «Рабочий люд сам ничего не сможет сделать, не пойдет же он (против самодержавия. — В. К.) с молотками, а потому и взялся по примеру Турции и Китая за армию и флот». Но в 1912 г. матросы не доверяли гражданским партийным функционерам и действовали в основном самостоятельно. По словам того же Шупеника, на флоте действовала маленькая, но строго законспирированная революционная группа, которая попыталась в мае провести сходку за городом, но не смогла, т. к. была раскрыта сотрудниками политической полиции.

В первых числах апреля на «Иоанне Златоусте» уборщики нашли рукописную листовку «К товарищам», которая содержала призывы к матросам и солдатам не повиноваться начальству и не исполнять служебные обязанности, дабы заставить улучшить материальное положение нижних чинов. Автор листовки матрос Иван

⁷⁰ Там же. — Л. 11–12.

Зеленин был заключен под стражу и допрошен, но виновным себя не признал. Так впервые в поле зрения севастопольского охранного отделения попал один из будущих подстрекателей бунта. На него было заведено досье, которое стало быстро пополняться.

Начальник Воронежского губернского жандармского управления в ответ на запрос из Севастополя сообщил, что в январе 1911 г. Зеленин, направляясь в отпуск в Тамбовскую губернию, рассказывал попутчикам-пассажирам: «Матросы теперь не такие, как прежде, что теперь как только соберутся их 10–12 человек, сейчас же начинают суждения: из-за чего они служат, когда земли совсем не имеется, что Государственная Дума ничего не делает для крестьян, а только проживает и проедает народные деньги, получая большое жалованье, что, если за это дело не возьмется армия, то никакого улучшения крестьянам не будет...»⁷¹.

18 апреля при загадочных обстоятельствах покончил жизнь самоубийством (официальная версия. — В. К.) артиллерийский унтер-офицер 1-ой статьи Иван Бирюков, якобы сам бросившийся в 4 утра в открытое море. Мотивы поступка этого усердно относящегося к службе и дружелюбно контактировавшего с матросами сверхсрочнослужащего ни дознанием, ни предварительным следствием не были установлены. И хотя было отмечено, что Бирюков был связан с матросами, «скомпрометированными в политическом отношении», следствие было прекращено за отсутствием в деянии должностных лиц нарушений военно-морской службы. Изучив ныне материалы этого дела, а также показания по делу о беспорядках на линкоре «Иоанн Златоуст», можно выдвинуть три версии, ни одна из которых не позволяет сделать определенные выводы.

Первая. Во время учебного похода И. Я. Бирюков находился в лазарете. У него были продолжительные и изнурительные головные боли, что ставит под сомнение его психическое здоровье и объяснить суицид. Вторая. После смерти Бирюкова на имя старшего артиллерийского офицера Колечицкого стали по-

⁷¹ Там же. — Л. 14.

ступать анонимные письма (матрос Жук. — В. К.), в которых указывалось, что покойный возглавлял на корабле революционную группу нижних чинов, поставивших цель поднять бунт. При обыске квартиры Бирюкова обнаружена революционная литература и раскрыта его связь с В. П. Ланцевым, сосланным в Сибирь за революционную деятельность. Допросы сослуживцев показали, что унтер-офицер имел близкие отношения (часто беседовал, читал какие-то книги) с застрельщиками бунта Тарасом Селюковым и Иваном Зелениным. К последнему, по дознанию, перешло руководство этим «преступным сообществом». Но по показаниям того же матроса Жука И. Я. Бирюков в последний момент почему-то отказался возглавить бунт, что, возможно, толкнуло его на самоубийство. И третья версия. Экстремистски настроенная группа матросов могла расправиться с Бирюковым за «трусость». На такую мысль наталкивает то обстоятельство, что по следствию никто из вахтенных матросов не видел момента гибели унтер-офицера, что практически невозможно. Это, естественно, породило слухи. Среди команды броненосца «Пантелеймон» шли оживленные разговоры и высказывалось предположение, что Бирюкова выбросили в море умышленно, заподозрив в связях с жандармерией, причем матросы выражались так: «Это человек, который мог засыпать всех».

Факту гибели И. Я. Бирюкова морские судебные власти не придали серьезного значения, не увидели в нем «революционной подкладки» и даже не проинформировали вышестоящие органы, за что 12 июня получили замечание от Министра внутренних дел⁷². Такой промах сотрудники политического сыска Севастополя вряд ли бы допустили.

Агенты охранного отделения и жандармского управления накапливали материал о готовящемся бунте, но выжидали, когда его застрельщики себя проявят, четко высветятся их намерения. 19 апреля 1912 г. матрос 2-ой статьи с того же линкора «Иоанн Златоуст» Василий Кириллов «за неисправно-дурное

⁷² Там же. — Л. 5, 114; Д. 8а. — Л. 7-15.

Местная жандармерия по своим каналам выяснила, что у инициаторов бунта не было единых и четких политических планов проведения «беспорядков». Одни высказывались начать их в мае, когда император будет находиться на отдыхе в Ливадии. Предполагалось захватить корабль, офицеров выбросить за борт и направиться на Кавказ, где ограбить монастырь «Афон» («захватить казну»), а потом уже в Ялте арестовать государя и узнать у него «всю правду». Матросы хотели спросить у Николая II: «Почему в России морякам, крестьянам и всем плохо живется, почему матросы долго служат и мало получают жалованья, не так как во Франции и других странах?». Если царь «скажет правду», то матросы намеревались предоставить ему высокую должность в государстве, но государем он уже не будет. Если не скажет, то «резать его по кусочкам». Какая форма правления после этого будет в России, моряки не говорили, но сотрудники полиции «политической безопасности» предполагали: раз они хвалили Францию, то по-видимому, хотели учредить республику.

Другие застрельщики бунта планировали после захвата корабля и убийства офицеров направиться в Одессу за топливом и пресной водой, где рассчитывали на поддержку местного гарнизона. Затем осуществить «легкую» бомбардировку Ялты, не повреждая Ливадийского дворца, и, высадив десант, арестовать государя.

Были и другие планы, но все они, подчеркнем, включали такой элемент, как поддержка бунтовщиков матросами других кораблей и местных сухопутных частей, а также гражданским населением. По показаниям матроса Бугайченко, «главари» говорили: «Когда перебьем всех драконов (офицеров. — *В. К.*), пойдем по берегу, заберем береговые города, а там много таких найдется, что к нам примкнут; найдутся люди, которые будут нами управлять». Некоторые «вожаки» так видели развитие событий: «Государя умертвить. Если поддержат на берегу флот, будет выборное правительство, внутри империи аграрные беспорядки, в результате которых земля у помещиков, монастырей и удельного ведомства будет конфискована; все лица, недовольные новыми законами, будут убиты (даже бедные)». В случае неокказания поддержки бунту и его провала, матросы рассчиты-

вали «ограбить прибрежные города», уйти за границу, где все корабли продать, доходы поделить между собой и предоставить каждому возможность «идти, кто куда хочет»⁷⁴. Все эти злонамерения черноморцев стали известны благодаря стараниям хорошо поставленной внутренней агентуры.

Хотя касавшиеся этой темы советские авторы голословно утверждали, что «восстание тщательно готовилось», а черноморцы действовали под руководством одесских и севастопольских большевиков, брожение было спонтанным и представляло собой авантюру группы экстремистски настроенных моряков, не принадлежавших к какой-либо партии. Тем более, что в городе последних не было, а другие корабли эскадры это «революционное мероприятие» не поддержали. Это подтверждают материалы следствия⁷⁵.

Как только сотрудникам политической полиции стало известно, что матросы линкора «Иоанн Златоуст» намереваются во время учений в Тендровском заливе «произвести беспорядок», были приняты решительные меры: 1) 28 мая полковник Попов доложил командующему морскими силами Черного моря вице-адмиралу Эбенгарду о готовящемся бунте и предложил произвести обыски и аресты инициаторов, но последний не одобрил такие меры, т. к. они, по выражению Эбенгарда, «произведут большую сенсацию и могут раздуть это дело на всю Россию». Военно-морское командование и руководство политической полиции договорились о списании с корабля 11 матросов, причастных к авантюре: Тараса Селякова, Александра Карпишина, Павла Сенько, Михаила Полуэктова, Петра Веселкина, Григория Бородина, Пантелея Коваленко, Степана Дмитриева, Иосифа Васина, Конона Зорича, Матвея Сиротина. Об этом было доложено Морскому министру России; 2) памятуя о том, что бунт на броненосце «Потемкин Таврический» вспыхнул там же, Попов

⁷⁴ Там же. — Л. 102, 146, 190.

⁷⁵ Лебедев М. И. Революционный Севастополь. — Симферополь, 1928. — С. 32; Широков В. А. Документы рассказывают // Крымская правда. — 1962. — 11 ноября.

обратился к начальнику жандармского управления г. Одессы с просьбой провести проверку политической благонадежности лиц, проживающих на берегу Тендровского залива, что и было оперативно сделано; 3) военно-морские учения 8 июня были остановлены, а эскадра возвращена на место постоянной дислокации; 4) командир корабля капитан 1 ранга Дмитриев вооружил всех офицеров револьверами, усилил вахтенную службу и особенно посты жизнедеятельности корабля.

Севастопольские политическая полиция и военно-морские судебные власти принимали меры к недопущению революционной пропаганды на кораблях со стороны гражданских лиц. 12 июня 1912 г. начальник ГЖУ Попов докладывал директору Департамента полиции: «Агитации с берега агентурой не отмечено, напротив получались прямые агентурные указания, что штатский элемент в агитации отсутствует; пять скомпрометированных рабочих, связанных с матросами, ликвидирую». Попов был убежден в том, что «предполагаемый беспорядок среди судовых команд организовывался исключительно матросами на почве недовольства существующим режимом и наступившими строгостями (службы. — В. К.), к которым матросы не привыкли и все помнят свободу 1905-1906 гг.; строго политической подкладки готовящийся беспорядок не имел». Хотя начальник охранного отделения понимал, что флот все более пополняется квалифицированными рабочими (машинистами, слесарями и т. п. — В. К.), «народом уже распропагандированным» революционными партиями на родине, и матросов не нужно «агитировать со стороны, из них имеется несколько вполне могущих выступать сами агитаторами». Того же мнения придерживался и прокурор военно-морского суда генерал-майор Кетриц: «В деянии матросов никакой политики нет». Вице-адмирал Эбенгард имел иную точку зрения и утверждал, что «беспорядки на флоте возникают не без агитации штатских, но на это доказательств нет». Он исходил в своих рассуждениях из того, что в 1911 г. следствие по делу о бунте на Балтийском флоте показало тесную связь гражданских революционеров и военных моряков.

Материалы следствия, многочисленные агентурные данные, собранные сотрудниками политического сыска и жандармерии, убеждают в том, что акты воинского неповиновения моряков-черноморцев в 1912 г. не имели четкой политической окраски и предпринимались без влияния революционного подполья. Севастопольское охранное отделение уверенно докладывало: «Связей недовольных матросов с посторонними лицами на берегу не имеется, о существовании каких-либо агитаторов из вольных лиц не слышно, матросы их даже не хотят, т.к. их главная цель «научить офицеров дисциплине». К этому выводу пришел и прокурор города тайный советник Матвиенко, заявивший: «Все дело возникло на почве недовольства матросов командным составом»⁷⁶.

По выражению Попова, после принятых оперативных мер «дело беспорядка было проиграно». Затея матросов ни к чему не привела, за исключением разве что замены командира крейсера «Пантелеймон» новым, при котором качество приготовления пищи улучшилось.

Вскоре последовали карательные меры: были арестованы 16 зачинщиков, 11 из которых приговорены к расстрелу, но казнены 10 июля только трое — гальванер Зеленин, машинист Карпишин и электрик Селяков (остальные отправлены на пожизненную каторгу), и пятеро приговорены к разным срокам каторжных работ. Если верить публикациям склонной к преувеличению большевистской «Правды», более 150 матросов были переведены на службу в Балтийский флот и Каспийскую флотилию⁷⁷.

По идентичной с июньским «выступлением» схеме развивались события на ряде кораблей в июле 1912 г. В дни учений в Тендровском заливе в матросской среде будировалась мысль о поддержке златоусцев, были порывы «поднять общее восстание как в 1905 году» и «действовать по программе 1905 г. но с большим успехом». «Подготовкой бунта на крейсере "Память

⁷⁶ ЦГА АРК. — Ф. 556. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 36: 40–41, 170.

⁷⁷ Правда. — 1912. — 1, 12 и 14 июля.

Меркурия" руководил унтер-офицер Василий Величко, а позже "главным" стал матрос Тимофей Доля».

Как и по «июньскому делу», следствие выявило участие матросов в серии сходок: в апреле, 15 и 22 июля — в Ушаковой балке, 13 мая — в Бельбекской роще, 13 и 20 мая — за Малаховым курганом, в разное время — на Черной речке и в Инкермане. а совещания небольших групп — в гостиницах, кофейнях, съестных лавках и на частных квартирах. И хотя обвинительный акт заключал, что «уловить связь с определенными гражданскими лицами, партийными деятелями или революционными организациями не представлялось возможным», все же сотрудники политического сыска располагали отрывочными сведениями о контактах матросов с Севастопольским и Одесским комитетами партии социалистов-революционеров. Не дождавшись сигнала с «Иоанна Златоуста» и узнав о возвращении эскадры из Гендры, о первых репрессивных мерах, инициаторы на других кораблях пришли в замешательство, вскоре все же решили начать бунт во время учений у берегов Новороссийска. Они рассчитывали повести захваченные корабли в Афон, затем в Одессу, а также поднять общее восстание в Севастополе, где крепостной гарнизон якобы был уже готов примкнуть к ним. Внутренняя агентура зафиксировала случаи сбора денег, попытки приобретения револьверов и патронов матросами крейсера «Память Меркурия», линейных кораблей «Евстафий» и «Пантелеймон».

Но за несколько часов до бунта 26 июля начались репрессии. По доносу Ивана Круглова были осуществлены аресты в три приема (36, 15 и 18 человек), после чего «настроение команды было подавленное», и она стала исполнительнее.

Как и на «Иоанне Златоусте», вожаки экстремистски настроенных матросов были политически неподготовленными. Так, матрос транспорта «Кронштадт» Андрей Шомин характеризовался как недисциплинированный моряк, выпивоха и прогульщик учебных занятий. Когда его спросили о партийной принадлежности, он ответил: «По убеждениям я больше, чем революционер». Выступая на сходках весной 1912 г., он обвинял всех революционеров за поражение революции 1905–1907 гг. т. к. «они

грабили, убивали и этим вызывали усиление штата полиции». «Тем путем, которым идут социал-демократы. — утверждал А. Шомин, — никогда ничего добиться нельзя». Этот зачинщик бунта на своем корабле был ярким сторонником террора.

Дело о брожении среди черноморцев во время похода вдоль кавказских берегов расследовалось со всей тщательностью. Были допрошены 344 свидетеля, в том числе 200 — со стороны защиты⁷⁸.

Предупредительные меры по «июльскому» делу черноморцев были гораздо жестче. 287 сочувствующих златоустцам матросов списали с кораблей, в том числе с крейсера «Кагул» — 81, «Памяти Меркурия» — 61, «Иоанна Златоуста» — 50. «Пантелеймона» — 47. «Ростислава» — 9, «Синода» — 3. «Трех святителей» — 2. миноносцев «Зацаренный» и «Лейтенант Шестаков» — по одному матросу. Были арестованы 139 черноморцев, участвовавших в действиях «с целью нарушения долга службы». Из них 16 ноября расстреляны 11, приговорены к бессрочным каторжным работам — 5, остальные получили от 4 до 8 лет каторги, 19 — оправданы⁷⁹.

И хотя политический оттенок происходивших на кораблях событий четко не просматривался, в начале августа Севастополь был переведен на чрезвычайное положение, согласно которому строго запрещалась продажа нижним чинам оружия, предметов казенного обмундирования, спиртных напитков, гражданской одежды, а также матросам не разрешался ночлег в гостиницах и постоялых дворах. Горожане, нарушавшие обязательное постановление властей, наказывались штрафом в 500 рублей или 3-месячным арестом⁸⁰.

Уроки «матросских беспорядков» 1912 г. заставили органы крымской политической полиции усиливать работу по проверке политической благонадежности личного состава армии и флота. Так, из 3999 новобранцев, прибывших на Черномор-

⁷⁸ ЦГА АРК. — Ф. 556. — Оп. 1. — Д. 8а. — Л. 17-55.

⁷⁹ Там же. — Д. 2. — Л. 28-32; Д. 8а. — Л. 214-215, 225.

⁸⁰ Там же. — Д. 8а. — Л. 16.

ский флот в 1914 г., обнаружены 8 человек, имевших связи с революционным подпольем; из 3855 призванных служить в сухопутные части Севастопольского гарнизона на 10 солдат из мест призыва поступили «неблагоприятные сведения политического характера»⁸¹.

Хотя проверки проводились регулярно и ранее, иногда находился и весомый повод. Например, подобное мероприятие было проведено накануне очередного приезда Николая II на отдых в Крым. 30 августа 1911 г. за несколько дней до визита императора начальник Севастопольского ГЖУ полковник Попов передал вице-адмиралу Эбенгарду список из 92 политически неблагонадежных нижних чинов. Попутно скажем, что появление на полуострове высочайших особ обеспечивалось всем составом политической полиции. Так, в октябре 1907 г. в имение Ай-Тодор приехал из Дании великий князь Михаил Александрович, а Таврическое губернское жандармское управление заблаговременно получило распоряжение обеспечить «благополучный проезд его соответствующими мерами и негласным сильным сопровождением». Последний раз император был в Крыму в июне 1914 г. В это время он пожаловал начальника Таврического ГЖУ Ф. Плато за сопровождение в Асканию-Нова и обратно золотыми запонками с бриллиантами, а помощника начальника ТГЖУ по Симферопольскому и Перекопскому уездам — золотым портсигаром⁸².

Одной из основных функций Таврического губернского управления и его подразделений на местах продолжало оставаться производство дознаний по делам о государственных преступлениях и «исследований» политической благонадежности граждан. Количество дознаний росло даже в период укрепления политической стабильности постоянно росло, что убедительно показывает составленная нами таблица:

⁸¹ ГААРК. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 882. — Л. 114.

⁸² Там же. — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 208. — Л. 101; Д. 433. — Л. 27.

**Объем переписки
по производству дознаний и наблюдательной части
(число полученных и высланных документов)**

	По ГЖУ	Симферополь и Перекопск	Керченское градоначальство и сорт	Феодосийский уезд	Керченская жандармская команда	Мелитополь и Бердянск	Всего	%	
1908:									
Входящие	6874	338	1814	1065	268	1548	11907	22%	
Исходящие	6385	175	1641	1285	152	1601	11239		
1910:									
Входящие	7771	387	1769	1045	Реформировавша	1797	12769	24%	
Исходящие	7411	77	1376	1058		1824	11746		
1913:									
Входящие	16176	1589	2413	2617		5415	28210	54%	
Исходящие	15250	1132	1977	2509	7430	28298			
Итого:									
Входящие	30821	2314	59%	4727	268	8760	52886		
Исходящие	29046	1384	4994	4852	152	10855	51283		
ВСЕГО:	59867	3698	10990	9579	420	19615	104169	100%	

Источники: ГААРК. — ф. 706. — Оп. 1. — Д. 287. — Л. 48; Д. 365. — Л. 9; Д. 407. — Л. 7.

Приведенные данные также демонстрирует огромную переписку и документацию, которую вел небольшой по численности штат жандармских формирований губернии, по выражению А. Н. Ярыша, тонувший в эти годы «в бумажном море».

Первая мировая война и вступление в нее России потребовала особого напряжения в деятельности органов политической полиции. Хотя в первые недели после ее объявления оснований для тревог не давали, так как повсеместно, в том числе и в Таврической губернии, наблюдался всплеск патриотических настроений населения. По краю прокатилась волна «трогательных по искреннему чувству» манифестаций. Генерал-губернатор тогда отмечал: «Такого сознательного, глубокопатриотического и в то же время в высшей степени серьезного отношения к событиям дня никогда еще не наблюдалось, как никогда не наблюдалось столь отрадного полного единения всех слоев и национальностей населения». При этом глава губернской администрации подчеркивал «полный отказ от политической деятельности даже со стороны несомненно левого элемента»⁸³.

Война внесла коррективы в перечень функциональных обязанностей и условия службы сотрудников политической полиции. Еще пристальнее они стали следить за политическими настроениями сограждан. 6 октября начальник ГЖУ Фон Плато информировал губернатора: «В течение минувшего сентября месяца общее настроение масс во вверенном моему наблюдению регионе было спокойное. В крестьянской среде никаких беспорядков и выступлений политического характера не происходило, а также не получено указаний на распространение в крестьянстве ложных слухов тревожного характера. Случаев забастовок среди фабрично-заводских и портовых рабочих, а равно попыток к устройству таковых не было: все партийные интересы отодвинуты войною на задний план. Агитационная деятельность со стороны революционных элементов среди интеллигентных слоев общества, в просветительских организациях, среди чинов-

⁸³ Там же. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 882. — Л. 210–212, 232.

ничества, учащейся молодежи и лиц свободных профессий совершенно не проявляются». Действительно, первоначально первые месяцы участия России в войне никакой тревоги или напряжения в службе сотрудников «политической безопасности» не вызывали. По губернии прокатилась волна «трогательных по искреннему чувству» патриотических манифестаций⁸⁴.

Если в конце 1914 — начале 1915 г. у жителей края «сохранялось патриотическое чувство по отношению к войне, несмотря на чувствительный материальный ущерб», то с весны 1915 г. настроение меняется, интерес к военным событиям ослабевает и даже проявляется пессимизм, неверие в победу России. По агентурным сведениям, в среде интеллигенции усиливаются прокадетские настроения и даже полевание в связи с деятельностью Государственной Думы и изменением политической ситуации в годы войны.

С этого времени никакие выступления и собрания не допускались, даже патриотические демонстрации не приветствовались. Министр внутренних дел Маклаков прислал в Крым шифрованную телеграмму, которая жестко требовала: «Всякие беспорядки должны быть пресекаемы в самом начале, а сборища рассеиваемы. В случаях малейшего сопротивления толпы должно решительно принимать крайние меры вплоть до употребления согласно существующих правил оружия. При наличности тревожного настроения в больших городах или крупных фабричных поселениях и недостатке в них полиции или войск стягивайте к ним уездную стражу. Напоминаю о настоятельной необходимости самым внимательным образом относиться к настроению населения и ко всем явлениям общественной жизни, учитывая их сообразно переживаемому времени. Погромы, насилия и бесчинства нетерпимы. Положение чрезвычайной охраны дает губернаторам и градоначальникам достаточно полномочий для того, чтобы обеспечить неприкосновенность жизни и достояние всех и каждого. Всякие колебания, растерянность и неуверенность действий полиции при беспорядках улицы

⁸⁴ ГААРК. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 882. — Л. 210–212, 232.

преступны, ответ за них и за спокойствие в губернии и градоначальствах лежит на полицейской власти и на тех, кому ВЫСОЧАЙШЕЙ властью поручено руководствоваться работой. Указания мои прошу принять к точному исполнению под личную Вашу ответственность»⁸⁵.

К числу новых функций сотрудников политического сыска добавилась борьба с шпионажем. В Севастопольском крепостном районе для этого 22 декабря 1914 г. была создана специальная комиссия во главе с градоначальником контр-адмиралом Бурлем. в которую вошли начальник городского жандармского управления полковник Глобачев, начальник крепостной жандармской команды подполковник Полянский, начальник Севастопольского отделения Харьковского жандармского управления железных дорог подполковник Чероков, делопроизводитель Отдельного корпуса жандармов штабс-ротмистр Мавродин и др. Она выработала следующий ряд мер по усилению борьбы с шпионажем: на границах крепостного района были сформированы 6 военно-полевых застав (в состав каждой обязательно входил жандармский унтер-офицер), на которых установлены телефоны, выделен автомобиль, комнаты для отдыха, дополнительное жалованье; была запрещена продажа билетов на поезда южнее Симферополя: разработана специальная инструкция для жандармских унтер-офицеров, проводивших проверку пассажирских билетов; австрийские, германские и турецкие подданные задерживались, а также была организована перлюстрация⁸⁶. Позже, в августе 1915 г., эти меры были дополнены следующими:

1. В связи с участвовавшими случаями приезда в Россию разведчиков с паспортами дружественных или союзнических держав, въезд в Севастополь всем иностранцам был запрещен (за исключением консулов или имеющих удостоверения МВД).

2. Производилось отселение из Таврической губернии иностранных подданных в Томскую губернию.

⁸⁵ ГААРК. — Ф. 706. — Оп. 1. — Д. 426. — Л. 20.

⁸⁶ Там же. — Ф. 556. — Оп. 3. — Д. 41. — Л. 8, 20, 36, 42, 82-83.

3. Все въезжающие в Севастопольский крепостной район должны на станции заполнять в обязательном порядке опросные листы;

4. Туристам и беженцам посещать Севастополь было категорически запрещено.

5. Жандармское управление осуществляло проверку всех поступающих в город телеграмм.

6. На 3 единицы увеличивался штат цензуры⁸⁷.

В январе 1916 г. на плечи общей и политической полиции легла еще одна обязанность — выявлять солдат-дезертиров и беглых нижних чинов, осужденных военно-полевыми судами. Местные органы «политической безопасности» усилили наблюдательную деятельность, организовали наряды из чинов полевых жандармских эскадронов, военно-полевые полицейские посты и заставы на железнодорожных станциях. Проезд в трамваях и выход в город после 21.00 нижним чинам запрещались. Проводили регулярные проверки гостиниц и заведений общественного питания⁸⁸.

В то же время в обязанности сотрудников не только общей, но и политической полиции вменялась «решительная и планомерная борьба с взвинчиванием цен на продукты первой необходимости» (! — В. К.). Телеграмма МВД требовала каждое заявление о злоупотреблениях и нарушениях в торговле принимать к расследованию, строго наказывать за сокрытие продуктов, контролировать состояние рынков и соблюдение нормирования цен, вести наблюдение за купцами, крупными оптовыми торговцами и выявлять перекупщиков, относится к этой работе как к делу государственной важности⁸⁹. При этом негативным явлениям в финансово-торговой сфере придавалась политическая окраска, о чем свидетельствует следующий приказ по Отдельному корпусу

⁸⁷ ГААРК. — Ф. 325. — Оп. 1. — Д. 152. — Л. 264; Ф. 556. — Оп. 3. — Д. 41. — Л. 141.

⁸⁸ Там же. — Ф. 325. — Оп. 1. — Д. 141. — Л. 3.

⁸⁹ Там же. — Л. 1.

жандармов: «По полученным сведениям в настоящее время революционеры, их вдохновители евреи и тайные сторонники Германии намерены вызвать общее недовольство в народе и протест против войны путем создания фиктивного голода и вызова вздорожания продуктов первой необходимости. Для этого злонамеренные коммерсанты скрывают товары, замедляют доставку их на места, задерживают разгрузку на железнодорожных станциях. Кроме того, эти предатели родины стремятся внушить населению недоверие к русским деньгам, обесценить таковые. создать панику и заставить вкладчиков брать свои сбережения из сберегательных касс. Металлическую монету они припрятывают и скупают, а по поводу выпуска марок разменных распространяют слухи, что правительство обанкротилось. Сообщая об этих преступных деяниях врагов отечества, для сведения, предписываемого отнюдь не разглашая изложенных здесь сведений, усилить наблюдение за появлением разных волнующих население слухов, а также за деятельностью купцов, немедленно пресекать всякие попытки к сокрытию товаров и поднятию цен на жизненные продукты⁹⁰.

Тщательно следя за настроениями жителей края, органы политической полиции готовились встретить новую революционную волну. И для этого были основания. Весной в поле зрения крымского политического сыска попал Ялтинский «военно-революционный союз», состоявший по агентурным сведениям из 44 членов. Эта организация поставила перед собой антивоенные и антиправительственные цели. Органы крымской политической полиции, уже имевшие достаточный опыт борьбе с революционным движением, оперативно выявили этот «союз» и не дали ему развернуть свою работу⁹¹.

19 марта 1916 г. директор Департамента полиции генерал-майор Климович обязал губернские власти готовиться к случаям народных беспорядков. Спустя две недели вице-губернатор

⁹⁰ Там же. — Л. 12.

⁹¹ ГААРК. — Ф. 556. — Оп. 1. — Д. 16. — Л. 20-25, 58.

С. С. Дьяченко провел совещание с руководителями общей и политической полиции, причастных к этой работе губернских учреждений и командирами воинских гарнизонов, на котором были разработаны специальные мероприятия и утверждены инструкции для командиров воинских частей. Военные силы привлекались по причине малочисленности полиции. Чтобы революционная «зараза» не распространялась, на местах было запрещено публиковать сведения о народных волнениях, протестов и других «вспышках» негодования граждан⁹².

Говоря о настроениях жителей губернии в конце 1916 г., начальник губернского жандармского управления отмечал, что «общество нервнует не столько война, ее ужасы, сколько с каждым днем развивающиеся неурядицы и беспорядки внутренней жизни» страны. Особое возмущение вызывали у людей дороговизна и нехватка продовольствия и товаров первой необходимости.

Раскаты Февральской революции были уже близки, и это чувствовалось в Крыму. 9 февраля 1917 г. начальник губернского жандармского управления докладывал генерал-губернатору, что крайнее недовольство населения растет с каждым днем, интеллигенция с нетерпением ждет думской работы и рассчитывает получить от нее желанные результаты, а в низших слоях, недовольных безрезультатностью борьбы с дороговизной жизни, настроение «приподнятое» и можно ожидать в любой момент крупных беспорядков⁹³.

⁹² ГААРК. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 1094. — Л. 29.

⁹³ Там же. — Д. 1142. — Л. 3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во второй половине XIX — начале XX в. Таврическая губерния была покрыта густой сетью административно-полицейских органов, качественный состав которых не претерпевал серьезных (за исключением появления уездной стражи) изменений и всегда был недостаточным как в годы «революционных бурь», так и в спокойное в политическом отношении время. В общей полиции в начале прошлого столетия служило около 1,5 тысяч, а в политической — более 200 человек. Один полицейский чин проходил на 1 тысячу жителей края. Для сравнения: ныне в Украине на одного сотрудника милиции приходится 250 жителей. Местные власти постоянно заботились о качестве кадрового состава административно-полицейских органов. Причем профессиональная подготовленность сотрудников политического сыска была выше, чем в общей полиции. Несмотря на высокую текучесть кадров и недостаточное материальное обеспечение, полицейские органы все же в основном справлялись с возложенными на них функциями и обязанностями, осознавая специфику развития политического процесса в Крыму.

Губернаторы и органы общей и политической полиции имели достаточно четко разработанную нормативно-правовую основу для своей работы по наведению общественного порядка, пресечению антиправительственных действий и пропаганды. Однако в разные периоды политической активности населения нормативно-правовая база различалась, корректируясь много-

численными циркулярами и другими документами, то есть органы крымской политической полиции имели возможность использовать широкий спектр мер для сохранения политической стабильности и гражданского спокойствия в крае.

В первые годы прошлого столетия по ряду причин (малочисленность и неопытность кадров, недостаточное финансирование, отсутствие отлаженной внутренней агентуры, размах революционной работы и т. д.) административно-полицейские органы края первоначально не могли действовать с достаточной решительностью и эффективностью. В новых для них условиях нарастания политической напряженности они набирались выучки и опыта в ходе борьбы с революционизированием населения.

Все же в 1901–1904 гг., несмотря на издержки и просчеты в работе в этом направлении, крымская политическая полиция сумела удержать революционно настроенных жителей Крыма и Северной Таврии от открытых политических выступлений.

В 1905 г. административно-полицейские органы Крыма и Северной Таврии при серьезной поддержке военных формирований справились со своей задачей и не допустили эскалации насилия и сокрушения государственных устоев, однако в своей деятельности они допускали тактические просчеты и не всегда своевременно принимали адекватные меры. События осени 1905 г. убедительно показали, что политизированность органов правопорядка недопустима, а тем более — участие их на одной из противоборствующих сторон. Кроме тактической гибкости, в условиях политической конфронтации, в действиях силовых органов должны обязательно присутствовать оперативность и слаженность.

Широта, массовость и натиск революционного движения влияли на методы и формы, приемы и средства деятельности правоохранительных органов. Используя весь их спектр и совершенствуя в ходе политической конфронтации, несмотря на ограниченные возможности органам крымской политической полиции все же удалось выявить до и в ходе революции практически все низовые организации 12 революционных партий Крыма и Северной Таврии, а также не допустить эскалации насилия и анархии в регионе.

На спаде революции местные административно-полицейские органы оказались в сложных и непривычных условиях политической дестабилизации. Не расписываясь в своей беспомощности, а порой растерянности, встревоженные падением у населения престижа полиции, они настойчиво повели борьбу с революционным терроризмом. Оказавшись заложниками политической ситуации, не обладая достаточным опытом и кадровым составом, первоначально органы политической и общей полиции допускали в своей деятельности промахи и порою терпели неудачи. Однако, получив от МВД правовую базу для применения решительных репрессивных действий и приложив немалые усилия, к середине 1908 г. справились с поставленной задачей по ликвидации революционных формирований и сбили волну политического терроризма в крае. Это дает возможность утверждать, что деятельность политической полиции в 1905–1907 гг. в целом была успешной, хотя и не застрахованной от сбоев.

В 1907–1914 гг. органы политической полиции Таврической губернии совершенствовали возможные средства и методы для пресечения деятельности революционных формирований. Губернское жандармское управление четко отслеживало политические настроения населения и успешно ликвидировало любые попытки его революционизирования. В результате политическая активность населения спала, а забастовочное движение приобрело устойчивую тенденцию к снижению.

В межреволюционный период местные органы жандармерии и охранных отделений достойно реагировали на революционные брожения черноморцев, своевременно пресекали попытки бунтов на Черноморском флоте, которые не состоялись благодаря согласованным действиям военно-морского командования и органов политической полиции, слаженности и оперативности работы последних. Используя широкий спектр как профилактических, так и репрессивных мер, сотрудники политического сыска и жандармерии поставили надежный заслон «революционным мероприятиям» как в мирное, так и в условиях военного времени. В эти годы они смогли обеспечить политическую стабильность, общественный порядок и гражданское спокойствие, которое было прервано Февралем 1917 года.

ЛИТЕРАТУРА

Адрес-календарь и справочная книга Таврической губернии. — Симферополь, 1908.

Адрес-календарь на 1908 г. по Севастопольскому градоначальству. — Севастополь, 1908.

Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Кризис власти в России. Реформы и революционный процесс 1905 и 1917 гг. // Реформы или революция? Россия 1816–1917. — СПб., 1992. — С. 7–18.

Ансимов Н. Н. Охранные отделения и местные власти России в начале XX в. // Советское государство и право. — 1991. — № 5. — С. 119–125.

Анучин Е. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с 1775 г. — СПб., 1872.

Бровцинова Е. П. Карательное законодательство царизма в борьбе с революцией 1905–1907 годов // История СССР. — 1975. — № 5. — С. 110–117.

Белецкий С., Руткевич П. Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. — СПб., 1913.

Васильева Н. Я., Гальперин Г. Б., Королев А. И. Первая российская революция и самодержавие (Государственно-правовые аспекты). — Л., 1975. — 151 с.

Воробейникова Т. У., Дубровина А. Б. Преобразование административно-полицейского аппарата, суда и тюремной системы России во второй половине XIX в. (Учебное пособие). — К., 1973. — 67 с.

Вязьмитинов М. Н. Жандармы и армия: политический сыск и вооруженные силы России в революции 1905–1907 гг. // Военно-исторический журнал. — 1995. — № 1. — С. 89–93.

Гаврилов Ю. Зубатовщина или «полицейский социализм» // Огонек. — 1989. — № 51. — С. 12-14.

Гелис И. Симферополь в первой российской революции (1905 г.) // «Революция в Крыму». — 1925. — № 1.

Греков Б. И., Шаццло К. Ф. Динамика социально-политической направленности в России 1895–1913 гг.: опыт политического анализа // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. Сборник статей. — М., 1992. — С. 17–40.

Греков Б. И., Шаццло К. Ф., Шолохаева В. В. Эволюция полицейской структуры России в конце XIX — начале XX в. (18895–11913) // История СССР. — 1988. — № 5. — С. 36–53.

Григорович И. К. Воспоминания бывшего морского министра (1909–1917) // Вопросы истории, естествознания и техники. — 1990. — № 3, 4; 1991. — 1, 2.

Губенко Г. Революционное движение в Таврической губернии в 1905–1907 гг. — Симферополь, 1955.

Дерюжинский В. Ф. Полицейское право. Пособие. — М., 1903.

Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России: учебник для студентов высших учебных заведений по специальности «Историко-архивоведение». — Изд. 3. — М., 1983. — 352 с.

Жухрай В. Тайны царской охранки: авантюристы и провокаторы. — М., 1991. — 336 с.

Игнатенко Г. А. Фонд Департамента полиции и хроника рабочего движения России. 1895–1904. // Советские архивы. — 1990. — № 5. — С. 45–48.

Из истории борьбы царской охранки с революционным студенческим движением // Советские архивы. — 1989. — № 3. — С. 66–68.

История полиции дореволюционной России: Сборник документов и материалов по истории государства и права. — М., 1981.

История отечественного государства и права (Учебное пособие). — М., 1996, 1997. — Ч. 1. — 342 с.; Ч. 2. — 490 с.

Календарь и памятная книжка Таврической губернии на 1892–1899 гг. — Симферополь, 1900.

Камшицкий В. Керченский погром 1905 г. / Революция в Крыму. — 1924. — № 2.

Каравченко И. Правовые методы осуществления цензурной политики в царской России // Право Украины. — 2000. — № 4. — С. 115–118.

Карелина А. П. Крах идеологии «полицейского социализма» в России // Кн.: Исторические записки МГУ. — Т. 92. — М., 1973. — С. 109–152.

Козлов А. П. Заграничный политический сыск (1900 — февраль 1917) // Кентавр. — 1992. — № 1/2. — С. 96–108.

Кунцевич Ф. Революция 1905–1907 гг. в Крыму. — Симферополь, 1955.

Лукашевич С. Политический сыск и провокаторы в царском флоте // Красный флот. — 1922. — № 3–4.

Лурье Ф. Гапон и Зубатов (К истории политического сыска в России // Нева. — 1990. — № 4. — С. 161–175.

Миролюбова А. Документы по истории Департамента полиции периода первой мировой войны // Советские архивы. — 1988. — № 3. — С. 80–84.

Миронов Б. Н. Преступность в России в XIX — начале XX вв. // Отечественная история. — 1998. — № 1. — С. 24–41.

Надинский П. Очерки по истории Крыма. — Симферополь, 1957. — Ч. 1.

Найда С. Ф. Революционное движение в царском флоте. — М.-Л., 1948.

Нарбутов Р. В. Проект развития полицейских органов России 1907 г. // Советское государство и право. — 1990. — № 11. — С. 125–133.

Николаевский Б. История одного предателя. Террористы и политическая полиция. — М., 1991. — 368 с.

Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. — М., 1991. — 249 с.

Овсиенко А. Жандармы в рясе (О реакционной роли «зубатовщины» и духовенства в период развития революционного движения в России) // Наука и религия. — 1981. — № 11. — С. 34–37.

Овченко Ю. Ф. Московская «охранка» на рубеже веков // Отечественная история. — 1993. — № 2. — С. 27–32.

Овченко Ю. Ф. Полицейская реформа В. К. Плеве (1901–1902 гг.) // Вопросы истории. — 1993. — № 8. — С. 153–157.

Опалов В. 1905 год в Крыму. — Симферополь, 1931.

Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства. — Керчь, 1905.

Памятная книжка Таврической губернии на 1914 г. — Симферополь, 1914.

Памятная книжка Таврической губернии на 1915 г. — Симферополь, 1915.

Памятная книжка Таврической губернии на 1916 г. — Симферополь, 1916.

Первый штурм. — М., 1990.

Перегудова З. И. Департамент полиции с борьбе с революционным движением (годы реакции и революционного подъема). — М., 1988. — 295 с.

Перегудова З. Методы борьбы Департамента полиции с революционным движением // Факел 1990: историко-революционный альманах. — М., 1990. — С. 197-205.

Перегудова З. И. Строго законспирированы. — М., 1983. — 174 с.

Петрухин И. Л. Меры пресечения в дореволюционной России // Советское государство и право. — 1988. — № 7. — С. 119-125.

Проект развития полицейских органов России / Государство и право. — 1990. — № П. — С. 25-31.

Революционное движение в Черноморском флоте в 1905–1907 гг. Воспоминания и письма. — М., 1956. — 313 с.

Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.) / Сборник документов. — М., 1966. — 468 с.

Революционное движение в Крыму (1880–1907). — Сборник документов и материалов. — Симферополь, 1940.

Революционное движение в Таврической губернии в 1905–1907 гг. Сборник документов и материалов. — Симферополь, 1955.

Российское законодательство X–XX веков. — М., 1994. — Т. 9. — 351 с.

Самойленко Е. А. Киевская городская полиция в середине XIX — начале XX вв. — Киев: София, 2000. — 187 с.

Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 г. — Документы и материалы. — Симферополь, 1957.

Сизиков М. И. История полиции России (1718–1917). — М., 1992.

Скритилев Е. А. Историко-сравнительный метод в правоведении России второй половины XIX — начала XX вв. // В кн.: Методология историко-правовых исследований. — М., 1980. — С. 17-29.

Скритилев Е. А. Права личности в России до октября 1917 г. // Права человека: время трудных решений. — М., 1991. — С. 151-158.

Сидорова М. В. Использование документов архивов политического сыска в середине XIX — начале XX вв. // Советские архивы. — 1991. — № 6. — С. 20-26.

Советов В. Социал-демократия в Крыму. — Симферополь 1933. Справочная книга по г. Симферополю. 1911 г. — Симферополь, 1911. Справочник Таврической губернии на 1911 год. — Симферополь, 1911.

Тютюник Л. И. Департамент полиции в борьбе с революцией 1905–1907 гг. / В кн.: Самодержавие крупного капитала в России в конце XIX — начале XX вв. — М., 1982. — С. 98–112.

Тютюник Л. И. Источники по истории Департамента полиции (1880–1904) // Советские архивы. — 1984. — № 3. — С. 51–54.

Ургановский В. Первая революция в Феодосии / «Революция в Крыму. — 1925. — № 1.

Учреждение полиции. — СПб., 1911.

Хайнак Н. Россия, век XIX: судебная реформа и репрессия // Советское государство и право. — 1990. — № 11. — С. 125–133.

Хроника рабочего движения на Украине (1900–1917 гг.) — К., 1987. — 655 с.

Царская охранка о политическом положении в стране в 1916 г. // Исторический архив. — 1960. — № 1. — С. 203-209.

Февральская революция и охранное отделение // Былое — 1918. — № 1.

Ярмыш А. Н. Политическая полиция Российской империи (1880–1904 гг.). — Харьков, 1978. — 127 с.

Ярмыш А. Н. Реакционная роль политической полиции на Дону в конце XIX — начале XX вв. // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. — Ростов-на-Дону, 1983. — № 2. — С. 62–67.

Ярмыш А. Н. Наблюдать неотступно. Административно-полицейский аппарат царизма и органы политического сыска в Украине в конце XIX — начале XX вв. — К., 1992. — 186 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О СОТРУДНИКАХ ТАВРИЧЕСКОГО ГЖУ

КУРТЬЯНОВ Николай Михайлович, полковник, начальник ГЖУ с 20 июля 1893 г., 1833 года рождения (далее — г. р.) по происхождению из дворян Московской губернии. Православный. Окончил Московский кадетский корпус. Служебная карьера: Пензенский и Ярославский батальон внутренней стражи (1851–1872), помощник начальника ЖУ Подольской и Тамбовской губ. (1872–1891), начальник Уфимского ГЖУ (1891–1893). Кавалер орденов Святой Анны 2,3,4 степеней, ордена Станислава 2 и 3 ст., награжден бронзовой медалью в память войны 1853–1856 гг. Жалованье: штатное — 687, дополнительное — 1800, столовых — 600, квартирные — 350, на наем прислуги — 192. Женат, детей нет. Недвижимости не имел.

КОНРАДИ Вильям Карлович, подполковник, помощник начальника ГЖУ в Ялтинском уезде с 20 апреля 1892 г., 1845 г. р., сын пастора Курляндской губ. Лютеранин. Окончил Варшавское пехотное юнкерское училище. На службе с 1863 (выслуга более 25 лет). Имел 4 ордена и 1 медаль. Жалованье: штатное —

531, добавочное — 100, квартирные — 150, на прислугу — 192, на содержание писаря — 120. Кучера и экипажа — 300. Семейное положение неизвестно. Недвижимости не имел.

МАЦКЕВИЧ Авраам Александрович, подполковник, помощник начальника ГЖУ в Керчь-Еникальском градоначальстве и Феодосийском уезде с 27 мая 1891 г. 1842 г. р. Православный. Из дворян Ярославской губ. Военскую службу начал в 1860 г., продолжил унтер-офицером в Москве и Санкт-Петербурге, выполнял особые поручения в Одессе, Барнауле и Томске. В августе 1891 г. был назначен начальником Тобольского ГЖУ. Участвовал в подавлении польского восстания 1863 г. Имел 5 орденов, 2 медали, за выполнение особых заданий пять раз получал по 180 рублей. Жалованье: штатное — 531, дополнительное — 700, на прислугу — 192. Квартирные — 200. Женат, имел двоих детей. Недвижимости не имел.

БАЙКОВСКИЙ Дмитрий Станиславович, ротмистр, помощник начальника ГЖУ в Бердянском и Мелитопольском уездах с 18 марта 1894 г. 1843 г. р. Вероисповедание неизвестно. Происходил из дворян Тамбовской губернии. Окончил Александровский сиротский кадетский корпус. Службу начал в 1863 г. прапорщиком 14 Драгунского Малороссийского полка, затем служил в Румынии адъютантом, позже — в Лифляндском, Енисейском и Томском ГЖУ. В 1885–1894 — помощник начальника Томского, Тобольского и Уфимского ГЖУ. Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Награжден одним орденом и двумя медалями. Женат, растил; дочерей и сына. Недвижимого имущества не имел.

БУРАГО Николай А. ротмистр, помощник начальника ГЖУ в Днепровском и Перекопском уездах с 15 июня 1894 г. 1856 г. р. Православный. Происходил из дворян Курской губернии. Окончил Московскую военную гимназию. Военскую службу начал в 1879, служил командиром роты в Варшаве, помощником начальника Нижне-Новгородского, Уфимского, Златоустского ГЖУ. в

марте 1898 убыл на должность помощника начальника Казанского ГЖУ. Имел 1 орден и 2 медали. Жалованье: штатное — 366, добавочное — 700, квартирные — 150, на содержание прислуги — 96. писаря — 120. кучера и экипажа — 300. Холост. Недвижимости не имел.

САМОКВАСОВ Николай Данилович, помощник начальника ГЖУ в Керчь-Еникальском градоначальстве и порту (проверка паспортов) с 4 июня 1890 г. 1850 г. р. Православный. Родом из дворян Черниговской губ. Окончил Тверское кавалерийское юнкерское училище. Службу начал в 1861 г. юнкером в Лейбдрагунском Псковском полку, служил помощником Витебского. Бессарабского и Тверского ГЖУ. Имел 1 орден и 2 медали. Жалованье: штатное — 431, дополнительное — 700, квартирные — 200, на содержание прислуги — 128 и писаря — 120. Женат, детей не было. Недвижимости не имел.

ПАЛЛИС Николай Спиридонович, ротмистр, начальник Севастопольской крепостной жандармской команды с 16 ноября 1892 г. 1836 г. р. Православный. Сын надворного советника Таврической губернии. Окончил Киевское пехотное юнкерское училище. На службе с 1873 унтер-офицером Литовского, затем Виленского полков, преподавал гимнастику в Феодосийском педагогическом институте (1880–1890), потом служил адъютантом в Бессарабском и Таврическом ГЖУ. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Награжден двумя орденами и тремя медалями. Жалованье: штатное — 366, дополнительное — 400, столовые — 250. на кучера и содержание экипажа получал 300, на прислугу — 96 и писаря — 120 руб. Был дважды женат, детей не имел. Недвижимости не было.

КРЮГЕР Николай Иванович, ротмистр, помощник начальника ГЖУ в Севастопольском порту с 20 октября 1892 г. 1864 г. р. Вероисповедания евангелийского реформистского. Сын маляра из г. Выборга. Окончил Александровский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училища. Служил в Прибалти-

ке, занимал в разных регионах империи посты помощников ГЖУ. Награжден одним орденом. Получал следующее жалованье: штатное — 365, дополнительное — 700, квартирные — 150, на содержание прислуги — 96. Был женат, растил дочь и сына. Недвижимости не имел.

ВОСКРЕСЕНСКИЙ Аверин Всеволодович, ротмистр, начальник Керченской крепостной жандармской команды с 28 мая 1894 г. 1861 г. р. Православный. Сын губернского секретаря Новгородской губернии. Окончил Санкт-Петербургское юнкерское училище. Начал служить в 1879 г. юнкером 85 пехотного Выборгского полка. После службы в Крыму назначен начальником Миасского отделения Самарского ЖУ железных дорог. Наград не имел. Жалованье: штатное — 339, добавочное — 400, столовые — 250, на содержания писаря — 120, прислуги — 96 и кучера с экипажем — 300. Был женат, но детей не имел. Наличие недвижимости неизвестно.

ГАМРЕКЛИОЗ Варсен Лукич, штабс-ротмистр, адъютант, затем помощник начальника ГЖУ в Днепровском и Перекопском уездах с 1894 г. 1863 г. р. Православный. Происходил из дворян Кутаисской губернии. Окончил III военное Александровское училище. Службу начал в 1867 г. унтер-офицером Тифлисском кадетском корпусе. Наград не имел. Жалованье: штатное — 312, столовые — 138, дополнительное — 396, квартирные — 214, на содержание прислуги получал 96 руб. Был женат и имел дочь. О наличии недвижимости неизвестно.

АБРАМОВ Иван Матвеевич, адъютант ГЖУ с 28 декабря 1894 г. 1863 г. р. Православный. Сын сотника Области войска Донского. Окончил Новочеркасскую классическую гимназию и II Константиновское военное училище. Проходил службу в конном батальоне 9 артиллерийского корпуса. Награжден одной медалью. Жалованье: штатное — 339, дополнительное — 396, столовые — 138, квартирные — 100, на прислугу — 96. Был женат, имел двух сыновей. О владении недвижимостью неизвестно.

ТРУБНИКОВ Семен Васильевич, полковник, начальник ГЖУ с 21 апреля 1895 г. 1839 г. р. Православный. Происходил из дворян Рязанской губернии. Получил частное образование, о дальнейшей учебе неизвестно. Начал службу в 1855 унтер-офицером в запасном Новоархангельском Уланском полку, в Корпусе жандармов с 1867 г., служил адъютантом и помощником начальника Харьковского ГЖУ, с 1885 г. — начальником Подольского ГЖУ. Был награжден орденом Святого Владимира 2 и 3 степеней. Святой Анны 2 и 3 степеней. Станислава 2 степени, золотым орденом Бухарской Звезды 2 степени, медалью в память войны 1853—1856, медалью Александра II. Жалованье: штатное — 687, дополнительное — 1000, столовые — 600, получал на секретные расходы — 500, квартирные — 650, на содержание прислуги — 298. Женат, имел двух дочерей и сына. Недвижимости не имел.

РЕБИНДЕР Григорий Николаевич, ротмистр, начальник Керченской крепостной жандармской команды с 28 апреля 1895 г. 1857 г. р. Православный. Происходил из дворян Санкт-Петербургской губернии. Окончил Тверское кавалерийское юнкерское училище. Начал службу в 1873 г. унтер-офицером Лейб-Драгунского Московского полка, был адъютантом ГЖУ в Санкт-Петербурге и Самаре, начальником Миасского отделения Самарского ЖУ железных дорог. Участвовал в боевых действиях на русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Награжден 3 орденами и 3 медалями. Жалованье: штатное — 366, столовые — 250, дополнительное — 400, на содержание писаря — 120, прислуги — 96, кучера и экипажа — 300 руб. Был женат, детей не было. Недвижимости не имел.

ПРОФФЕН Василий Альбертович, помощник начальника ГЖУ в Днепровском и Перекопском уездах с 9 июня 1895 г. 1852 г. р. Православный. Из дворян Санкт-Петербургской губернии. Окончил Николаевское инженерное училище. Начал службу в 1870 г., был начальником Вышневолодского и Новгородского отделений ЖУ железных дорог, помощником начальника Лифляндского ГЖУ. После службы в Крыму в 1898 г. был переведен на должность помощника начальника Саратовского ГЖУ. Участник войны 1877—1878 гг. На-

граждался 3 орденами и 2 медалями. Жалованье: штатное — 531, дополнительное — 700, транспортные — 300, квартирные — 300, на содержание писаря — 120 и прислуги — 194 руб. Был женат, имел дочь и двух сыновей. Недвижимостью не владел.

КАНЕВЦОВ Петр Дмитриевич, подполковник, помощник начальника ГЖУ в Севастопольском порту с 29 июля 1895 г. 1856 г. р. Православный. Из дворян Виленской губернии. Окончил пехотное юнкерское училище. Начал службу в 1874 г. в Оренбургском пехотном полку, был адъютантом в Гродненском и Бакинском, помощником начальника Ереванского ГЖУ, начальником Александровского отделения Харьковского ЖПУЖД. После службы в Крыму был назначен в 1898 г. начальником отделения Московского ЖПУЖД. Имел один орден и одну медаль. Жалованье: штатное — 531, дополнительное — 700, квартирные — 400, на прислугу — 199, писаря — 120. Был женат, детей не было. Недвижимости не имел.

АРЕНДТ Виктор Болеславович, ротмистр, начальник Керченской крепостной жандармской команды с 24 декабря 1896 г. 1854 г. р. Православный. Из потомственных дворян Киевской губернии. Окончил Варшавское пехотное юнкерское училище. Начал службу в 1870 г. юнкером 6 Гренадерского полка, служил в ГЖУ Орла, Одессы, Вологды. В октябре 1897 г. отбыл из Крыма на должность начальника Гродненского ЖПУЖД. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Награжден двумя орденами и 4 медалями. Жалованье: штатное — 366, дополнительное — 400, столовые — 250, канцелярские расходы — 50, на содержание писаря — 120, прислуги — 96, кучера и экипажа — 300. Женат, растил одного сына. Жена имела собственный дом в Москве.

ЦЫСС Дмитрий Александрович, поручик, адъютант ГЖУ с 31 декабря 1896 г. 1870 г. р. Православный. Происхождение неизвестно. Окончил 1 Павловское военное училище, по окончании которого прибыл на службу в Симферополь. Награжден одной медалью. Жалованье: штатное — 312, столовые — 138, добавочное — 396, квартирные — 180. Холост. Недвижимости не имел.

КОРЕШИЕВ Александр Николаевич, ротмистр, помощник начальника ГЖУ в Ялтинском уезде с 21 июня 1897 г. 1864 г. р. Православный. Из дворян Курляндской губернии. Окончил II Константиновское военное училище. Служил офицером-сапером в Московском пехотном полку, принят в Корпус жандармов в 1895 г., занимал должность адъютанта Кутаисского ГЖУ. Имел одну медаль. Жалованье: штатное — 366, дополнительное — 700, на содержание писаря — 96, квартирные — 100 руб. Имел сына и дочь. Недвижимостью отсутствовала.

ВИШНЕВСКИЙ Дмитрий Николаевич, штабс-ротмистр, адъютант ГЖУ с мая 1890 г. 1861 г. р. Православный. Из потомственных почетных граждан Москвы. Окончил Тверское кавалерийское юнкерское училище. После учебы с 1890 г. служил в артиллерийском корпусе, затем младшим офицером в Московском жандармском дивизионе. Из Таврического ГЖУ был переведен в Варшавский жандармский дивизион. Награжден орденom и тремя медалями. Жалованье: штатное — 366, дополнительное — 400, столовые — 250, квартирные — 300, на содержание писаря — 120 и прислуги — 96. Женат, детей не было. О наличии недвижимости неизвестно.

ДОБРОЖАНСКИЙ Орест Клементьевич подполковник, помощник начальника ГЖУ в Мелитопольском и Бердянском уездах с 27 марта 1898 г. 1848 г. р. Православный. Сын дворянина Кутаисской губернии. Окончил Николаевское инженерное училище. В 1895 г. служил адъютантом Таврического ГЖУ, с 1886 — помощником начальника Владимирского ГЖУ. Награжден 4 орденами и 3 медалями. Жалованье: по штату — 531, дополнительное — 700, экипажные — 300, квартирные — 200, на прислугу — 192 и писаря — 120. Был женат, удочерил четверо детей. Недвижимости не имел.

ЯКОВЛЕВ Дмитрий Алексеевич, подполковник, помощник начальника ГЖУ в Днепровском и Перекопском уездах с 17 июня 1889 г. 1849 г. р. Православный. Из почетных граждан г. Томска. Окончил Оренбургское пехотное юнкерское училище. Службу на-

чал в 1865 г. унтер-офицером 2-го Западно-Сибирского батальона. Был адъютантом в Нижегородском, помощником начальника в Ковенском, Екатеринославском, Донецком и Саратовском ГЖУ. Участвовал в боевых действиях на войне 1877–1878 гг. Имел 2 ордена и 2 медали. Жалованье: оклад — 531, дополнительное — 700, на прислугу — 192 и на писаря — 120, экипажные — 300. Женат, детей не имел. Недвижимостью не владел.

АРМЕЙСКОВ Сергей ..., ротмистр, адъютант ГЖУ со 2 мая 1913 г. 1885 г. р. Православный. По происхождению из дворян Области войска Донского. Окончил III Московский кадетский корпус и Казанское пехотное юнкерское училище. Службу начал в 1905 г. вольнонаемным в Елисаветградском юнкерском училище. Служил хорунжим в 14 Донском казачьем полку, адъютантом Черниговского ГЖУ. Наград не имел. Жалованье: штатное — 900, столовые — 240, квартирные — 249, на содержание прислуги — 96. Женат, имел дочь. Недвижимости не было.

НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО Константин Прокофьевич, полковник, начальник ГЖУ с 28 апреля 1908 г. 1864 г. р. Из дворян Черниговской губернии. Православный. Окончил Орловский кадетский корпус и II Константиновское военное училище. Службу начал в 1883 г. Награжден одним орденом. Имел трех сыновей и дочь. Недвижимостью не владел.

КУЗУБ Федор Григорьевич, штабс-ротмистр, адъютант ГЖУ с 17 ноября 1908 г. 1878 г. р. Православный. Происходил из мешан г. Полтавы. Окончил Полтавский кадетский корпус и Чугуевское пехотное юнкерское училище. Поступил на службу в 1893 г. Награжден пятью орденами. Женат, имел сына. Недвижимостью отсутствовала.

ПЛЕЩ Сергей Георгиевич, подполковник, помощник начальника ГЖУ в Мелитопольском и Бердянском уездах с 17 сентября 1908 г. 1866 г. р. Православный. Из дворян Санкт-Петербургской губернии. Окончил I Кадетский корпус и I Павловское

военное училище. На службе с 1884 г. Награжден одним орденом. Женат, имел двух сыновей. Недвижимости не было.

КРЕМЕНЕЦКИЙ Дмитрий Александрович, подполковник, начальник Керченской крепостной жандармской команды с 2 октября 1903 г. 1867 г. р. Православный. По происхождению из дворян Лонжинской губернии. Окончил Псковский кадетский корпус и II Константиновское военное училище. Поступил военную службу в 1886 г. Награжден одним орденом. Холост. Сведений о наличии недвижимости нет.

ЛЕУС Дмитрий Дмитриевич, подполковник, помощник начальника в Симферопольском и Перекопском уездах с 29 марта 1906 г. 1865 г. р. Православный. Из дворян Кутаисской губернии. Окончил Тифлисский кадетский корпус и II Константиновское военное училище. Службу начал в 1885 г. юнкером, затем поручиком 149 Черноморского пехотного полка, затем переведен на должность адъютанта Харьковского ГЖУ. После службы помощником Екатеринославского и Финляндского ГЖУ был направлен в Крым. Женат, имел двух дочерей и сына. Недвижимостью не владел.

МОЛЧАНОВ Александр Алексеевич, ротмистр, помощник начальника ГЖУ в Керчь-Еникальском градоначальстве и порте с 17 декабря 1905 г. 1872 г. р. Православный. Из дворян Области войска Донского. Окончил Донецкий кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. На службе с 1891 г. Награжден одним орденом. Имел двух дочерей. Недвижимости не было.

ТИМКОВСКИЙ Василий Яковлевич, ротмистр, помощник начальника ГЖУ в Феодосийском уезде с 4 апреля 1906 г. 1870 г. р. Православный. Сын священника Херсонской губернии. Окончил Одесскую духовную семинарию и Одесское пехотное юнкерское училище. На службе с 1890 г. Награжден одним орденом. Женат, имел сына и двух дочерей. Недвижимостью не владел.

**Секретный циркуляр департамента полиции
губернаторам, градоначальникам и начальникам
губернских жандармских управлений
№ 8040 от 28 июня 1900 года**

...Власть и ее представители должны оставаться твердыми и дестрастными в смысле охранения порядка, установленного законом, доколе последний не отменен или заменен новыми велениями законодателя.

Такое неуклонное исполнение носителями административных и полицейских властей, принятых ими на себя обязанностей несомненно внушит и беспорядочникам сознание, что их дерзкие выходки против порядка не могут быть встречены властями с опущенными руками а потому и самые предприятия такого рода бесцельны.

... Не вовремя и не к месту доставленная военная сила и нерешительное ею руководство, без надлежащей осмотрительности разрешенное собрание, запоздалое изъятие зачинщиков и вожаков, о возможном возникновении которых имелись предупредительные сведения — дают благоприятные результаты для врагов порядка и несомненно свидетельствуют о слабости власти, а нередко и о полной непригодности ее на местах.

В тех случаях, когда центральное управление предпринимало исследования через своих чинов причин более выдающихся беспорядков и массовых волнений, почти всегда оказывалось, что местные полицейские власти и администрация были столь растеряны и слабы, что в конце концов приходилось констатировать почти полное их бездействие. Таковые результаты за последние годы дали расследования европейского погрома в Кишиневе, забастовки рабочих и ремесленников в Одессе в 1903 г., забастовки железнодорожных рабочих в Ростове в 1902 г., волнений учащейся молодежи в Томске в 1903 г. ... Начальники губерний и губернских жандармских управлений из местностей, происходили те или иные беспорядки, заявляли почти все без исключения ходатайства о введении исключительного положения, предостав-

лявшего им большую полноту прав и полномочий, а ближайшее изучение хода событий, нарушивших порядок во вверенных им управлению и надзору местностях, обнаруживало, что им не были использованы для восстановления порядка и предупреждения его нарушения и те права и полномочия, которые предоставлены местным властям законоположениями общими.

Озабочиваясь выполнением возложенной на меня **ВЫСОЧАЙШИМ** доверием по охранению порядка в **ИМПЕРИИ**, я считаю необходимым изложить предъявляемые мною к чинам полиции и жандармских управлений безусловные требования по выше объявленному предмету:

1. Чины городских и уездных полиций по обязанности их охранения порядка должны обладать возможной осведомленностью обо всяких готовящихся беспорядках скопом и принимать самые энергичные меры к воспрепятствованию таковым в самом начале их возникновения, не допуская их развитие до размеров, требующих для прекращения значительной силы. Предварительная осведомленность полиции несомненно во многих случаях даст ей возможность к таковым предупредительным мерам.

2. Прекращение беспорядка полицией не может ограничиваться одним удалением с места такового его нарушителей, а на обязанности полиции лежит выяснение как зачинщиков и руководителей, так и наиболее выдающихся участников беспорядка на предмет законных преследований сих лиц по мере ими содеянного.

3. Требования полиции по охранению порядка должны быть настойчивы и авторитетны, а употреблению ею по мере надобности силы и оружия не может быть придаваемо характера лишь неисполняемой угрозы. Чинами полиции должно быть внушено, что применение силы и оружия при обдуманной оценке этой меры отнюдь не может быть вменено в служебную вину, которая наоборот будет усмотрена в уступчивом отношении к нарушителям порядка. Равным образом при мере надобности военной силы такая должна быть приведена в действие со всей последовательностью этой поистине серьезной меры, не оставляя места впечатлению колебания и нерешительности власти, военную силу призвавшей.

4. Чины жандармских управлений безусловно обязаны обладать сведениями о возникающей в тех или иных местах губернии, города или области брожении населения и о лицах, ведущих к осуществлению беспорядков агитацию.

Между названными чинами и чинами общей полиции должны быть с полной живописью поддерживаемы постоянные отношения взаимного осведомления для совместных целесообразных действий а нередко замечаемое ныне обособление в этом отношении названных чинов друг от друга будет обсуждаемо единственно по вопросу о соответствии тех или других занимаемых ими должностям.

5. Начальникам жандармских управлений вменяется в непренную обязанность обо всех собраниях следующих и со всей полнотой поставлять в известность градоначальников и начальников полиции, которым принадлежит главное руководство действиями подчиненных им чинов последней, а равно принимать действительное участие в розыске и уличении зачинщиков и участников происшедших беспорядков.

6. Недостаточная осведомленность обо всем происходящем в пределах вверенной жандармскому надзору местности будет начальникам жандармских управлений зачитаема, как повод к замещению их должностей более деятельными лицами...

О таковых моих требованиях прошу господ начальников полиций дать соответственные для точного руководства указания подчиненным им чинам.

*Товарищ министра внутренних дел, заведующий
Полицией Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генерал-майор Тренов*

Приложение № 3

Министерство внутренних дел
Департамент полиции
По особому отделу
25 августа 1905 г.
№ 10950

Господам Начальникам
губернских и областных
жандармских управлений
Охранных отделений
и розыскных пунктов

Противоправительственное движение, органами борьбы, с которыми являются, главным образом. Жандармские управления и Охранное отделение, получило в последнее время весьма широкое развитие, выразившееся в образовании целого ряда самостоятельных партий и организаций, действующих каждая по собственной программе и системе.

Ближайшее ознакомление с характером, целями и способами действий тайных организаций, несомненно, должно составлять первейшую обязанность офицеров Отдельного Корпуса жандармов, призванных к непосредственной борьбе с ними. так как только полная в этом отношении осведомленность может дать розыскным органам Правительства правильный взгляд на дело и содействовать выборке целесообразных приемов борьбы, которая в противном случае будет сводиться лишь к временному, часто случайному изъятию преступной среды отдельных ее представителей или задержанию одних средств пропаганды, которыми они пользуются.

Между тем опыт показывает, что некоторые представители жандармского надзора на местах не проявляют надлежащего интереса к теоретическому ознакомлению с программами и тактикой отдельных революционных организаций, не имеют по сему ясного представления о характере противоправительственного движения во временных им районах, вследствие чего, донося в Департамент Полиции о частных случаях проявления революционной деятельности отдельных лиц или групп, оставляют Департамент Полиции в неизвестности относительно общего положения революционного движения в районе, вследствие чего Департамент как центральное учреждение, ведущее розыском, встречается с весьма значительными затруднениями при оценке положения противоправитель-

ственного движения и при выработке общих руководящих указаний для планомерной борьбы с таковым.

В виду изложенного Департамент Полиции признает необходимым установить за общее правило, чтобы Г. г. Начальники губернских и областных жандармских управлений и Охранных отделений периодически, два раза в год, представляли в Департамент независимо от обычных, по ходу текущих дел, донесений, особые записки, в которых без излишних подробностей и мелочей, затемняющих дело, но с достаточной определенностью и точностью излагали бы обоснованные более или менее фактически, а не на одних предложениях сведения по нижеследующим вопросам:

Какие революционные организации существуют в данном регионе. когда возникли. в чем выразилась их деятельность (демонстрации, забастовки, террористические факты, пропаганда словом и литературой), каков их личный состав и кто выдающиеся по своему значению их руководители. В этом отношении наибольшего внимания должны заслуживать местные группы ниже перечисленных организаций: 1. партия социалистов-революционеров; 2. анархисты-коммунисты; 3. РСДРП; 4. Бунд; 5. польская социалистическая партия; 6. латышская СДРП; 7. Дашнакцутюн; 8. Поалей-Циан и др.

I. Какие указания получены на существование в данном районе технических революционных предприятий: как-то: изготовление разрывных снарядов, приобретение оружия, организация паспортных бюро, постановка тайных типографий и устройство других множительных аппаратов.

II. Какие появились наиболее характерные преступные издания... с предоставлением образцов, которые имеют программный характер или направлены к агитации в военной и крестьянской среде.

III. Какие имелись указания на сношения и связи революционных организаций данного района с таковыми же других местностей...

IV. Какие именно меры, административные и другие, были предпринимаемы в каждом отдельном случае по предупреждению главнейших явлений революционного характера и преследованию уже совершенных преступлений политического свойства (Далее уточняются сроки подачи сведений (1 апреля и 1 октября) и заверения в точном исполнении настоящего циркуляра. — В. К).

Научное издание

КОРОЛЁВ Виктор Иванович

ДЕЙСТВОВАТЬ ЭНЕРГИЧНО И ПО ЗАКОНУ
История политической полиции Крыма

Редактор: *Г. Н. Гржибовская*
Компьютерная верстка: *З. В. Эринчек*

Подписано в печать 14.12.2007.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Формат 60x84¹/₁₆. Гарнитура Times.
Объем 11.62 усл.-печ. л. Тираж 300 экз.

Издание подготовлено в издательстве «АнтикВА»
95000, г. Симферополь,
пер. Героев Аджимушкая, 6, оф. 3
Тел.: 8(0652)60-02-98. E-mail: antikva07@mail.ru
Свидетельство о внесении в Государственный реестр
субъекта издательского дела ДК № 2485 от 05.05.2006.

Отпечатано в СПД Барановский А. Э.
95006, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 94